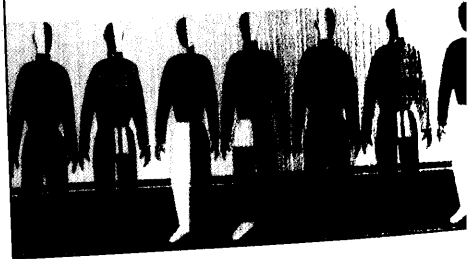
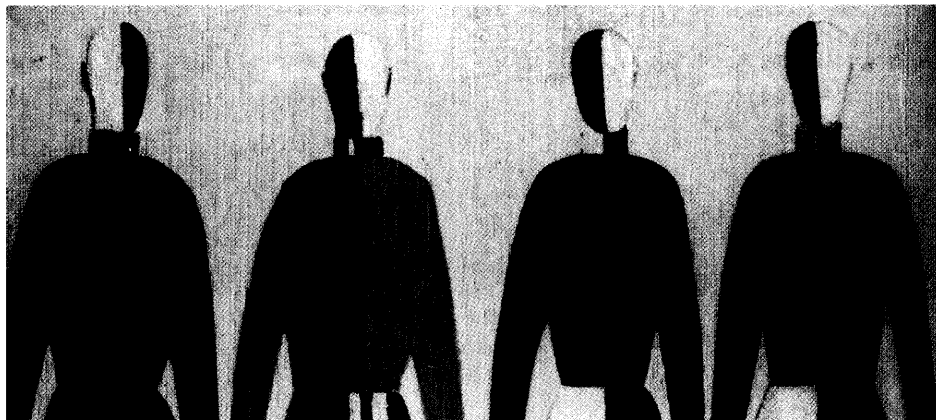

Игорь Григорьевич Яковенко – доктор философских наук, профессор. Живет и работает в Москве. Сфера научных интересов: культурология, цивилизационная компаративистика, россиеведение, философия истории, политология. Особое внимание исследователя привлекают проблемы социокультурной динамики.

И.Г. ЯКОВЕНКО

РИСКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Прогресс-Традиция

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

И.Г. ЯКОВЕНКО

**РИСКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Прогресс-Традиция
Москва

В критических ситуациях человек обращается к критике устойчивых традиций собственного бытия, к анализу базовых оснований своей культуры. И чем масштабнее кризис, чем выше риски и серьезнее опасности, тем глубже и бескомпромисснее должен быть подобный анализ.

И. Яковенко

УДК 316
ББК 60.5
Я 47

*Научно-исследовательский проект осуществлен
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-03-00257А*

Яковенко И.Г.

Я 47 Риски социальной трансформации российского общества:
культурологический аспект. — М.: Прогресс-Традиция,
2006. — 176 с.

ISBN 5-89826-258-х

Монография посвящена рискам, т. е. негативным последствиям человеческой деятельности или социальным издержкам существования общества. В эпоху больших преобразований объем рисков возрастает настолько, что это может блокировать процессы развития и стать фактором деструкции общества.

В монографии риски трансформации российского общества исследуются через призму актуальной культуры, которая задает собой все поведение человека. С этих позиций устойчивые характеристики ментальности, специфика традиционной культуры и процессы трансформации культуры предстают как факторы, порождающие разнообразные риски.

ББК 60.5

На обложке:

К. Малевич «Спортсмены». Фрагмент

ISBN 5-89826-258-х

© И.Г. Яковенко, 2006

© Г.К. Ваншенкина, оформление, 2006

© Прогресс-Традиция, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Российское общество переживает всеобъемлющую социальную трансформацию. Стремясь выразить суть происходящего и обозначить масштаб перемен, исследователи говорят о целостном трансформационном процессе, или историческом транзите. Постепенно складывается убеждение, что подлинный масштаб происходящего сегодня можно будет оценить лишь с ретроспективной позиции, когда отшумят самые бурные перипетии и раскроется веер более или менее отдаленных последствий фундаментальных преобразований российского универсума.

Преобразования такого масштаба неизбежно несут в себе драматические коллизии, сопровождаются большими и малыми потерями самого разного характера, чреватые резким ростом неопределенности. Речь идет о негативных, нежелательных и опасных для человека последствиях социальных изменений. Надо сказать, что и рутинное существование общества также вызывает негативные последствия. Они рождаются в каждом акте человеческой деятельности и социального взаимодействия. Однако пласт социальных издержек относительно стабильного существования общества опривычен и воспринимается как нормальный фон жизнедеятельности. В обществе формируются механизмы решения возникающих проблем, которые частично берут на себя компенсацию негативных последствий функционирования социального организма. Наряду с этим негативные последствия человеческой деятельности накапливаются, создавая экологический, генетический, социальный, технологический, культурный груз. Груз этот не заявляет о себе до поры до времени, не воспринимается обществом как серьезная проблема, но влияет на происходящие процессы и резко актуализируется в эпохи масштабных преобразований, когда срабатывают стратегические и тактические факторы. Драматизм происходящего обновляет видение и дает обществу шанс приметить многое из того, чего не замечают люди, живущие в относительно благополучные времена.

Сущности, о которых идет речь, — опасности, потери, негативные последствия человеческой деятельности — в рамках социологической традиции концептуализуются в понятии риска. Риски — базовая категория и основной объект исследования рискологии. Социальная рискология — энергично развивающаяся отрасль социального знания, предметом которой является двойственная созидательно-разрушительная природа всякого социального действия [Яницкий, 2003].

Социология риска возникла на Западе несколько десятилетий назад. Основания рискологии покоятся на цивилизационных основах западной культуры. Она предполагает определенный тип ментальности, которой свойственна глубокая рациональность и специфически рыночное, калькулирующее мышление. Такое мышление ориентировано на постоянную оптимизацию поведения человека. Последняя достигается оценкой возможных приобретений и потерь, оценкой рисков и выбором оптимального варианта, для которого можно ожидать наилучшее соотношение приобретений и потерь при допустимых значениях риска.

Общественные науки в СССР не интересовались концептуализацией проблемы риска. Это связано как с глубинными основаниями российской культуры, в которой описанное рыночное мышление профанировано и существует на периферии общественного сознания, так и с идеологической спецификой советского общества. Финалистический оптимизм коммунистической идеологии предполагал, что построение коммунизма стоит любых жертв и усилий. В такой ценностной перспективе калькуляция приобретений и потерь смотрелась плохо. Советское общество избегало обсуждения проблемы социальных издержек и исторической цены социальных преобразований. А разговоры о рисках, имманентно присущих советскому обществу, представлялись клеветой на социалистический строй.

С началом эпохи реформ в обществе коренным образом изменилась социокультурная ситуация. Рыночный тип мышления последовательно завоевывает позиции и утверждается. Советская идеология утратила статус директивной истины. Мера включенности России в общемировые процессы существенно выросла. Наконец, резко увеличился масштаб осознанных обществом проблем. Все это способствовало формированию отечественной рискологии.

Концепция общества риска позволяет расширить перспективу теоретического видения социальных и культурных процессов. В этой теоретической перспективе риск предстает как неустранимый момент, внутренне присущий человеческой деятельности. Так называемые «нормальные риски» производятся обществом постоянно в рамках легитимных процедур и институциональных структур. Производство, распространение и потребление рисков составляет один из аспектов функционирования современного общества. Причем его развитие ведет к накоплению рисков. Согласно У. Беку, в отличие от опасностей прошлых эпох, риски – следствия модернизации и порождаемых ею чувств неуверенности и страха.

История развития рискологических исследований освещалась в работах зарубежных и российских специалистов. Подробный обзор ключевых идей западной рискологии можно найти в работах О. Яницкого, А. Мозговой, Е. Шлыковой [Яницкий, 1996, 1998, 2003; Мозговая, 2001; Шлыкова 2001]. Опираясь на положения рискологической теории, автор обращается к разворачивающимся на наших глазах процессам социетальной трансформации нашего общества. При этом социологическая перспектива рискологического анализа центрируется на культуре.

Человек существует «внутри» культуры и неотделим от нее. Все его отношения со Вселенной опосредованы культурой, а потому проблема рисков выводит нас на проблематику культуры. Исследуя устойчивую специфику культуры конкретного общества, а также рассматривая стадиальные характеристики этой культуры, можно выявить и описать факторы риска, «упакованные» в ткань культуры. Факторы, коренящиеся в ментальности, в устойчивых элементах психологии, в заданных культурой неререфлексируемых оценках, мифах и фобиях, в диктуемых культурой гносеологических процедурах, аксиологических конструктах и моделях разрешения типичных проблем, принадлежат пространству культуры.

Как правило, эти сущности ускользают от внимания неспециалиста. Их выявление и развернутый анализ требует специальных исследовательских процедур. Более того, каждая культура прячет от своих носителей базовые установки и в известном смысле манипулирует человеком. Все это маскирует детерминированные культурой факторы риска. Впитывая родную культуру с молоком матери, человек усваивает присущую этой культуре конфигурацию типичных рисков. В данной ситуации необходимо обращение к аппарату культурологии. Методологические и содержательные наработки гуманитарных дисциплин культурологического цикла (культурология, цивилизационный анализ, руссиеведение, цивилизационная компаративистика) позволяют решать предложенную проблему и выделять аспекты и факторы риска, заданные культурой общества. В этом отношении настоящая работа может быть охарактеризована как взгляд на проблему рисков трансформации российского общества глазами культуролога.

Специфика актуальной и традиционной культуры рассматривается нами в аспекте потенции к порождению рисков. Исследуется, как, в каких моделях культура предлагает своему носителю осмысливать риски, какие оценки рисков она диктует, какие механизмы поведения в ситуации риска предполагает. В этом — специфика и новизна настоящей работы. Исследование

проблемы рисков под культурологическим углом зрения раскрывает новое, неизученное пространство, позволяет нам лучше узнать самих себя, дает основания для развернутых прогностических суждений.

ЧАСТЬ I. РИСКИ И КУЛЬТУРА

Глава 1. КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РИСКА

Теоретические предпосылки

В силу фундаментальных обстоятельств, коренящихся в природе бытия, риски представляют собой неустрашимый фон человеческого существования. Не только любой акт деятельности, но и фрагмент бездеятельности, иными словами, любое человеческое поведение может привести к последствиям, не совпадающим с желаниями и позитивными ожиданиями субъекта.

Концептуализуя понятие риска, социологи говорят об опасностях (hazards), которые есть угрозы (threats) людям и тому, что они ценят. Тогда риски (risks) – это меры опасностей (hazards). Таким образом, риски возникают в связи с нежелательным, опасным для человека развитием событий и осознанием этих угроз. Риски связаны с неустрашимой неопределенностью значимых параметров среды человеческого существования. Причем эти параметры либо полностью, либо частично неподконтрольны человеку.

События, несущие в себе опасности, представляются нежелательными как для отдельного человека, так и для общества в целом. Безопасное состояние связано с понятием порядка и организованности. Уточним: с таким порядком, параметры которого соответствуют биологическим, культурным и социальным потребностям человека. Опасности лежат на противоположном полюсе и связаны с понятием хаотизации, дезорганизации среды человеческого существования. То есть такого измерения параметров этой среды, которое делает ее неоптимальной и неприемлемой для человека.

Решая задачи самоподдержания, отдельный человек и общество в целом постоянно воспроизводят требуемые параметры внутренней и внешней среды. В этой перспективе хаотизация среды предстает как результат самых разнообразных ошибок – в прогнозировании, оценке, деятельности, во взаимодействии с другими социальными акторами и т.д. Ошибки делятся на обратимые и необратимые. Обратимые ошибки можно исправить. Ре-

зультаты необратимых ошибок разгребают те, кто остались в живых. Здоровое, адекватное ситуации общество следит за тем, чтобы количество ошибок не превышало некоторого критического уровня. Накопление ошибок ведет к хаотизации социального пространства. Кроме того, в любой замкнутой системе при температуре выше абсолютного нуля растет энтропия. Природное пространство, в которое вписано общество, само по себе перманентно вносит дезорганизацию и рождает риски.

Упорядоченное состояние любой системы не есть наиболее вероятное. Упорядочивая одно пространство, субъект деятельности неизбежно хаотизирует другое. Для описания этого процесса допустим образ: перекачивание упорядоченного состояния из одного пространства в другое. Отходы и порождающие риски последствия (социальные, культурные, экологические) сопутствуют любой целерациональной деятельности. В числе факторов, порождающих риски, — то обстоятельство, что человек в принципе не может знать всю совокупность близких и отдаленных последствий своей деятельности. Он работает в ситуации неполного знания и неполноты информации (плюс неустранимые частичные искажения) в масштабе реального времени, когда принимаются и исполняются решения. В процессе деятельности человек также ошибается, нарушая идеальный план деятельности.

Имманентно конфликтная природа социальных взаимодействий несет в себе многообразные опасности и чревата нежелательным развитием событий для субъекта такого взаимодействия. Конфликт личностных и групповых интересов, идеологий, культур и субкультур, этнических и социальных целостностей, поколений, стилей и образов жизни и т.д. несет в себе тенденцию к хаотизации пространства человеческого бытия.

Человек существует «внутри» культуры и неотделим от нее. Все его отношения как с обществом, так и с природным окружением опосредованы культурой, а потому проблема рисков выводит нас на проблематику культуры. Хаос в принципе, по понятию, предшествует космосу. Культура может пониматься как ответ на задачу борьбы с хаотизацией, как механизм противостояния неустранимым тенденциям хаотизации социокультурного пространства, которые растут по мере усложнения общества и культуры. Культура структурируется многократно дублирующимися системами исправления ошибок, корректировки, взаимовязывания, регулирования и дехаотизации.

Антропо- и культурогенез связаны с генезисом ритуала. С ритуала, собственно, и начинается формирование пространства че-

ловеческого бытия. Но ритуал транслирует образцы и нормы, к которым следует приводить пространство, хаотизируемое в результате человеческой деятельности. Механизмы, обеспечивающие снятие ошибок и исправление погрешностей, принуждение к следованию нормам, трансляцию этих норм, пересмотр и упразднение норм и образцов, следование которым ведет к росту хаоса, составляют ядро культуры. В любой культуре формируются специальные формы и роды деятельности по устранению хаоса, выделяются профессии, формируется социальное пространство, создаются нормы и правила такой деятельности [Пелипенко, Яковенко, 1998].

Механизмы, обеспечивающие эти функции, мощны и избыточны, что свидетельствует о витальном статусе описываемых элементов культуры. Прежде всего избыточен разговорный язык человека. Информация в каналах коммуникации дублируется в силу природы языка, что позволяет правильно интерпретировать сообщение даже в случае частичной утраты текста. Социальные и культурные регуляторы также избыточны. Они представляют собой широчайшую палитру формальных и неформальных механизмов и регулятивов.

Добавим, что сам феномен социальности связан с проблемой рисков. Общественная, то есть коллективная, форма жизни людей есть одна из стратегий, решающих задачу страховки как отдельных членов, так и общества в целом от неизбежных и неустраняемых рисков, вырастающих из факта бытия. Во все времена обществу угрожает хаотизация. Чем стабильнее общество, чем отлаженнее и оптимальнее его культура, чем лучше вписано оно в природный контекст, тем меньше хаос (а значит, ниже уровень рисков) в устойчивых условиях. Уровень хаотизации и рисков растет в ситуации изменений внешнего для социокультурного организма контекста и ответных изменений культуры и общества.

До сих пор культура человечества рассматривалась нами как качественно однородное целое. Между тем это не так. Целостность человечества дробится на пространственно локализованные этнические единицы. Каждая из этнических единиц конституируется собственной культурой. Существуют и следующие, надэтнические, уровни объединения людей, характеризующиеся общностью культуры (национальные культуры, цивилизации). Таким образом, перед исследователем встает проблема различий между культурами.

При всей универсальности тенденции к хаотизации разные культуры существенным образом отличаются друг от друга по ус-

тойчивому, принятому в данной культуре как допустимый уровень социального хаоса. Эти отличия зависят от типологии культуры, от ее возраста, от того, в какой мере процессы развития данного общества носят имманентный характер. Чем старше культура, чем более «пригнана» она к природному контексту, чем старше и устойчивее социальные институты, тем ниже уровень хаоса и эффективнее механизмы его локализации.

Культуры существенно различаются и потенцией к исторической динамике. Динамика неминуемо ведет к росту хаотизации социального, культурного, освоенного человеком природного пространства. При этом проблема рисков встает с особой остротой и осознается в своем качестве — как специальная теоретическая проблема.

Итак, человек неотделим от культуры. Весь универсум человеческого поведения задан его культурой. Соответственно, проблема рисков, с которыми сталкивается и которые порождает человек, опосредована актуальной культурой общества. Анализ специфики конкретной культуры с точки зрения выявления заданных культурой детерминатив риска углубит наши представления о социокультурной природе рисков и позволит выйти на качественно иной уровень рефлексии. На этом пути обнаруживаются два измерения, или два аспекта, проблемы рисков. Первое связано со спецификой культуры, задающей тот или иной уровень рисков. Второе — с исторической динамикой как специфическим источником новых — нетрадиционных, неосвоенных, слабо осознанных — рисков.

Соответственно обозначаются два поля исследований. Первое предполагает рассмотрение специфики конкретной культуры, в нашем случае российской. Предмет этих исследований — тенденции к хаотизации и упорядочиванию, присущие отечественной культуре. Второе поле исследований связано с реакцией российской культуры на изменения. В этом отношении особый интерес представляет переход от статичного, традиционного общества к динамичному. В сложившейся терминологии такой переход обозначается как модернизация.

Разрешая поставленные задачи, мы попадаем в пространство культурологических дисциплин. Исследование культуры российского общества обращает нас к теории локальных цивилизаций, или цивилизационному анализу. Цивилизационный анализ — специальная научная дисциплина, предмет которой составляют так называемые «локальные цивилизации».

Понятие «локальная цивилизация» требует развернутого объяснения. Среди множества определений культуры есть та-

кое, которое трактует ее как присущий виду homo внебиологический способ решения общебиологических проблем. Иными словами, культура предстает как генеральная стратегия выживания и развития человечества. Теория локальных цивилизаций базируется на идее о том, что в ходе общеисторического развития на земном шаре формируется ограниченное количество особых, отличающихся друг от друга стратегий человеческого бытия. Каждая из этих стратегий, доминируя на определенной, весьма значительной территории, оказывается фактором, задающим весь строй жизни. Это и есть локальная цивилизация. В качестве примера можно привести западнохристианскую, или евроатлантическую, исламскую, индийскую, латиноамериканскую цивилизации.

Если культура может рассматриваться как родовая стратегия человеческого бытия, то цивилизации представляют собой устойчивые варианты такой стратегии, ограниченные во времени и пространстве. Для социолога локальная цивилизация может быть представлена как системный фактор, задающий характер и специфику социальной жизни, социальной структуры, образа жизни, культуры и т.д.

Цивилизация — категория стадияльная. Цивилизация и культура соотносятся как часть и целое. Локальные цивилизации возникают на определенной стадии развития человечества, когда родовое сознание утрачивает статус главного интегратора, распадается изначальный синкретизм, возникают города, письменность, появляется государство. Понятие «цивилизация» употребляется в двух смыслах: мировая цивилизация и локальная цивилизация. Родовое понятие — мировая цивилизация — трактуется в качестве атрибута человечества. Реально мировая цивилизация представляет собой целостность взаимодействующих между собой локальных цивилизаций.

Локальные цивилизации сменяют друг друга по мере разворачивания истории, они находятся в сложных диалектических отношениях, постоянно конкурируют друг с другом за территорию и ресурсы, в сумме составляя целое культуры человечества. В порождении цивилизаций, их взаимодействии и смене одних цивилизаций другими реализуется стратегия homo sapiens. Типологически это соотносимо со стратегией биоценоза.

Цивилизационный анализ — динамично развивающаяся сфера гуманитарного знания, разворачивающегося на пересечении общей культурологии, философии истории, геополитики и других дисциплин. Цивилизационный взгляд на общество и культуру

ру позволяет обновлять восприятие всемирно-исторического процесса. Видение универсума человека как совокупности локальных цивилизаций и представление истории человечества в виде процесса разворачивания цивилизаций и смены одних другими открывает новые познавательные возможности и перспективы научного исследования [Ерасов Б.С., Ионов, Хачатурян, 2002].

Крах советского общества не мог не привести к отказу от монополии формационного подхода. Поиск новых теоретических ориентиров, наметившийся еще в недрах позднесоветского периода, активно разворачивался в последнее десятилетие. В конце 80-х – первой половине 90-х годов перипетии отечественной истории осмысливались в рамках теории модернизации. Поначалу эта теория представлялась моделью, способной преодолеть теоретический кризис обществоведческой мысли. Однако по мере ее освоения и проработки на конкретном материале становилось очевидным, что одной теории модернизации мало, поскольку она не даст ответов на ряд кардинальных вопросов. Прежде всего: почему, в силу каких фундаментальных факторов общества разделяются на первый, второй и третий эшелоны модернизации?

В работах последнего десятилетия отчетливо наблюдается обращение к теориям и представлениям цивилизационного анализа. Серьезные исследователи всегда чувствовали специфику конкретного общества, корнящуюся в истории его становления, культуре, ментальности. Однако языка для описания и корректной компаративистики (сопоставительного исследования) этих феноменов ранее не существовало.

Анализируя конкретную цивилизацию, исследовательская мысль движется от явления к сущности. Культуролог обращается к анализу всего множества порождаемых человеком процессов и явлений, рассматривая их как феномены культуры. Выявляя культурные смыслы этих феноменов, их телеологию, место в целостной системе культуры, исследователь приходит к формированию моделей универсума, в котором только и возможен подобный набор явлений. В избранном нами масштабе анализа речь идет о модели российской цивилизации. Построив такую модель, можно исследовать специфику локальной цивилизации. Специфика цивилизации находит свое отражение в социальных институтах, реализуется в социальном взаимодействии, окрашивает весь универсум человеческой активности, выступает как фактор разворачивания исторического процесса. Рассмотрение истории России с позиции исследований, вскрывающих системные ха-

рактики российской цивилизации, существенно обогащают арсенал познавательных возможностей исторического анализа [Яковенко, 2000а, 2001а, 2001б, 2001в].

Как показывает история человечества, всякая цивилизация ограничена во времени и пространстве. Понимание локальной цивилизации как одной из частных версий родовой стратегии человеческого бытия предполагает следующую картину: синтез конкретной цивилизации задает оптимальную для исходных условий конфигурацию, обладающую определенным ресурсом развития (самоизменения, расширения, адаптации к изменениям внешнего контекста). Разворачиваясь во времени и пространстве, данная цивилизация проходит отпущенный ей историей путь и однажды упирается в своем развитии в границы, заданные собственным системным качеством. Дальнейшее самоизменение для нее невозможно. Наступает деструкция. Цивилизация исчезает. Часть ее достижений ассимилируется соседними цивилизациями, часть – безвозвратно утрачивается. Территория и население могут быть как разобраны другими цивилизациями, так и стать полем для следующего цивилизационного синтеза. При таком понимании история человечества предстает как процесс смены локальных цивилизаций, в ходе которого человечество идет по пути эволюционного восхождения.

Следует помнить о том, что теория локальных цивилизаций – новая, становящаяся сфера научного знания. Здесь больше вопросов, чем убедительных ответов. Так, при обращении к конкретным обществам часто возникает вопрос об их цивилизационной принадлежности и цивилизационном статусе. Из всего этого вытекает целый комплекс проблем: систематики, критериев выделения и отнесения феноменов к тем или иным родовым структурам, выделения сущностных признаков и т.д.

Среди проблем, ожидающих своего разрешения, есть и проблема сопоставимости результатов исследования различных цивилизаций. Дело в том, что описание локальных цивилизаций с помощью набора сопоставимых, инвариантных характеристик, таких, как возраст, границы, устойчивая структура, способность к динамике и т.д., не содержит главного, ибо не дает ответа на вопрос: почему данная цивилизация обнаруживает именно эти, легко объективируемые, характеристики. Ответ лежит в пространстве культурологического анализа. Исследователи более или менее успешно конструируют понятийный аппарат, который позво-

ляет описать некую цивилизацию, раскрывая ее специфику. Однако результаты оказываются сложно сопоставимыми с описаниями соседней цивилизации. И это - свидетельство этапа в развитии цивилизационного анализа. Создание метаязыка, который позволил бы адекватно и полно описать различные локальные цивилизации, представив их в их сопоставимости, — дело будущего. Сегодня мы имеем дело скорее с совокупностью суждений и консенсусом ученых.

Так в самом общем изложении может быть представлена теория локальных цивилизаций. Нас интересует российское общество и присущая ему культура. Обращение к теории локальных цивилизаций *позволит поставить вопрос о культурной специфике России*. Рассмотрев эту специфику, мы сможем выделить и описать специфические факторы риска, заложенные в нашей культуре.

Российская цивилизация: подходы к проблеме

В ряду других цивилизаций специалисты выделяют российскую. Здесь возникает проблема цивилизационного статуса России. Суть ее состоит в ответе на вопрос: является ли Россия самостоятельной цивилизацией или мы имеем дело с вариантом восточноевропейской (православной) цивилизации. С одной стороны, вырастающая вокруг мировой религии локальная цивилизация, как правило, пространственно совпадает с границами базовой конфессии. С другой — Россия не исчерпывается православием и демонстрирует существенные различия с другими обществами православного мира. Мы склонны рассматривать феномен России как цивилизацию самостоятельную, соотносимую с типологически близким для нее миром восточноевропейской цивилизации. В выделении российской цивилизации можно усмотреть аналогию с вычленением в качестве самостоятельной латиноамериканской цивилизации.

В рамках цивилизационного анализа сложились свои принципы различения и классификации локальных цивилизаций. В стадийно-историческом аспекте цивилизационная теория различает первичные, или очаговые, вторичные и, наконец, периферийные цивилизации.

К первичным, или очаговым, относят цивилизации, возникшие на «голом месте», в рамках процесса генезиса феномена государства и цивилизации. Пример очаговой цивилизации — древнеегипетская или мезоамериканская. Эти цивилизации возникали на заре истории и до сегодняшнего дня не сохранились.

К вторичным относят цивилизации, возникшие на развалинах предшествующих цивилизаций. Примеры — западнохристианская или исламская цивилизации. Вторичные цивилизации охватывают сегодня большую часть Ойкумены. Базируясь на фундаменте предшествующего цикла цивилизационного развития, имея в своем распоряжении сформированный культурный ландшафт, предметное тело ушедшей цивилизации, население, насчитывающее за своей спиной многие поколения предков, существовавших в государстве и цивилизации, вторичные цивилизации характеризуются высоким уровнем устойчивости. Они стоят на твердом слое проработанной, а потому благоприятной почвы.

Периферийные цивилизации возникают в результате процессов взаимодействия центров локальных цивилизаций с окружающей их догосударственной периферией. Пример периферийной цивилизации — монгольская. Как правило, экономические, военные и культурные контакты, способствующие разложению общества догосударственной периферии, ведут к расширению границ исходной цивилизации. Но в некоторых случаях они могут привести к возникновению самостоятельной цивилизации. Российская цивилизация относится к классу периферийных.

Лишенные фундамента предшествующей цивилизации, формирующие культурный ландшафт на голом месте, имеющие в своем распоряжении население, культурная память которого не освободилась окончательно от представлений, восходящих к эпохе догосударственного существования, периферийные цивилизации характеризуются слабой устойчивостью. Как и очаговые цивилизации, они склонны периодически распадаться. Периферийные цивилизации характеризуются высоким (сравнительно с вторичными) уровнем хаотизации социокультурного пространства. Общества, принадлежащие к периферийной цивилизации, крайне болезненно переживают процессы динамизации.

С точки зрения природы интегрирующего механизма цивилизации делятся на два типа. В первом варианте цивилизация понимается как сеть отношений между различными элементами и сферами социокультурной системы, лишенной единого начала и допускающей различные формы взаимозависимости. Примером цивилизаций такого рода служат синкретические цивилизации Востока — индийская, китайская.

Второй вариант интегрирующего механизма связан с целостной мировоззренческой системой. В этом случае цивилизация понимается как воплощение общего мировоззрения. Это — мировые религии, а также религиозно переживаемые великие идео-

логии. Примером цивилизаций, структурируемых мировой религией, служат христианская и исламская.

В ходе своего развития христианская цивилизация распалась на протестантско-католическую, или западноевропейскую, и православную, или восточноевропейскую. Мир западноевропейской цивилизации охватил три континента (Европу, Америку и Австралию) и превратился в евроатлантическую цивилизацию. В последнее столетие из этой целостности вычленяется как самостоятельная цивилизация латиноамериканская.

Мир православной цивилизации пережил сложные перипетии. Вехи этого процесса — падение Византии, многовекковое политическое владычество Османской империи над большинством православных стран, возвышение России и формирование Российской империи, переход большинства православных стран к коммунистической идеологии, крах коммунизма и тенденция движения центральноевропейских православных обществ к слиянию с Западной Европой. Итогом исторической эволюции православной цивилизации можно считать формирование самостоятельной российской цивилизации.

Цивилизационная теория различает локальные цивилизации в зависимости от целостности системного ядра. При этом выделяются синтетичные — более целостные — и агрегатные (периферийные или лимитрофные) — менее целостные. Примером синтетичной цивилизации служит протестантско-католическая цивилизация Западной Европы. Российская цивилизация относится к типу агрегатных*. В таком различии для нас существенно следующее: синтетичные и агрегатные целостности различаются мерой упорядоченности социокультурного пространства. Уровень упорядоченности социокультурного универсума в синтетичных целостностях существенно выше, нежели в целостностях агрегатных.

В этой связи продуктивно обращение к категориям центра и периферии. Дело в том, что всякая локальная цивилизация помимо качественных характеристик имеет и пространственную локализацию. Цивилизация имеет определенные границы. Это те границы, за которыми располагается соседняя цивилизация. Однако подробный анализ позволяет понять, что картина четко очерченной границы локальной цивилизации — абстракция. В реальности можно обнаружить, с одной стороны, центры локальных цивилизаций, то есть территории, на которых качественные харак-

*Понятие агрегатных цивилизаций введено автором. Подробнее см: Яковенко, 1996в.

теристики, присущие данной цивилизации, безусловно, доминируют, с другой — обширные переходные пространства, на которых происходит постепенное угасание этого качества. Причем с какого-то момента параллельно с угасанием одного цивилизационного качества начинает проявляться альтернативное, которое нарастает по мере пересечения пространства переходов.

В литературе последнего времени широко применяется понятие «лимитроф», которое фиксирует континуум переходных состояний между центрами соседних цивилизаций [Хатунцев, 1994; Цымбурский, 1995]. Географическим аналогом лимитрофа является зона лесостепи как переход от лесной зоны к степной. Работая с этим понятием авторы пишут о Великом лимитрофе как достаточно широкой полосе, которая тянется от Финляндии к Крыму и через Закавказье и Анатолию идет к Туркмении, захватывает Афганистан, Пакистан, Уйгурию и Монголию и далее, через Маньчжурию, тянется до Курильской гряды, Алеутских островов и Аляски.

Легко заметить, что разделяющий очаги цивилизаций лимитроф характеризуется некоторым ландшафтно-климатическим единством. Чаще всего это леса, лесостепи, степи, пустыни, горные страны, болотистые местности — территории со сложным континентальным климатом, зоны рискованного земледелия и экстенсивного ведения хозяйства. Иными словами, лимитроф — не самое оптимальное место для разворачивания цивилизации, в силу чего ядра локальных цивилизаций располагаются в других пространствах. Поэтому пространства лимитрофа часто оказываются своеобразными историческими отстойниками и этнокультурными изолятами. Сюда выдавливаются и здесь доживают свой век формы социальности и культуры, самые архаичные из всех, которые возможны на просторах между двумя центрами локальных цивилизаций.

Для нас проблематика лимитрофа интересна тем, что Киевская Русь и Россия возникли на огромном, неоглядном лимитрофе, разделявшем некогда цивилизации Востока и европейскую цивилизацию. Соответственно, многие социокультурные характеристики обществ, формирующихся на лимитрофе, вошли в цивилизационный синтез и стали частью российской культуры.

В силу объективных обстоятельств цивилизационного синтеза российская цивилизация лишена единого основания. На пространствах России встречаются и сложным образом взаимодействуют восточные и западные тенденции, феномены зрелой монотеистической культуры и сознание жителей догосударственной ок-

раины. В рамках российской цивилизации агрегируются элементы, не складывающиеся (во всяком случае, пока) в высокоинтегрированное синтетическое целое. В этом отношении России типологически соответствует Латинская Америка. Российская цивилизация молода, а молодая цивилизация неизбежно периферийна, как периферийны по отношению к Египту греки эпохи Перикла.

Периферийность и отсутствие единого основания задают многие проблемы и беды России. Это неизбежно, но не вечно. Ценой напряженного исторического усилия, из поколения в поколение наш народ работает над соединением несоединимых элементов в эффективное динамичное целое. Сходные процессы — соединение несоединимого — разворачивались и в Латинской Америке. Заметим, что переход от агрегированного к высокоинтегрированному синтетическому состоянию социокультурного организма оборачивается переходом общества от экстенсивной к интенсивной парадигме развития.

Как уже говорилось, всякая цивилизация существует во времени и пространстве. Распад СССР обнаружил пространственные границы ареала российской цивилизации, сложившиеся к концу XX века. Территории, на которых доминировало иное мироощущение, отправились в «свободное плавание» и на наших глазах прибывают к другим центрам сил. Генезис российской цивилизации разворачивался на пространствах Северо-Восточной Руси в XIII—XVI веках. Реперные фигуры, обозначающие границы процесса ее формирования — Андрей Боголюбский и Иван Грозный.

У истоков российской цивилизации лежат две имперские традиции — языческая ордынская и христианская византийская. Резко выходя за географические рамки Европы, Россия принадлежит к христианскому миру и в этом смысле относится к европейскому культурному кругу. Однако, Россия — особая часть европейского целого, находящаяся в сложных отношениях с Западной Европой.

Таковы самые общие положения, отталкиваясь от которых можно разворачивать анализ, преследующий задачу выделения культурных детерминатив риска. В подобном анализе мы сможем найти ответы на вопрос: каким образом устойчивые характеристики российской культуры могут влиять на порождение рисков в обществе, оценку этих рисков, выработку стратегии индивидуального и группового поведения по отношению к риску? Речь идет об устойчивых характеристиках ментальности, которые просматриваются как в историческом материале, так и в современности.

Глава 2. СТАДИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РИСКА

Разворачиваясь во времени и пространстве, всякая культура претерпевает некоторую эволюцию. В этом отношении можно говорить о возрасте культуры. Причем на земном шаре одновременно сосуществует множество культур, принадлежащих к самым разным стадиям общеисторического развития человечества. Традиционная культура оленеводов на Крайнем Севере нашей страны существует в одно время с очагами постиндустриальной культуры в крупнейших мегаполисах Российской Федерации. Социокультурные целостности постоянно взаимодействуют друг с другом, обмениваются товарами, людьми и идеями, воюют, конкурируют, взаимодополняют одна другую, находятся в сложной диалектической взаимозависимости. Постоянный и напряженный диалог культур – существенный фактор всемирно-исторического процесса [Яковенко, 1996а, 1996б, 1996г, 1996д, 1997б].

В подобном взаимодействии качественно различаются две ситуации. Между собой могут взаимодействовать как культуры, находящиеся на одной стадии исторического развития, так и культуры, относящиеся к разным стадиям этого процесса. В первом случае разворачивается равноправное и равноценное взаимодействие двух культур. Во втором – складывается более сложная и напряженная ситуация. Культура, стадияльно последующая, обладает существенными конкурентными преимуществами. Она мощнее и энергичнее. Ее возможности воздействия превосходят возможности культуры, стадияльно запаздывающей. В таком случае вектор воздействия смещается по направлению к лидирующему обществу. Поскольку взаимодействующие культуры конкурируют друг с другом за людей и территорию, встреча стадияльно отстающего общества с обществом и культурой, стадияльно последующей, всегда несет в себе исторический вызов. Ответы на такой вызов зависят от многих факторов и складываются в широкую палитру вариантов исторического развития. По мере разворачивания истории человечества преобразующий потенциал лидеров исторического развития последовательно возрастает. В XVII–XVIII веках в Западной Европе происходят процессы модернизации традиционных обществ. В XX веке модернизация охватывает весь земной шар и превращается во всемирно-исторический процесс, в основе которого лежит преобразующее воздей-

ствии лидеров мировой динамики на окружающие их общества и последовательная глобализация, включающая все общества в единую систему общемирового развития.

Включение в процессы модернизации неизбежно порождает в обществе стресс, болезненно отражается на культуре, столкнувшейся с инородными влияниями. Изменения общества и культуры в ходе модернизационных преобразований в разных странах демонстрируют общие закономерности. Логика разворачивания процесса модернизации может быть описана в следующей обобщающей модели.

Вначале заимствования носят изолированный характер. Однако со временем в целостности культуры модернизирующегося общества формируется самостоятельный уровень, целиком заданный процессами модернизации. Он отличается в своих качественных характеристиках от исходной, базовой культуры традиционного общества. По существу, в своей онтологии эти самостоятельные уровни единого культурного комплекса модернизирующегося общества отрицают друг друга. В то же время они образуют целостность модернизирующегося социокультурного организма и не могут обойтись один без другого. Так разворачивается сложная и прихотливая диалектика традиционного и модернизированного уровней культуры, сознания, уровней ментальности изменяющегося общества.

По мере продвижения по пути модернизации стадийно последующий уровень разрастается, становится все более самостоятельным, переходит от частных сфер деятельности к генеральным регулятивным функциям культуры. Его воздействие постоянно переструктурирует традиционный комплекс, обогащает его новыми идеями, новыми мыслительными процедурами, воздействует на структурные основания традиции. В свою очередь, традиционный уровень культуры влияет на стадийно последующий, вносит в него свои установки, стремится локализовать и ограничить сферу компетенции нового уровня культуры, пытается традиционализировать идеи, практики и представления, вытекающие из модернизированного сознания.

Далее, на определенном этапе развития происходит переструктурирование всего культурного комплекса. На начальных этапах модернизации генерализующие характеристики культурного целого задаются исходным, традиционным уровнем культуры. Новый, модернизированный пласт выступает как компонента, значимость которой постоянно возрастает, но при этом не становится системообразующей. По мере продвижения социокультур-

ного целого по пути модернизации исходный уровень последовательно «тощает», размывается, все более переструктурируется под давлением нового пласта культуры, который растет и ширится, захватывает новые позиции, вызревает в качественном отношении. Однажды наступает относительно краткий период перелома. Вчерашняя компонента единого культурного комплекса захватывает лидирующие позиции и превращается в доминанту. Происходит общее переструктурирование культурного целого. Теперь уже модернизированный уровень задает генерализующие характеристики культурного комплекса. Традиционная культура отступает на второй план и превращается в компоненту, «заведующую» теми или иными частными сферами, окрашивающую в специфический, традиционный цвет всю целостность модернизированного общества, связывает его с собственной историей и т.д.

С нашей точки зрения, *объективное содержание процессов, описываемых социологами в категориях «модернизационная трансформация» или «модернизационный переход», составляет развернутое выше переструктурирование культурного комплекса и ментальности*, в котором фиксируются и закрепляются изменения человека, общества и культуры. В настоящее время российское общество вступило в этот исключительно болезненный процесс, который, по нашим оценкам, растягивается на время жизни одного-двух поколений. Ему еще предстоит окончательно изжить неоднородность культурного комплекса и избавиться от взаимоисключающих, внутренне противоречивых установок, разрывающих психику человека и травмирующих сознание общества, переживающего модернизацию.

Описанная неоднородность культурного комплекса представляет собой существенную детерминативу риска. Суть этого феномена выявляется, к примеру, на личностном уровне. Углубленный анализ показывает, что один и тот же человек оказывается носителем двух сложно сочетаемых культурных систем. По воспитанию и образованию такой человек принадлежит сциентистской, рациональной культуре Нового времени. Именно так он себя осознает. Его мышление разворачивается в пространстве рационального дискурса. Однако в континууме поведения объекта нашего исследования обнаруживаются поступки, высказывания, пристрастия и устремления, которые решительно не согласуются с самописанием.

Этот – второй – уровень обнаруживает собственную природу, оказывается внутренне логичным и целостным, но здесь мы сталкиваемся с логикой традиционной культуры с ее собственными

рефлексами, стереотипами и положенностями. При этом, оттесненный на второй план сознания, потаенный мир традиционной культуры не интерпретируется в терминах культуры актуальной. Поэтому он скрыт от осознания, как бы не существует. Носитель двойственного сознания склонен объявлять частностями, досадными мелочами все то, что выпадает из логики его актуальной культуры. Характерно следующее: подробный, развернутый анализ вытесненных несогласований часто вызывает сложную, болезненную реакцию, во многом напоминающую классическое поведение пациента психоаналитика.

Здесь можно говорить о сознании и подсознании культуры. Проявленный, вербализованный уровень культуры, очевидно, не исчерпывает личности. За ним скрывается другой, потаенный, который так же дорог субъекту, как и самооценка из пространства его актуальной культуры. Поэтому конфликт между двумя уровнями культуры табуируется к осознанию. Так, христианин, приверженный суевериям и бытовым языческим обрядам, не склонен к последовательному, бескомпромиссному обсуждению своего поведения.

Для того чтобы наши рассуждения не показались абстрактными, приведем один пример: в СМИ (радиостанция «Эхо Москвы», 16 ноября 1994 года) описывался эпизод предвыборной кампании в Думу 1993 года. Лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский встречался с избирателями на одном из заводов оборонного комплекса, который, как и многие госпредприятия, переживал трудные времена. Когда разговор перешел в режим вопросов и ответов, представитель дирекции обратился к Явлинскому со следующим вопросом: «Мы рассказали вам о проблемах нашего предприятия. Это и финансирование, и цена энергоресурсов, и отсутствие госзаказа, и проблемы соцбыта. Что вы сможете сделать для нас, если вас изберут в Думу?»

Ответ Явлинского сводился к следующему: оперативное управление находится в сфере компетенции исполнительной власти. Функции законодательной ветви власти принципиально иные. Участвуя в законотворческом процессе, партия «Яблоко» может формировать законы, которые создадут условия для решения проблем предприятий оборонного комплекса, но не более того. Аудитория встретила слова Явлинского без энтузиазма.

Через неделю на том же предприятии выступал лидер ЛДПР Владимир Жириновский, которому задали тот же вопрос. Ответ Жириновского был краток: «Если вы изберете меня в Думу, то через три дня просле этого министры, виновные в ваших бедах, бу-

дут висеть на фонарях». В ответ на это благодарный зал взорвался аплодисментами.

Эта история заслуживает комментария. Уровень образования людей, работающих в оборонном комплексе, выше среднего по стране. Это грамотные, достаточно политизированные люди, включенные в каналы СМИ. К 1994 году они наверняка представляли себе суть принципа разделения властей и природу политического механизма парламентской демократии. Ответ Явлинского соответствовал их знаниям об объективной политической реальности, но вступал в конфликт с несбыточными, иррациональными, но такими дорогими сердцу традиционалиста ожиданиями.

С точки зрения традиционного сознания настоящая, сакральная власть должна быть скоро на решения, едина и эффективна. Ответ Явлинского возвращал слушателей в постылое для них пространство постсоветской реальности, где нужды и заботы ВПК перестали быть делом приоритетным, где государство сбросило с себя заботу о «государевых людях», работающих на производстве, и отпустило их в свободное плавание, где вопросы государственной важности решаются не в высоких кабинетах ЦК, а в ходе парламентских обсуждений.

Совершенно иное дело – ответ Жириновского. Невозможно представить себе, что в зале нашелся хотя бы один человек, который воспринял обещание лидера либерал-демократов всерьез. Никто и ни при каких обстоятельствах не позволит вешать министров на фонарях. Жириновский врал, но врал эффектно. Он апеллировал к мифологическому образу спорой на расправу, честной и неподкупной сакральной власти. Власти, при виде которой трепещут казнокрады и нерадивые бояре. Это была сказка, несбыточная мечта, но именно эта сказка заставляла сердце избирателя биться учащенно.

Человек, принадлежащий двум культурам одновременно, слабо интегрирован лично. Сознание его часто разорвано. В этой связи вспоминается ключевая для А. Ахиезера категория раскола [Ахиезер, 2002]. Принадлежащий двум культурам человек характеризуется повышенным уровнем тревожности. Однако для нас более значимо другое. Рационалист по самоописанию и традиционалист по сердечной склонности подвержен действию глубинных малоосознаваемых импульсов. В некоторых ситуациях, параметры которых сложно описать, в сознании такого человека происходит «переключение» с одной, декларируемой и осознаваемой, системы детерминант на другую, находящуюся в те-

ни. В результате поведение такого человека оказывается непредсказуемым ни для него самого, ни для окружающих. Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с серьезным источником рисков.

При этом показательно, что описанный нами тип личности зафиксирован в русской культуре и наделен высоким ценностным статусом. Знаменитый непредсказуемый русский характер, растиражированный поэтизирующей эту непредсказуемость литературой, превращает рискорождающее поведение в ценность. Фигура купца, раздающего в одно прекрасное утро состояние, нажитое годами упорного труда, и удаляющегося на богомолье, вызывает в читателе, воспитанном на русской литературе, гарантированное умиление. Такая метаморфоза трактуется как чудесное преображение и рассматривается исключительно в контексте личной судьбы и внутренней жизни сподобившегося благодати Божьего человека. Мысль о том, что ликвидация «дела» оборачивается ударом по деловым партнерам, потерей рабочих мест для служащих, рождает многочисленные проблемы, не возникает в рамках накатанного российского дискурса*.

Здесь мы прикасаемся еще к одной теме, связанной с высоким ценностным статусом рискорождающего поведения и рискованных личностных ориентаций в отечественной культуре. Поэтизация удали, бесшабашности, нерасчетливости, противопоставление этих качеств их антонимам, трактуемым как признаки тупой и скучной бескрылости, бездарного немецкого «орднунга» пронизывает самые разные пласты сознания, находит свое отражение в фольклоре, литературе, искусстве. Образ «нашего» человека располагается на пространстве между Иванушкой-дурачком, Ильей Муромцем и Соловьем-разбойником, ассимилируя отдельные черты каждого из этих персонажей. Стоит поместить их в современное социальное, технологическое и политическое пространство, чтобы понять: жизненные стратегии и ценностные ориентации, выраженные в персонажах русского фольклора, сегодня не просто несвоевременны или опасны, они катастрофичны. Традиционные ценностные ориентации критически отстают от требований времени.

Описанный нами конфликт между разными слоями культуры проявляется неисчислимо. В социологических опросах последне-

* Описанный нами персонаж не исчерпывается отечественной классикой. В фильме Андрона Кончаловского «Курочка Ряба» зрителю предьявлен образ новорусского предпринимателя, сколачивающего состояние в упорной борьбе с противостоящим ему окружением на протяжении всего фильма и сжигающего нажитое в заключительных кадрах.

го десятилетия настойчиво звучит запрос общества на законность, желание твердого порядка, требование покончить с беспределом. Исстрадавшийся обыватель взыскует твердой законопослушной власти. Однако пространство культурных пристрастий того же самого обывателя обнаруживает парадоксальное несовпадение вкусов и запросов. Прилавки книжных магазинов завалены написанными на скорую руку криминальными романами из жизни русской мафии. Справочные издания типа «Бандитский Петербург» и биографии наиболее известных персонажей этого мира замешают собой культурную нишу серии ЖЗЛ. Рынок компакт-дисков и компакт-кассет переполнен записями бандитских песен. Типичный таксист или водитель автобуса дальнего следования живет и работает под звуки бандитской лиры. На ниве блатной лирики трудятся десятки исполнителей и множество коллективов. В эфире в любой момент можно обнаружить две-три радиостанции, передающие бандитскую песню. Телевизионные сериалы и боевики из жизни «крутых» собирают устойчивую зрительскую аудиторию. Наконец, в политическом пространстве обретаются фигуры депутатов со скандальной репутацией, которые пользуются неизменным доверием избирателей. Массовый человек, страдающий от беззакония, но при этом любующийся на идеализированного бандита и вздыхающий над блатной лирикой, являет собой обобщенный образ человека, одной половиной своего сознания принявшего ценности государства и цивилизации, а другой — взыскующего военной демократии, «волюшки вольной» и жизни вне государства, по законам «дикого поля».

Описанная двойственность культурного сознания объективна и на некотором этапе развития общества неустранима. Она порождение незавершенного процесса модернизации. Новое, модернизированное сознание формируется постепенно. Предшествующая культурная система не исчезает, а вытесняется, уходит из сферы рефлексии и остается в сфере рутинных бытовых ситуаций, обычаев, традиционных рефлексов, малоосознаваемых установок. В истории отечественной культуры подобным образом происходило синкретическое объединение христианства и язычества, в результате которого формировался исключительно крепкий и устойчивый христианско-языческий синкрезис, за которым закрепилось название «бытовое православие». Историческое развитие общества ведет к постепенному элиминированию, растворению слоя культуры, предшествующего актуально осознаваемому. Сила его воздействия последовательно падает, но на

настоящем этапе двойственность культурного сознания — дополнительный источник рисков. Прежде всего надо говорить о рисках архаизации. Трансформация современных социальных и промышленных технологий, извращенное понимание политических институтов, постоянное и последовательное «вкладывание» в современные формы устойчивого традиционного содержания блокируют усилия по развитию общества, хаотизируют социальные взаимодействия. Кроме того, возникает сложная проблема познания и описания реальности, в которой за модернизированной формой скрывается совершенно иное содержание.

Надо сказать и о том, что российское общество гетерогенно. В нем представлены как высокомодернизированные группы и слои общества, так и пронизанные традиционными моментами и положенностями. Это сочетание естественно и единственно возможно на этапе модернизации. Однако такая диспозиция рождает дополнительные источники риска. К примеру, всеобщее избирательное право предполагает, что большую часть населения страны составляют ответственные граждане, достигшие некоторого уровня политической, культурной и гражданской зрелости. Они способны к анализу политических и социальных процессов, осознают свои интересы, представляют себе веер последствий той или иной политики и т.д. Если же значительная часть общества не готова быть ответственными и компетентными избирателями, парламентская демократия вырождается в пустую форму.

Культурный уровень общества критически разорван. Мера адекватности понимания социальных, технологических, политических, экономических и экологических реалий различается существенно. Соответственно, различается способность к освоению нового (моделей поведения, знаний, образцов и ценностей и т.д.). Растущий сегмент выброшенных из жизни, дезадаптантов, наглядно свидетельствует о том, что снятие политики государственного патернализма и отказ от «подмораживания» России оборачивается выделением широкого слоя «бывших» людей. Это не что иное, как неизбежная плата за динамику. Но возникает вопрос: готово ли общество к такой плате? Во все времена голодные деклассированные люди были источником социальных и политических проблем.

Между тем общество демонстрирует нежелание осмысливать эту проблему. Бомжи предоставлены своей судьбе и вниманию благотворительных организаций. Обсуждение проблемы социального дна в прессе не идет дальше пропагандистских

штампов и моральных сентенций. Нет не только государственной программы работы с маргиналами, но и широкой общественной дискуссии*. Российское общество не озабочено осмыслением этой проблемы. Как правило, мы сталкиваемся либо с традиционным морализаторством, либо с непроизносимой вслух социал-дарвинистской установкой, предлагающей обществу дожидаться вымирания дезадаптантов. Элита общества, на плечи которой ложатся задачи рефлексии значимых процессов, демонстрирует неадекватность историческому вызову. Забудем на минуту о моральном аспекте проблемы. Взрывной рост числа маргиналов в процессах исторических переходов на фоне размывания традиционного общества несет в себе опасность больших исторических катастроф.

Маргинализация — лишь один из аспектов критической культурной гетерогенности российского общества. Сосуществование в одной и той же среде социальных слоев с различающейся культурой создает поле для дополнительных рисков.

Различия в культуре порождают проблемы в социальной коммуникации. Дело в том, что далеко не каждый член нашего общества готов к жизни в современной реальности. Часто когнитивные, психологические, интеллектуальные ресурсы человека не позволяют ему адаптироваться в изменяющемся мире. В этих случаях возможности помощи извне, коррекции, научения весьма ограничены. Все усилия наталкиваются на культурно-психологические барьеры. Ситуация эта аналогична диалогу взрослого и ребенка по поводу наркотиков. Взрослый не может объяснить ребенку, почему опасно экспериментировать с наркотиками. Резоны взрослого человека непостижимы из пространства детского сознания, лежат за рамками эмоционального и интеллектуального горизонта. Соглашаясь рутинно с доводами старшего, ребенок не переживает их как безусловную истину. Здесь возможен запрет, эмоциональное давление, сила авторитета, но не осознанное понимание. Подобные ситуации возникают бесчисленно при столкновении людей со стадийно различающимся культурным опытом. Так, патриархальный провинциал легко попадает на удочку наперсточников самого разного масштаба — от цыганок и вокзальных жуликов до разнообразных инвестиционных фондов,

* Говоря о государственной программе, мы не имеем в виду прокламированные цели изживания. Мы убеждены в том, что нищенство (проституция, преступность, наркомания и т.д.) вечно и переживет всех «изживателей». Речь идет о государственной программе работы с этой категорией граждан.

сомнительных банков и прочих пирамид. Технология обмана строится на создании особой психологической атмосферы, провоцирующей жертву расстаться со своими сбережениями. Причем эти механизмы действуют только на людей с определенным психологическим строем и культурным опытом. Объяснить заведомую обреченность всего предприятия людям этого типа практически невозможно. Ни информация в СМИ, ни печальный опыт соседей и близких не останавливает несчастных. В таких случаях обучение происходит только на собственном горьком опыте. И не всегда с первого раза!

Здесь мы сталкиваемся с источником самых разнообразных социальных рисков. К примеру, как показывает опыт, обыденное сознание сравнительно легко осваивает правила и запреты, вытекающие из ситуаций, когда нарушение правила и нежелательное последствие не разнесены во времени. Грубо говоря, пальцы в электрическую розетку не вставляет никто. Но если нарушение правил и последствия разнесены во времени (правила радиационной, химической безопасности и т.д.), то убедить людей описываемой нами категории в необходимости строго выполнять эти правила практически невозможно. Отчужденное, книжное знание не воспринимается традиционалистом как актуальная истина. При этом характерно то, что уровень образования не является в этих случаях решающим. Решает принадлежность к одному из двух типов сознания – рациональному, модернизированному, или традиционному. Достаточно часто люди с высшим образованием демонстрируют традиционалистские инстинкты, и здесь мы сталкиваемся с двумя уровнями или слоями культурного комплекса.

В итоге получается следующая картина. Руководящие указания, стандарты, нормы и принципы, спускаемые сверху, не принимаются или искажаются внизу, поскольку эти указания не вписываются в актуальную культуру исполнителей. Коммуникация разрушается не по злой воле исполнителей, а по отсутствию необходимых культурных предпосылок к осознанию адекватной картины мира, в котором живут люди. Усилия компетентных экспертов и руководителей гаснут в среде массовых исполнителей, хаотизирующей сигналы управляющего воздействия. Такая ситуация порождает многообразные риски.

Летом – осенью 2002 года практически по всей Московской области горели леса и торфяники. Над Москвой неделями висел душливый смог. В большинстве районов было объявлено чрезвычайное положение. Газеты и телевидение изо дня в день пере-

давали сюжеты, посвященные тушению пожаров. При этом засушливая погода была лишь одним из факторов, провоцировавших пожары. Непосредственным источником огня была деятельность человека: поджог травы, пикники, костры, окурки и т.д. Однако ни постановления областной власти, ни разъяснения должностных лиц, ни пропаганда на радио и телевидении не смогли повлиять на поведение тысяч людей, привыкших выезжать за город и жарить шашлыки на природе. Апеллирующая к идее общественного блага пропагандистская компания столкнулась с устойчивой привычкой значительной части общества «жить красиво» и потерпела поражение. Пожары утихли лишь с наступлением осени.

Стадиальная составляющая риска задана объективными процессами исторической динамики российского общества. По мере завершения процессов модернизационного перехода действие этого фактора риска будет последовательно снижаться. В настоящее время необходимо учитывать неоднородность культурного комплекса и вытекающую из этого двойственность, разорванность культурного сознания, характерную для многих частично модернизированных россиян. В равной степени необходимо учитывать социокультурную неоднородность общества. И первое и второе выступают источниками рисков.

Глава 3. СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОДА

Среди приоритетных проблем методологии цивилизационных исследований есть проблема цивилизационного ядра, или цивилизационного кода. Понятие «цивилизационный код» описывает совокупность стержневых, системообразующих элементов, структурирующих целое и задающих самоидентичность данной цивилизации. Исследование этой сущности – одна из сложнейших проблем цивилизационного анализа. Тем не менее в работах последнего десятилетия накапливается материал, позволяющий ставить проблему цивилизационного кода российской цивилизации. Сущностные характеристики цивилизационного кода раскрываются в процессе восхождения исследовательской мысли от явления к сущности. Конкретные исследования безграничной феноменологии культуры и цивилизационная компаративистика дают основания для выделения элементов культурного кода, ранжирования этих сущностей, установления связей между ними [Яковенко, 2003б:11–12].

Исследование российской цивилизации много лет лежит в сфере профессиональных интересов автора. Это позволяет предложить определенную модель ядра системообразующих характеристик российской цивилизации. Применительно к задачам настоящего исследования специфические черты российской цивилизации должны рассматриваться в контексте выделения культурных детерминатив риска.

Обращаясь к названному проблемному пространству, нельзя не упомянуть о существующей традиции исследования культурной специфики России. Осмысление национального своеобразия уходит своими корнями в эпоху Николая Сорского. О своеобразии России и русских размышляют князь В. Голицын и дипломат боярин А. Ордын-Нашекин, деятели русского Просвещения от А. Кантемира до князя М. Щербатова. В XIX веке такого рода рассуждения выходят на уровень философствования. Работы П. Чаадаева, публицистика Н. Гоголя, дискуссия славянофилов и западников формируют не только пространство идей, но и определенную традицию осмысления этого бесконечно сложного предмета. Поздние славянофилы – К. Леонтьев и особенно Н. Данилевский – выходят на уровень цивилизационного видения истории. Классики российской исторической мысли –

С. Соловьев, В. Ключевский – на своем материале отвечают на вопросы о природе социально-культурной специфики России и факторах, обусловивших это своеобразие.

Рубеж XIX–XX веков ознаменовался резкой политизацией общества. Левые (В. Чернов, Г. Плеханов) и правые (П. Милюков, Н. Иванов-Разумник, П. Струве) по-разному трактуют проблему цивилизационной и стадиальной специфики России, включая свои построения в идеологические конструкты. Однако параллельно с этим разворачивается традиция философского и во многом культурологического осмысления российской реальности, связанная с блестящими именами – Н. Бердяева, Л. Шестова, Ф. Степуна, И. Ильина и других авторов.

Большевиетская революция снимает рассматриваемую нами проблематику с официального уровня. Коммунистическая идеология, задачи «мировой революции» и построения советского общества не компоновались со штудиями цивилизационистов. Предреволюционная традиция философской рефлексии продолжается в среде русского зарубежья (Н. Бердяев, Г. Федотов, И. Ильин, И. Солоневич и др.). В эмиграции появляется новое идейно-теоретическое течение – евразийцы, дававшие свои ответы на вечные русские вопросы. Надо сказать, что работы 10–30-х годов во многом остаются на уровне философской эссеистики. Мера научной строгости и доказательности этих работ далека от совершенства. Прозрения и яркие наблюдения соседствуют здесь с сомнительными утверждениями. Тем не менее в рамках этого направления формировалась традиция рационального познания цивилизационной специфики.

В послевоенную эпоху на Западе складывается серьезная школа русистики и советологических исследований. Движимая прагматическими задачами, вытекающими из ситуации холодной войны и противостояния систем, советология обращается к проблемам исторических и культурных истоков советского общества. В рамках этой научной традиции сформировались исследователи мирового уровня (Ричард Пайпс, Джеймс Биллингтон), написаны ставшие классическими работы.

Великая Отечественная война привела к реабилитации в СССР темы «русского характера». XX съезд КПСС и новая социокультурная ситуация создают предпосылки для разговора об исторической и культурной специфике России в жестко заданных рамках подцензурной публицистики. Разворачивается идейное противостояние, символами которого выступали журналы «Новый мир» и «Октябрь».

Поздние этапы советской эпохи ознаменовались расцветом самиздата и тамиздата. В позднесоветском обществе на пространстве неподконтрольных государству изданий начался новый виток рефлексии. Уровень этих публикаций часто оставлял желать лучшего — сказывался разрыв научной и философской традиции. Однако происходило главное: проблема национальной специфики отвоевывала свое место в общественном мнении.

Перестройка легализовала проблематику цивилизационного анализа. Были опубликованы лучшие работы отечественных и зарубежных авторов. На общество обрушилась волна публицистики самых разных уровней. Разворачивались не ограничиваемые идеологическими соображениями научные исследования. Проблемы цивилизационного статуса России, ее специфики оказались в центре политических и идеологических баталий.

Сегодня проблема социальной, культурной, исторической специфики России рассматривается в разнообразной дисциплинарной перспективе (экономика, политология, демография, социология, этнопсихология). В России сложилась и интенсивно развивается школа цивилизационных исследований и цивилизационной компаративистики. Совершенствуется методологический аппарат цивилизационного анализа. В обозначенном нами проблемном поле работают такие авторы, как А. Ахиезер, В. Булдаков, В. Васильев, Г. Дилигенский, Б. Гачев, В. Земсков, Б. Ерасов, И. Ионов, А. Клибанов, К. Касьянова, С. Лурье, Е. Рашковский, Я. Шемякин, В. Цымбурский, А. Янов и другие. Разрабатывается ряд авторских концепций (А. Ахиезера, Э. Кульпина, И. Кондакова). Так в самом конспективном изложении можно обрисовать идейно-теоретический контекст, в котором формировались концептуальные модели и положения, защищаемые автором этих строк.

Не притязая на целостное описание системообразующих характеристик российского социокультурного универсума, выделим и рассмотрим наиболее значимые с точки зрения заявленной нами проблемы.

В основании культурного кода лежит определенный конструкт, понимаемый как абсолютный социокультурный идеал. Социокультурный идеал традиционной культуры обращен в глубокое прошлое и представляет собой образ изначального нераспавшегося синкрезиса. Мы называем его социальным абсолютом [Яковенко, 2000б:233–245; 2003б:11–12].

Синкрезис — одно из центральных понятий культурологии, описывающее слитное первоначальное состояние социокультурного

организма, в котором те или иные феномены не вычленились из исходного целого. Генетически образ нерасчленимой целостности восходит к архаическому роду. Идеал нераспавшегося синкрезиса есть не что иное, как идеализованный образ родовой/общинной социальной организации, до государственности и истории.

Идеал синкрезиса задает генеральный вектор оценки любых феноменов и изменений общества/культуры из пространства традиционного сознания. К примеру, с точки зрения традиционалиста, ситуация, когда крестьянин торгует на рынке продуктами своего труда, предпочтительнее ситуации, в которой между потребителем и производителем встает фигура профессионального торговца. Свое неприятие профессионального торговца традиционалист объясняет ненавистью к «спекулянтам», которые скупают задешево продукцию у честного производителя и наживаются на покупателях. А между это тем не более чем рационализация. Профессионализация и социальное разделение производителя и торговца в экономическом смысле более эффективно, нежели слияние этих функций в одном лице. Однако выделение самостоятельных функций и есть дробление синкрезиса. В равной степени, с точки зрения носителей традиционных ценностей, директор советского предприятия предпочтительнее капиталистического хозяина завода не потому, что последний эксплуататор, но потому, что частный хозяин дробит синкретическое единение власти и собственности. Советский директор — член райкома КПСС и депутат облсовета — представляет в своем лице сакральную власть. Бизнесмен же не является агентом Власти, понимаемой как тотем, выражающий социальный абсолют. Капиталист свидетельствует о дроблении синкретического целого. Отсюда неприятие идеи частной собственности, которая онтологически противостоит синкрезису и несет в себе социальное основание личностной автономии.

Из этого вытекает множество частных проявлений «русского духа». Такие устойчивые идеи и интенции русской культуры, как эсхатологизм, устремленность прочь из истории и цивилизации (а достижение русского идеала мыслилось как конец истории), неприятие реального, немифологизированного государства, несводимого к образу народного царя, который сам пашет землю и управляет малым числом слуг, неприятие формализованных контактов и процедур, тяга к личным контактам и т.д., восходят к идеалу синкрезиса.

Обращаясь к сравнительно недавней истории, отметим, что именно как выход из истории и вступление в пространство иде-

ального бытия переживалась низовым сознанием идея коммунизма. Образ коммунизма являл собой чистое, незамутненное царство синкрезиса. Вспомним признаки коммунистического общества: слияние труда умственного и физического, слияние города и деревни, отмирание государства, расцвет и сближение наций и т.д.

Синкрезис как идеал и устойчивая характеристика российской реальности пронизывает собой все измерения социокультурного организма. Так, сращение власти и собственности оказывается исключительно устойчивым потому, что ближе к синкрезису. В этом корень, из которого вырастают любые формы коррупции и мафия. Объединяя функции власти и собственности, мафиозные «крыши» представляют собой реакцию традиционной культуры на наступление рыночных отношений. Отсюда особенности российского рынка и капитала — капитала неконкурентного, срастающегося с властью, живущего на госзаказы в условиях прерференций. Эти характеристики российского капитала фиксируют как историки дореволюционной эпохи, так и современные аналитики.

Идеал синкрезиса задает и устойчивую тенденцию к идеократическому государству в России. Вспомним: в результате революции и кровавой Гражданской войны православное самодержавие в России сменяется коммунистической идеократией. Совершавшее исторический выбор российское общество исходило из того, что вера/идеология не должна разделяться с властью и государством.

Сегодня мы наблюдаем жесточайший стресс в среде носителей традиционного сознания, связанный с секулярным характером новой России. Пресса заполнена бесконечными сетованиями на бездуховность современного общества, уверениями в том, что русский человек не может жить без высоких верований, великих идей и возвышенных целей. В политической элите страны существуют влиятельные силы, стремящиеся придать православию статус государственной религии. Завершение эпохи Ельцина принесло с собой явную активизацию тенденций к реставрации идеократического характера государства. Все эти тенденции были бы невозможны, если бы в обществе не существовало запроса на единство власти и идеологии.

Не менее выразительна с точки зрения феномена синкрезиса эволюция государственных институтов постсоветской России. Вектор политического развития общества уверенно указывает на сужение функций законодательной власти. Судебная система раз

за разом демонстрирует свою зависимость от власти исполнительной. В стране формируется так называемая «управляемая демократия». Принцип разделения властей, механизм «сдержек и противовесов», прокламировавшиеся в начале 90-х как базовые основания новой России и зафиксированные в Конституции страны, все больше превращаются в пустую форму. Причины этой эволюции можно объяснять по-разному, однако среди глубинных оснований таких изменений – предпочтение единой, нерасчлененной власти как единственно возможной, эффективной, «настоящей».

Если в качестве идеала понимается синкрезис, то социальная, культурная и в целом историческая динамика переживается как недолжное состояние, как отход от привычного, исконного, «правильного». Заметим, что советское общество, являвшее собой специфический компромисс между императивной необходимостью развития и ориентированным на неподвижность традиционным сознанием, развивая одни сферы (промышленность, науку), всеми силами «подмораживало» динамику в других сферах общественной и культурной жизни. Так достигалась известная статичность советского общества. Власть шла на компромисс с традиционной ментальностью. С концом советской эпохи на общество обрушилась лавина перемен. Носители традиционных установок переживают это как конец Вселенной. Динамика профанируется и трактуется как источник иррациональных опасностей. В этой диспозиции сознания любые риски, катастрофы не только ожидаемы, но в известном смысле желанны, ибо традиционное сознание находит в них подтверждение того, что отход от синкрезиса есть движение в бездну.

Выше мы описали контуры пространства рисков, которые вырастают из идеала синкрезиса. Обобщая, можно сказать, что идеал синкрезиса в принципе отрицает большое общество и государство. Однако в ходе исторического развития традиционная культура ассимилирует идею государства, вырабатывает компромисс с фактом существования большого общества. Культура, ориентированная на синкрезис, формирует авторитарное традиционное государство. Такое государство имманентно статично, поскольку динамика порождает бесконечное дробление синкрезиса. Динамика, возникающая в силу непреодолимой логики исторического развития, вступает в неразрешимый конфликт с установкой на сакрализацию синкрезиса. В сфере социального взаимодействия этот конфликт может быть описан как мощное пространство самых разнообразных рисков.

С чем мы здесь сталкиваемся? Варварство, невежество, низкая культура – безусловно. Но это особый вид варварства. Каждая третья, если не каждая вторая семья дачевладельцев в нашей стране – люди с высшим образованием. Они слышали и о мышьяке, и о высокочастотном облучении. Наплевательское отношение к здоровью коренится в гностическом отрицании мира.

В практике международного туризма зафиксирован интересный феномен. Страна, пережившая серьезные стихийные бедствия, такие, как землетрясения, или громкие теракты, сталкивается со спадом потока туристов. Со временем ситуация выправляется, но первое время значительная масса потенциальных отдыхающих избирает другие, более спокойные маршруты. Эта закономерность работает с одним исключением: поток туристов из России и Украины сохраняется неизменным. Как поется в старой русской песне, «пропадем мы ни за грош, жизнь наша – копейка».

Мироотвержение разрушает социальность, именно по этому гностические идеи всегда оставались уделом узких сект, которые не имели шанса превратиться в мировые религии. Пронизанность мира русского православия гностическими смыслами – свидетельство слабости русской культуры. Все общества, демонстрирующие способность к исторической динамике, начали с того, что вытравили, напрочь уничтожили мироотречные тенденции, присутствовавшие в их культуре. Динамика неотделима от системы достижительных ценностей. Но как можно побуждать человека к деятельности, если рамка этой деятельности такова: мир отдан Дьяволу. Мироотречная интенция вступает в неразрешимое противоречие с логикой развития современного общества. В этом противоречии – источник многих рисков. Они тем более существенны, что не осознаны.

Верность должному и мироотречность объединяются в эсхатологизме. Эсхатологическая матрица (эсхатологическая модель осознания и переживания мира) относится к одним из центральных структурообразующих элементов российского культурного кода. Эсхатологический проект по мгновенному пресуществлению мира и скачку из неприемлемого «сушего» в трансцендентное «должное» возникает как завершающий элемент целостной системы мировоззрения [Яковенко, 2000 б].

Эсхатологическая идея – универсальное оформление интенций, противостоящих динамике и развитию. Как фактор, противостоящий развитию, эсхатологическая доминанта работает на самых разных уровнях. Она противостоит развитию на уровне

рефлексии. Идея развития отвергается как тупиковая и гибельная альтернатива эсхатологическому пресуществлению Вселенной. В равной степени эсхатологизм сознания блокирует поступательное развитие общества на уровне функционирования механизмов, формирующих предпосылки развития.

Историческое движение неотделимо от систематизации и аккумуляции. От накопления идей, вещей, технологий, ресурсов. Говоря обобщенно, от наращивания преобразующего потенциала общества. Но кто станет копить что-либо в преддверии Страшного суда? Апокалипсис предполагает обратное движение. Полностью освободиться от всего, что налипло за время жизни на земле, — от грехов, знаний, «излишних», уводящих от главного и откровенно греховных достижений культуры (вспомним практику Савонаролы, таборитов или талибов), излишних, провоцирующих порочные импульсы ресурсов, очистить сознание от земных забот, тревог и интересов.

Эсхатологические настроения резко активизируются в эпоху распада традиционного космоса. Устойчивый мир меняется, а это означает, что настали последние времена. В ответ массы архаиков и традиционалистов поднимаются и сметают складывающиеся в обществе тенденции динамизации, уничтожают социальные категории носителей динамики, закрывают общество от остального мира, формируют такую идеологию, которая находит компромисс между традиционным средневековым сознанием и императивом промышленного развития (диктатуры развития, модернизационные режимы). Чтобы убедиться в справедливости этих суждений, достаточно вспомнить исторические судьбы России и Ирана в XX веке.

Следующая характеристика традиционной ментальности — манихейская интенция. О манихейском характере российской культуры писали многие авторы. Оговоримся, манихейство понимается нами не в узко историческом смысле, восходящем к имени Мани (216–277) — иранского религиозного реформатора, вероучителя и пророка. Речь идет о манихействе как определенном типе мировоззрения. О дуалистической модели космоса, в которой разворачивается вечная битва этически маркированных космических сил: Света и Тьмы, Добра и Зла. Борьба эта характеризуется предельным напряжением и переменным успехом сторон. Тьма может как бы одолеть Свет. Но это не конец. В последней, эсхатологической, перспективе Свет окончательно побеждает Тьму и сбрасывает убитых демонов Тьмы в бездну [Виденгрэн, 2001].

К этой вечной картине космической битвы традиционное сознание добавляет одну-единственную деталь: Свет и Тьма увязы-

ваются с местоимениями «мы» и «они». По некоторой, малопо-стижимой, логике «мы» гарантированно оказываемся на стороне Света, «они» же, соответственно, связываются с Тьмою. Итак, мир состоит из двух сущностей: «мы» и «они». Единственная «их» цель — погубить и уничтожить нас. Сейчас между нами идет последний бой, который закончится нашей победой. А за ней нам откроется новый, прекрасный мир. Понятно, что здесь речь не идет о войне или борьбе как историческом или политическом событии. Мы попадаем в пространство эсхатологии. Перед нами универсальная парадигма понимания и переживания Вселенной.

Манихейская парадигматика абсолютно статична в смысле исторического развития. Блокирование диалога, мифология Вечного боя, презумпция трактовки противостоящего тебе (в войне, полемике, обыденном конфликте) как Врага с большой буквы, и притом еще врага-оборотня, тормозят любое взаимопроникновение смыслов, перекрывают возможности рождения третьего и ведут к вечному движению по кругу в рамках инверсионных перекодировок социального и культурного космоса. Так же, как и гностицизм, манихейство противоречит доктринальным основаниям православной культуры. Христианство веками боролось — вначале с историческим манихейством, а затем с бесчисленными манихейскими течениями и учениями: катарами, богомилами, альбигойцами.

Манихейская компонента традиционного сознания самым драматическим образом соотносится с проблемой риска. Зараженный манихейством человек не способен к жизни в современном — многосубъектном, полицентричном, базирующемся на договорных отношениях — обществе. Он демонстрирует неспособность к переговорам, компромиссам, коалициям, к эффективной деятельности в условиях баланса сил. Для него крайне затруднены или невозможны тактические и стратегические союзы с носителями иных идей, идентичностей, ценностей и интересов, ибо во всех «иных» он видит Врага с большой буквы. Настоящий манихей испытывает чувство вины и угрызения совести всякий раз, когда обстоятельства принуждают его к какому-либо соглашению или компромиссу с «врагом».

Конфликт для манихея не может быть продуктивен. Он — эпизод Вечного боя. Из всех видов борьбы манихей знает один — борьбу на уничтожение. Российский манихей привержен варварской, глубоко языческой религии Победы. Победа в его глазах искупает и оправдывает все. Именно в манихейской среде родилась красноречивая формулировка: «Каждый мальчик — будущий солдат. Девочка — мать будущего солдата».

Манихей перманентно озабочен поисками Врага. «Ересь латинская», «немецкое засилье», «польская интрига», «коварный Альбион», «буржуи», «мировой империализм», «мировая закулиса», «жидомасонский заговор» — все это лишь сменяющиеся друг друга номинации ячейки, предсуществующей в сознании манихея. Так, мы стали свидетелями существенного снижения доли евреев в российском обществе. Параллельно с этим на наших глазах происходит переориентация людей, испытывающих потребность ненавидеть другого. На место антисемитизма приходит ненависть к «черномазым», «лицам кавказской национальности».

Наконец, манихей оперирует примитивной, неадекватной современной сложной реальности картиной мира. Поэтому манихейские решения всегда примитивны. Они сводятся к обострению ситуации и переводу ее в режим борьбы на уничтожение. Эйфория, переживаемая манихеем при первых признаках обострения международной ситуации и раскрывающейся перспективе вступления страны в военные действия, поражает. Манихей всеми силами подталкивает свою страну к войне. Вспомним, с каким энтузиазмом определенные силы встретили югославский кризис, сколько сил было брошено на то, чтобы втянуть Россию в прямое противостояние США и НАТО. За этим стояли не только интересы некоторых социальных сил, но и мощная манихейская традиция.

Последняя из базовых характеристик традиционной ментальности, имеющая отношение к нашей проблеме, может быть обозначена как тенденция к сакрализации власти. Традиционная культура осмысливает и переживает государство в категориях власти, при этом власть сакрализуется. Она выступает в формах креативной сущности, подателя всех благ, источника законов и моральных норм, при этом стоящего над законом и моральной оценкой. Власть — источник истины, она всеблага и всемогуща. Традиционно мыслящий человек постоянно соотносит себя с двумя сущностями — сакральной властью и народом [Яковенко, 1996б].

Сакральный характер власти в России восходит к византийской и монгольской моделям государства, утвердился между XIII и XVII веками, освящен православной церковью, нашел свое оформление в идеологии самодержавия, наконец, вошел в уваровскую формулу «Самодержавие — православие — народность». Перед нами одна из устойчивых характеристик российской культуры. Эти идеи не имеют никакого отношения к духу и букве современного нам закона, к положениям Конституции и всему декла-

ративно-нормативному пространству официальной культуры. Речь идет об идеях и ожиданиях, нигде, кроме работ типа «Народной монархии» Солоневича, не зафиксированных. Пребывая в сфере культурного подсознания, они эксплицируются в действиях людей, частных суждениях, требованиях, представлениях о том, какой должна быть «настоящая» власть.

Образу сакральной власти вполне отвечало российское самодержавие. Однако максимально, в предельной форме идеал сакральной власти был реализован в 30–50-е годы XX века, что, казалось бы, противоречило коммунистической идеологии. То обстоятельство, что коммунисты ошупью вышли на модель сакральной власти и ухватились за нее как за наиболее эффективную, свидетельствует об исключительной силе и живучести описанных представлений. Сегодня в России реализуется модель парламентской демократии. Однако реальные процессы плохо укладываются в европейские формы и свидетельствуют о том, что традиционные представления о характере власти живы по сей день.

Тенденция к сакральному переживанию образа власти порождает специфические социальные риски. Главная идея сакральной власти состоит в том, что власть не есть общество (часть общества, его институт). Власть — сакральна, общество — профанно. Природа власти, логика ее поведения непостижимы для простого человека. Установка на сакральный образ власти блокирует любые механизмы обратной связи, ломает и обескровливает механизмы демократического контроля над властью со стороны общества. Агент сакральной власти может подчиняться лишь вышестоящему как обладающему более высокой харизмой.

Мы становимся свидетелями процессов вырождения демократических институтов новой России. Выборы стремительно превращаются в фикцию. На смену практике избрания президентов республик и губернаторов на третий срок пришла практика предложения кандидатуры регионального лидера президентом страны с утверждением этого предложения региональным собранием. В контексте завершения второго срока нынешнего президента обсуждается идея «наследника», который выйдет на выборы как кандидатура, предложенная президентом страны. Постоянно звучат призывы перейти от избрания к назначению руководителей муниципальных администраций.

Было бы ошибкой списать все эти процессы на счет политики выстраивания «властной вертикали» или усматривать в них лишь результат своекорыстных устремлений элиты. Такая эволюция возможна постольку, поскольку она накладывается на массовые

представления о природе власти. Рассуждения правых о том, что государственный чиновник есть наемный служащий общества, звучат как декларации, не имеющие никакого отношения к жизни. В этом отношении сфера рисков может быть описана предельно точно. Это — риски вырождения правовой демократии и отчуждения власти от общества.

Сакральная власть по понятию находится над законом. Закон распространяется лишь на подданных. Выступая в качестве источника закона, сама власть не подлежит этому закону. Последнее десятилетие заполнено бесчисленными скандальными историями вроде эпизода с коробкой из-под ксерокса. В нормальном правовом обществе отставка правительства была бы в таком случае единственно возможным выходом из создавшегося положения. В России же не только эта, но и множество других историй заканчиваются для власть предержащих безболезненно. Подобное возможно только потому, что массы не видят проблемы там, где воспитанные на западных стандартах интеллектуалы впадают в истерику. Власть — над законом, и это — нормально.

Сакральная власть трактуется как всемогущая. Еще живы поколения, воспитанные на лозунге «Реки потекут вспять!» («Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики»). Иллюзия всемогущества в контексте отсутствия контроля со стороны общества чревата опасными последствиями. К счастью, сегодня власть в России действует в жестких границах (экономических, военных, геополитических, ресурсных), заданных объективными обстоятельствами, и демонстрирует политический реализм. Но что будет дальше, мы не знаем.

Традиционные установки имеют свойство консервироваться, переживать неблагоприятные обстоятельства и актуализироваться, в то время как наивные прогрессисты объявляют их мертвыми пережитками и достоянием историков. Подсознательное, иррациональное убеждение в том, что власть всемогуща, таит в себе опасности политических авантур, популизма, скатывания страны на путь движения в очередной исторический тупик.

Подведем итоги. Системообразующие характеристики традиционной российской ментальности весьма сложным, драматическим образом соотносятся с процессами модернизации общества. Описанные нами характеристики цивилизационного ядра заполняют обусловленный традицией уровень ментальности. Этот уровень чаще всего не осознается массовым человеком, но постоянно воздействует на сферу осознаваемого и рационализируемого. Тра-

диция превращается в фактор, тотально порождающий разнообразные риски.

На наш взгляд, традиционная культура исчерпала возможности эволюционного развития и к концу XX века Россия вошла в эпоху реструктурирования культуры. В результате некоторые моменты традиционного универсума останутся неизменными, какие-то претерпят значительную трансформацию, а другие будут окончательно изжиты. В этом и состоит содержание модернизационного перехода.

Наконец, надо сказать и о том, что реструктурирование цивилизационного ядра есть системный кризис, который представляет собой самостоятельный источник рисков. Культуры — живые, самоорганизующиеся объекты. Они не склонны сходить в небытие мирно и незаметно.

Русская культура неоднократно отвечала «волнами архаизации» (термин А. Ахиезера) на процессы модернизационной трансформации. Истоки этой реакции лежат в системном ядре культуры. Сегодня складывается ощущение, что это ядро в достаточной мере дезинтегрировано, размыто для того, чтобы коренным образом изменить вектор исторического процесса. Однако активизация архаики и деструктивных тенденций, противостоящих усложнению российского мира и дальнейшему отходу от традиционной модели, неизбежна.

Глава 4. РИСКИ, КОРЕНЯЩИЕСЯ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение

Рассказ А.П. Чехова «Злоумышленник» относится к хрестоматийным произведениям писателя. Понятие «чеховский злоумышленник» давно стало нарицательным и рождает образ простодушного традиционного человека, совершающего преступление в силу критического уровня культурного несоответствия мира традиционного крестьянства, к которому принадлежит герой рассказа, миру индустриальной цивилизации, неудержимо внедряющемуся в пространство традиционной культуры. Ярko, парадоксально раскрытый трагический конфликт двух культур врезается в память. Единственное замечание, возникающее не сразу, но по зрелому рассуждению, состоит в том, что трагедия предстает в этом рассказе как нелепая, смешная ерунда, повод для смеха, в котором далеко не всякий читатель чувствует смех сквозь слезы. И здесь мы сталкиваемся как с особенностями творческого дарования писателя, так и с особенностями нашего восприятия коллизий традиционного и модернизированного сознания. Первое лежит в сфере литературоведения. Второе имеет самое прямое отношение к теме нашего исследования.

Рассказ построен в форме диалога следователя и крестьянина. Герой, отвинчивавший гайку, обеспечивающую крепление рельсы, пойман с поличным. Из диалога мы узнаем, что гайка предназначалась похитителем в качестве грузила для рыбной ловли. На реплику следователя о том, что для грузила можно взять свинец, задержанный резонно отвечает, что за свинец надобно платить, а гайка дармовая. Следователь указывает на то, что снятая гайка может стать причиной аварии. Ответ задержанного сводится к тому, что, дескать, мы — люди с понятием: отворачиваем не все гайки, оставляем... Задержанный поясняет, что проблему грузил таким образом разрешает вся деревня. Герой явно не понимает, в какую историю попал и что его ожидает.

Опишем совокупность значимых представлений нашего «злоумышленника». «Чугунка», представляющая собой чуждый и непонятный крестьянам мир города, проходит в зоне досягаемости для жителей родной деревни и рассматривается ими как специфический природный ресурс. Ресурс этот принадлежит государ-

ству, в терминологии эпохи — казне, и представляет собой нечто вроде казенных лесов. В соответствии с традиционным правом, близко лежащие природные ресурсы местным жителям допустимо и естественно потреблять на собственные нужды. Монополия казны в таких случаях не признается и повсеместно нарушается. Смотритель казенных имуществ может прибегать к законным санкциям, но чаще всего он смотрит на потравы (собранный валежник или лесину, срубленную на ремонт избы) сквозь пальцы. Часто не без пользы для себя. Традиционная мораль предписывает «брать в меру», не истощая заказник. Естественный прирост покрывает валежник, и отдельное срубленное дерево. Соседи чеховского героя поступают именно таким образом. Поскольку рельсы, в силу малопостижимой барской дури, фиксируются несколькими гайками, одну из них — лишнюю — можно снять и потребить на собственные нужды. Через некоторое время эта гайка «отрастает», то есть появляется на прежнем месте.

Гайки воруют всем миром. В этом — главное оправдание злоумышленника. Ибо, как говорит крестьянская поговорка, «с миром не поспоришь». Традиционная практика не может быть безнравственной, а значит, и незаконной. Крестьянское сознание фиксировало конфликт барского закона и мирской правды, но не видело в нем нравственной проблемы. Если поймали, можно повиниться, дать на лапу, отсидеть в холодной, пойти под розги. Все это — дело житейское. Традиционная культура предписывала крестьянину поведение, расходившееся с нормами и предписаниями государства. Чаще всего само государство смотрело на нарушения сквозь пальцы. Если же человек попадался, ему приходилось нести на своих плечах весь груз последствий. Подобное рассматривалось как несчастный случай.

Как видим, перед нами раскрывается целый мир представлений, принципиально не сочетаемый с миром большого общества, не способный к коммуникации с ним. Объяснять злоумышленнику о вибрации рельсового пути, о перегрузках, о требуемом уровне надежности бессмысленно по фундаментальным обстоятельствам. Человек, способный в полной мере осознать причины, по которым запрещается разорять железнодорожное полотно (инженерно-технологические, юридическо-правовые, моральные), выпал из целостности традиционного крестьянского мира. В стратегическом плане проблема злоумышленника снимается с изживанием традиционного общества. В тактическом плане единственный способ разрешения этой ситуации — надежная охрана технологических структур и жесткие репрессии.

Очевидно: пассажиры железной дороги, проходящей вблизи деревни, в которой проживает «злоумышленник», подвергают себя некоторым дополнительным рискам. Заметим, речь идет о дополнительных рисках. А в чем состоят основные риски? Любая практическая деятельность, направленная на достижение некоторого результата, любая технология несет в себе опасности. В деревенской избе можно угореть, на стройке – попасть под падающее бревно. Железная дорога – источник нормальных, неустрашимых технологических рисков. Строго выполняя все правила эксплуатации, их можно минимизировать, но нельзя исключить полностью. Фактор «злоумышленника» фиксирует дополнительные риски. Это риски столкновения традиционного общества с промышленными технологиями, то есть с технологиями, возникшими после традиционного общества.

Вообще говоря, культура любого общества неоднородна. В любом обществе, которое сталкивается с высокими технологиями, наряду с глубокомодернизированным сектором, где концентрируются инициаторы социокультурной динамики, всегда существуют ведомые слои – менее модернизированные, находящиеся во власти традиционных, консервативных представлений. Здесь элементы рационального сознания переплетены с мифами и предрассудками, традиционная ментальность более существенно сказывается на установках людей. А наряду с более или менее адекватными современной технологии слоями общества всегда присутствует мир маргиналов и дезадекватов. В этом пространстве отрабатываются модели присваивающего хозяйства, восходящие к палеолиту. Тут располагается «заказник» самой глубокой архаики. Кроме того, общая картина модернизированных обществ дополняется постоянно ширящимся сектором мигрантов, представляющих общества мирового Юга. Так что «чугунка» при всех обстоятельствах соприкасается с зоной расселения «злоумышленников».

Но и это еще не все. Помимо того, что каждое общество социально и культурно неоднородно, культура обществ, в которых модернизация не завершена (а Россия сегодня относится к этой категории обществ), неоднородна внутренне. Слои модернизированного и традиционного сознания обнаруживаются внутри единого культурного комплекса. Поведение носителя подобного комплекса внутренне противоречиво. Его сложно прогнозировать. Часто такой человек неожидан в своих поступках для себя самого. Он не может объяснить ни себе, ни другим, почему без крайней надобности перебегает дорогу перед автомобилем, нару-

шает походя правила техники безопасности. Иными словами, «злоумышленник» обнаруживается внутри стрелочника на железной дороге, машиниста и даже конструктора «чугунки». Такого рода – частично модернизированное – сознание неизбежно продирирует дополнительные риски.

Мы не можем ни остановить развитие «чугунки», ни трансформировать, уничтожить в одночасье «злоумышленника», сидящего в каждом из нас. Здесь заключена проблема, которая требует нашего осознания. Борьба с внутренним «злоумышленником» сродни психоанализу. Осознав природу конфликта слабоосознаваемых установок и глубинных импульсов, мы обретаем шанс разобратся в себе самих, развеять некоторые дорогие нашему сознанию иллюзии. Понять, что за иррациональными установками стоит традиционная культура. Осознанная, проговоренная вслух, вытщенная на свет божий проблема вчетверо легче. С ней можно как-то соотноситься, вырабатывать осмысленную позицию.

Подходы к проблеме рисков

В проблеме рисков можно выделить самостоятельный аспект, обусловленный традиционной культурой как фактором, задающим технологический срез человеческой жизнедеятельности. Если понимать технологию широко, как совокупность методов деятельности, направленной на преобразование любого объекта (ситуации), то обнаружится, что технологии задаются не только природой вещей (объективными законами, которым подчиняются инструменты и объекты воздействия), спецификой объектов, стадией исторического развития общества, но и спецификой культуры.

Люди, принадлежащие разным культурам/цивилизациям, решают одни и те же задачи по-разному. Из поля возможных решений они выбирают разные, в рамках одних и тех же технологий реализуют различающиеся стили работы, им свойственна разная культура производства и т.д. Знаменитая русская штурмовщина и знаковый для России образ размеренного немецкого стиля работы иллюстрирует это положение. В Турции легковой автомобиль «мерседес» одной и той же модели различается в цене на одну треть в зависимости от того, немецкой он сборки или турецкой. Эта, достаточно существенная, разница фиксирует культурно заданные различия в качестве работы турецких и немецких производителей. Проблема технологических аспектов культуры неиз-

меримо шире проблемы качества продукции аналогичных производств. Сфера технологии охватывает социальные, научные, политические, культурные, образовательные, военные технологии. В этом проблемном поле есть и пространство культурных факторов, детерминирующих риски.

Обращение к проблеме «технология и культура» надо начинать с базовых интенций, восходящих к системному ядру культуры. Дело в том, что российской культуре свойственна магическая доминанта. Здесь надо определиться с понятием «магическое». Магическое есть один из модусов начального синкрезиса. Под магическим понимают исторически первичное, нерасчлененное переживание мира. Всякий ребенок вначале пребывает в пространстве магического. Субъект и объект в магическом не расчленены или вычленены слабо. Магическое переживание мира (и, соответственно, конкретной ситуации) и магическое действие минимизируют сущности, опосредующие отношения субъекта и объекта, — интеллектуальные, языковые и физические инструменты воздействия. По своей интенции магическое противостоит зрелой культуре, и в особенности цивилизации. Культура в своем развитии последовательно дробит синкрезис и создает сущности, опосредующие отношения субъекта и объекта, — понятия и выраженные в понятиях идеальные модели, инструменты, технологии, процедуры. Эти сущности и заполняют пространство культуры.

Здесь необходимо уточнение: в принципе магическое переживание мира не нуждается в инструментах, но само это переживание есть феномен культуры. Оно осознается в словах и понятиях и требует некоторого культурного оснащения — заклинаний, фетишей, тотемов, магических снадобий, атрибутов магического культа и т.д. Точнее будет сказать, что в реальности магическое требует минимизации культурного. Культура, включающая в себя магическое, характерна для ранних этапов развития общества. По мере исторического развития магическое переживание мира и магическая практика минимизируются и маргинализуются.

Причем арсенал привлекаемого культурного инвентаря берет начало на самых ранних стадиях развития человека. Заклинание предполагает обращение к некоторым магическим инстанциям. Здесь исключительно важна ритмическая сторона, заклинание часто включают в себя ритмизирующие текст элементы, структура этих текстов весьма архаична. Иногда используются слова, семантика которых утрачена (иноязычные, архаические либо лишенные смысла звукосочетания), и именно их бессмысленность, несоотнесенность с нормой свидетельствуют о магическом характере текста.

Механизм воздействия предполагает магическую связь, магическое влияние на объект (заклинанием, процедурой, ритуалом) и магическое преобразование этого объекта. Здесь действует принцип «всё во всем» — то есть принцип всеобщей магической связи вещей. Субъект магического действия растворяется в ситуации, магически уподобляется объекту воздействия, если угодно, входит в него и преобразует объект и ситуацию в целом неким дорациональным способом [Яковенко, 2003а.].

С магией связано такое фундаментальное явление культуры, как ритуал. Ритуал структурирует культуру, реализует существенную экзистенциальную (на уровне личности) и общесоциальную (на уровне социокультурного целого) потребность, генетически восходит к единому архаическому мифо-ритуальному комплексу. Как явление ритуал не только описан, но и исследован достаточно полно. Мы представляем себе функциональную природу мифо-ритуального комплекса. Основные функции ритуала: упорядочение культурного космоса, сплочение коллектива, обновление мира, приобщение отдельного субъекта к социокультурному целому, онтологизация социальных и возрастных переходов (изменений) и т.д. Мы знаем, что ритуал вербализуется и разворачивается в мифе, который есть «рассказанный ритуал». Осознан эффект обновления Вселенной, переживаемый участником ритуала. Процессы рождения новых ритуалов и ритуальных комплексов многократно описаны.

Тем не менее, обращение к проблеме ритуала требует предварительного «очищения сознания». Дело в том, что и автор, и читатели настоящего текста (подчеркнем, не вся совокупность наших современников, а читатели такого рода текстов) живут в культуре, изжившей состояние начального синкретизиса. В европейской культуре преобразующая мир целерациональная деятельность и ритуал распались на самостоятельные сферы человеческой активности. Поэтому соединение этих форм активности видится как последовательность технологических и ритуальных действий. Каждое происходит в своем пространстве и детерминировано собственной логикой. Сначала строят корабль, а затем, во время праздничного спуска судна на воду, «на счастье» (попросту говоря, чтобы корабль не потонул) разбивают о борт бутылку шампанского. Сначала, во время торжественного митинга, закладывают в фундамент капсулу с посланием потомкам, а потом строят электростанцию. По этой же логике выходит, что первобытные охотники, используя наскальные изображения животных, вначале совершали специальные ритуальные действия, а за-

тем шли на охоту. Это ошибочное суждение. Современные модели поведения некорректно переносить на первобытность.

Все известные нам формы рационально понимаемой деятельности, все технологии есть результат далеко зашедшего процесса распада начального синкретизиса. Вычленение собственно технологии и собственно ритуала разорвало исходную магму, в которой ритуально-магические действия переплетались с технологическими и окутывались общим покрывалом ритуально-магических смыслов. Обособление собственно ритуала и собственно деятельности, направленной на рациональное преобразование некоторого объекта или ситуации (мы называем это «технологией»), — явление, растянувшееся на тысячелетия. Технология исключительно медленно, постепенно выявлялась в собственном качестве, лишалась ритуально-магических смыслов, обретала имманентную логику — логику рационального преобразования мира.

Логика ритуала принципиально иная. Ритуальное сознание исходит из идеи *магического пресуществления объекта/ситуации*, наступающего в результате исполнения всей суммы действий, составляющих ритуал. Женщина совершает особый ритуал, и из компонентов неаппетитных и малоинтересных по отдельности — муки (зерна), воды, соли — получается вкусная горячая лепешка. Творится ритуал, и быstroногий зверь превращается в лежащую на земле добычу. Старейшины исполняют сложный ритуал, и ребенок преображается в мужчину-воина.

Вычленение технологии из ритуально-магического комплекса не завершилось по сей день. Ритуально-магические смыслы и коннотации живут в нашем сознании и подсознании, покрывая хотя и тончайшим, но все же осязаемым флёром собственно технологическую деятельность. Мы и сейчас садимся на минуту перед дальней дорогой, впускаем в новый дом кошку и обмываем «на счастье» крупную попку. В равной степени не освободилась от технологии и сфера профессионализовавшейся ритуальной деятельности. Священник не только совершает ритуалы и «творит требы», но и выступает в роли наставника жизни, учителя нравственности, работает как социо- и психотерапевт. Для потребителя этих услуг важно, чтобы наставническая и терапевтическая деятельность священника вплеталась в ритуально-магический комплекс.

Древний человек жил (и действовал) в ритуале или по преимуществу в ритуале. Ритуал возжигания и поддержания пламени костра, охоты, разделки туши, распределения частей добычи меж-

ду членами родового коллектива, ритуал построения жилища, совместной трапезы, ритуалы, покрывавшие сферу репродуктивного поведения, рождения и смерти человека, в целом социального взаимодействия, празднования годового цикла, ритуализированные формы взаимоотношений с соседними родами и т.д. — все это без исключения покрывало пространство человеческой жизни.

По существу, окончательный, массовый разрыв технологии и ритуала начался с эпохой промышленного производства. Традиционный крестьянин и традиционный ремесленник в той или иной мере сохраняли целостное, нераспавшееся восприятие универсума. Когда авторы славянофильской ориентации говорили о том, что крестьянин, обрабатывая свое поле, молится Богу, они имели в виду пребывание этого крестьянина в пространстве ритуально-магического целого. Наше убеждение состоит в том, что в русской культуре процесс разделения ритуала и технологии не завершился и по сей день. Иными словами, веберовское расколдовывание мира в России не закончилось. И это ключевое обстоятельство не осознается совсем или осознается не в полной мере научным и экспертным сообществом. На уровне рационализации большая часть наших соотечественников осмысливает континуум своей деятельности рационально. Но отдельные суждения, конкретные поступки, оценки частных ситуаций выдают существенно иную логику — логику ритуально-магического целого.

Технологические риски в современной России

Одна из устойчивых характеристик российской реальности на протяжении всего XX века — пренебрежение правилами и нормами техники безопасности, нормами радиационной, химической, биологической защиты. Находящийся на амбулаторном лечении человек сплошь и рядом не соблюдает рекомендации режима. В ситуациях, когда субъективное состояние человека, попавшего на обследование или обратившегося к специалисту, удовлетворительное или хотя бы терпимое, но диагностируется начальная фаза серьезного заболевания и врачи советуют делать операцию именно сейчас, «наши» люди отказываются и тянут до последнего. При этом звучат слова: «дела», «работа», «не до того», «зачем, я ведь хорошо себя чувствую». В чем же дело? Детский страх перед врачами — да. Пережиточный, иррациональный страх вчерашнего крестьянина перед европейской медициной (знахаря и народного целителя он не боится) — и это тоже. Мироотречная интенция — безусловная. Крайне низкий статус отдельной личности, профанация телес-

ного, низкий культурный статус здоровья — да. Коллективные ценности, воплощенные в образах работы, семьи, трактуются как стоящие выше личного — да. Но не только это.

Здесь мы сталкиваемся, если угодно, с матрицей ритуально-магического мышления. Современный «ритуально-магический человек» не схватывает отдаленные последствия, разнесенные во времени с некоторым действием, ибо он ориентирован на ритуал, где результат — преобразование ситуации — наступает сразу по завершении ритуального действия. Если нарушение норм и правил поведения в химически, биологически, радиационно опасной среде не ведет к болезни сразу же, то норма утрачивает для такого человека смысл. Скажем, начальство требует, чтобы работник читал «Отче наш» или плевал через левое плечо всякий раз, когда он имеет дело с нечистой силой — радиацией. Однако наш работник скоро убеждается, что и в случае несоблюдения ритуала враг не уносит его в преисподнюю. Раз так, с какой стати его выполнять? На рациональном уровне он знает все, обо всем слышал и подписывал все наставления по технике безопасности, но на уровне ритуально-магического бэкграунда в описываемом нами субъекте живет иная модель, которая отмечает как несерьезные все разговоры об отдаленных последствиях.

Сходный механизм работает и в случае с ранней формой заболевания. Человек ритуально-магический переживает мир предметно-чувственно. Болезнь — это острое недомогание. Если человек его не чувствует и только врачи что-то там говорят — так, может, они ошибаются. Операция — страшный и сложный ритуал. Чего совершать его зря, без крайней нужды. Может, жрец (врач) из какой-то своей корысти подбивает на этот ритуал. Может, он диссертацию пишет и ему надо сделать десяток таких операций. За подобными рационализациями скрывается «честный архаик».

Ритуально-магический человек — социальная база популизма. Он тяготеет к речевкам и лозунгам, отталкиваясь от политики, выраженной в рациональном дискурсе. (Вспомним: «Дашь Варшаву, дашь Берлин!», «Кадры решают все», «За того парня», «Третий год — решающий»). Политик речевок и заклинаний для него доступнее, человечнее. Он — «наш». В лозунге этнолог и историк культуры встречает доброго старого знакомого — магическое заклинание. В этой связи вспоминаются исторические судьбы российских политиков рационального дискурса вроде П.Н. Миллюкова. Как известно, они проиграли ораторам-демагогам: Льву Троцкому, Н.И. Бухарину, Карлу Радеку. Но в дальнейшем последние проиграли Иосифу Сталину, давшему вершинные образцы

политики лозунгов и заклинаний. Помимо этого, ритуально-магический человек ищет политика, обещающего результат на следующий день после его прихода к власти. И это естественно: матрица ритуального преобразования ситуации задает именно такие ожидания. В политическом спектре современной России достаточно как персоналий, так и политических сил, апеллирующих к описанному типу мышления. Тут мы оказываемся в пространстве политических рисков. Однако популистские инстинкты ритуального человека этого пространства не исчерпывают.

Обратимся к другому аспекту ритуально-магического сознания. Корни присущего нашему обществу патернализма и социального иждивенчества связаны в том числе с ритуальным переживанием трудовой деятельности. В массовом случае человек, работавший на типичном советском предприятии, выполнял набор операций, участвуя в изготовлении, или сборке, или наладке некоторого узла. Этот узел был элементом в агрегате, который выпускал завод. Агрегат поставлялся в разные точки СССР, где использовался в качестве элемента определенных технологических цепей. Эти технологические цепи, в свою очередь, служили для изготовления других агрегатов или являлись элементами инфраструктуры экономики. С осязаемой конкретно-чувственной жизнью обычного человека все это никак не пересекалось. Надо было обладать весьма разработанной, целостной картиной мира, чтобы не отчужденно заучить, но понимать, зачем нужен масляный радиатор для высоковольтных трансформаторов, которые поставлялись в цеха по электрошлаковой выплавке легированных сортов стали, которая, в свою очередь, изготавливалась для нужд оборонного комплекса, аэрокосмической и ядерной отраслей.

Узел, который изготавливался в твоём цеху, разрабатывали конструкторы какого-то КБ из другого города. Технологию изготовления — технологи из другого НИИ. Работнику оставалось читать чертежи и выполнять параметры, заданные техническими условиями. Работа, лишённая человеческого содержания, переживается массовым человеком как ритуализированная рутина. Суть ритуала, в котором участвовал массовый человек, состояла в том, что надо было пройти проходную в 9 ч. 00 минут и покинуть предприятие в 18 ч. 00 минут. Все это время надлежало выполнять некоторые действия и слушаться своих начальников. Результат выливался в зарплату, которую регулярно платили два раза в месяц. Если прилежно исполнять заданный набор процедур, то со временем зарплата увеличивалась. Результат —

зарплата — не имел никакого макроэкономического измерения. Вопросы о том, нужна ли кому-нибудь продукция данного предприятия, является ли она конкурентоспособной, в принципе не возникали и возникнуть не могли. Когда «наверху» принималось соответствующее решение, цех переходил на выпуск другой продукции.

Относительно среднего советского работника, крестьянин-единоличник или городской сапожник рубежа XIX—XX веков являли собой пример неизмеримо более осмысленного социально-экономического существования, ибо их труд замыкался на рынок. А это значит, что такие понятия, как издержки производства, экономическая эффективность, общественная необходимость произведенного товара, общая экономическая конъюнктура, определяющая наличие платежеспособного спроса, конкурентоспособность входили в их умственный кругозор и составляли предмет постоянных забот и размышлений. В советской ситуации забота обо всех этих сущностях была делом начальства. Экономические и значимые технологические решения принимались начальством, и ответственность за эти решения лежала на начальстве. Трудовая деятельность, утрачивающая экономическое измерение, превращается в рутинную повседневную практику, переживаемую как специфический социальный ритуал. Рабочий процесс оказывается в ряду таких ритуалов, как митинг, профсебрание, политинформация, субботник и т.д.

Такая ситуация идеально ложилась на ментальность традиционного крестьянина, всеми силами стремившегося уйти от неопределенности рыночного существования. От поля, где результат в принципе не гарантирован и может лишь смягчаться общинной или крепостной зависимостью, он переходил к станку, где результат выполнения трудового ритуала был гарантирован тотемом государства. Крах социалистической экономики породил жесточайший конфликт между государством, энергично снимающим с себя обязательства, вытекающие из системы всеобщего крепостного права, и традиционным субъектом, исходящим из ритуального понимания труда. Отношения «работник — государство» давно отлились в массовом сознании в принцип «Отдай, не греш». Суть его в том, что я хожу на работу, а вы — начальники — обязаны обеспечить мне традиционализированный уровень жизни. Отказ от этого принципа происходит с огромным трудом. За спиной шахтера, стучащего каской на Горбатом мостике у Белого дома, встает тень язычника, наказывающего своего божка, по вине которого честно выполненный ритуал не принес результата:

дожди не прекратились, а охота оказалась неудачной. Конфликт «традиционный работник — посттрадиционное государство» является дополнительным источником рисков социально-политической дестабилизации общества.

Ритуально-магическое сознание порождает антипроцедурную интенцию. И это — один из существенных моментов нашей современной культуры. Суть этого феномена состоит в следующем: магическое переживание мира носит целостный характер. Такая синкретическая нерасчлененность переживается традиционным человеком как ценность, как единственно нормальное состояние. Магическое сознание активно противостоит всему, что дробит, расчленяет и разрушает синкретизис. Любая осознанная процедура есть результат аналитического членения некоторого целостного континуума деятельности, иными словами, некоторого ритуала. Но поскольку целостный континуум деятельности переживается как ценность, процесс членения целостного комплекса увязывается в традиционном сознании с чувством иррациональной тревоги. Ритуальный комплекс осваивается во включенном наблюдении, без всяких разъяснений, пролигоменов и анализов. Традиционный человек учится у мастера «из-за спины», повторяя, копируя, вчувствуясь в целостность ритуальной по сути ситуации. Традиционный мастер и не слишком-то умеет рассказывать и описывать свой труд. Он может показать.

Аналитическое членение, осмысление, описание и формализация приходят на смену ритуалу, когда рождается технология. Человек аналитической культуры мыслит технологический процесс процедурно — как технологически заданную последовательность описанных и формализованных процедур. Внимание к процедуре, осознание *процедуры как культурной ценности есть один из фундаментальных итогов развития европейской цивилизации*. На этом пути можно вспомнить и Аристотеля с его логикой, и многовековую школу схоластики, и особое внимание к процедуре в системе права, и опыт парламентаризма, и алхимическую традицию, воспитывавшую предельное внимание и точность в выполнении совокупности предписанных действий, и многое другое. В результате рождается определенный тип культуры и соответствующий ему, модельный тип личности.

В русской культуре чуткий к нюансам исследователь обнаруживает противоположную интенцию. Прямо эта интенция не заявляется или заявляется редко, по частным поводам. Процедура — неважно, производственно-технологического цикла, или социального взаимодействия, или мыслительного процесса — пе-

реживается как вещь второстепенная, способная заслонить главное — цель — и увести от сути. Ею можно, а если необходимо для пользы дела, то нужно пренебречь. Знаменитый вопрос: «Судить тебя по закону или по совести?» — в действительности означает: остаться ли в пространстве процедур или уйти в мир существа дела? Хорошо известен и традиционный ответ. Противостояние сути и процедуры восходит к памятнику эпохи Киевской Руси — «Слову о законе и благодати», где бездушному закону Ветхого Завета противопоставляется невыразимая и неразделимая на части магическая благодать. Не слишком отдавая себе в этом отчет, традиционный человек боится и бежит от процедуры.

Один из существенных аспектов вписания традиционного человека в технологическое и социальное пространство Нового времени связан с формированием способности понимать инструкции и воспитанием уважения к инструкции (нормативному документу, технологической карте, предписанию). История нашей страны свидетельствует о том, что эти задачи решались медленно, с большим трудом и требовали жесточайших мер [Яковенко, 1998]. В XVIII веке, создавая регулярную армию в традиционной стране, власть узаконила 25-летний срок службы. Дело было не в имманентной кровожадности царизма. Только жесткая муштра, мордобой, система наказаний, страх перед шпицрутенами могли за долгие годы превратить патриархального крестьянина в человека, способного дробить целостный континуум ратной работы и военной службы на элементы, понимать и беспрекословно выполнять приказы, двигаться не толпой, а строем и т.д. Одним словом, превратить его в технологический элемент рациональной военной системы.

Позже, в эпоху российского капитализма, угроза безработицы, жесткая и детально разработанная система штрафов, каравших рабочего за любые нарушения предписаний, поощрение смышленного, прилежного и грамотного исполнителя входили вчерашнего крестьянина в мир фабричного производства. В 30—50-е годы XX века в систему современного производства, распределения, социального взаимодействия включались десятки миллионов людей. Эти люди получали начальное или среднее образование, которое само по себе подготавливало их к жизни в мире процедуры и инструкции. Но этого было далеко не достаточно, ибо школьная установка вступала в конфликт с устойчивой культурной традицией. Советская система не предполагала страха потери работы. Прикрепление к рабочему месту в сталинскую эпоху задавало иные механизмы воспитания. Тюремный

срок за опоздание на работу, система штрафов за мелкие нарушения инструкций, уголовное преследование рабочего, нарушившего предписание и сломавшего станок или трактор, по статье УК, каравшей за вредительство, — вот арсенал методов, с помощью которых власть добивалась четкого и безусловного исполнения предписаний.

Отметим, что последние десятилетия истории советского общества характеризуются всеобщим падением исполнительской дисциплины. Снятие страха перед жестокой карающей санкцией привело к повсеместному размыванию норм исполнительской культуры, к деградации и варваризации практики. А это свидетельствует о том, что в предшествующую эпоху удалось сформировать страх перед инструктивной нормой, за которой стоит карающая мощь государства. Страх воспитан, но не воспитано уважение. Процедура осталась внешней, неинтересованной сущностью.

Здесь просматривается отдельное пространство рисков. Если инструкция вызывает зевоту, а человек, жестко и неукоснительно придерживающийся инструкций (правил, процедур), воспринимается как тупой исполнитель, чинуша, человек «без полета», то общество, в котором доминирует такая установка, обречено на высокий уровень хаотизации. Если образ героя, волевого человека, настоящего мужчины склеивается с образом действия, при котором нарушаются всяческие «глупые» предписания, то можно с уверенностью утверждать: такому обществу грозят опасности.

В нашем случае особое значение имеет процедурная сторона судебных и политических процессов. Недавно исполнилось семьдесят лет со дня убийства Павлика Морозова. Историки, обращавшиеся к этим событиям, описывают процесс над обвиняемыми в убийстве следующим образом: суд происходил в большом зале, украшенном лозунгом «Смерть убийцам Павлика Морозова!»; в перерывах между заседаниями суда играл оркестр; обвиняемым не давали говорить, когда они несколько раз пытались сообщить, что во время следствия их пытали; адвокат отказался защищать обвиняемых. Забудем о специфике сталинской эпохи. Самую чудовищную судебную расправу можно было бы облечь в более пристойные формы. Такое возможно только в обществе, презирающем любые судебные процедуры.

После 1993 года в российском обществе накапливается некоторый опыт политической и парламентской жизни. Массовый человек узнает из СМИ о роли и существовании политических процедур: электоральных норм, парламентского регламента и т.д. Тем

не менее скандалы в ходе региональных выборов, превратившиеся в фон политической жизни, свидетельствуют в том числе и о пренебрежении общества к процедуре.

Во все времена и по сей день добиться в России четкого и неукоснительного исполнения предписаний в ходе производства и особенно в ходе эксплуатации технологических систем, машин и механизмов исключительно сложно. Для этого необходимы постоянные специальные усилия. Несоблюдение предписаний технологического процесса при производстве чревато скрытыми дефектами, которые выявляются только в ходе эксплуатации. Особая ситуация складывается с проблемой эксплуатации. Суть ее в том, что любую техническую систему можно эксплуатировать, нарушая нормы и предписания (упрощая процедуры обслуживания, увеличивая время между регламентными осмотрами, используя не оговоренные инструкциями компоненты и т.д.). Сразу на работе данной системы такие нарушения не сказываются, но повышается риск аварии, ухудшается качество работы, уменьшается срок эксплуатации и т.д. Все это — эксплуатационные риски. Между тем в стране найдется буквально несколько сложных систем — вроде самолета Президента РФ, — относительно которых можно быть уверенным, что регламентные работы выполняются безукоризненно. Здесь мы сталкиваемся с серьезной культурной проблемой.

По этому поводу вспоминаются данные расследования аварии на АПЛ «Курск». Обобщая итоги расследования, «Российская газета» (26. 08. 2002) сообщила о целом букете нарушений технологий работы с личным составом, оружиевыми системами, системами аварийной эвакуации личного состава и т.д. Сходная картина раскрывается всякий раз, когда происходит ЧП и результаты расследования попадают в печать. Разбивается ли вертолет с губернатором Красноярского края, совершается ли теракт в Москве, тонет ли списанная подводная лодка, перегоняемая с места временной стоянки на завод по утилизации ядерных АПЛ, — следствие выявляет целый веер нарушений самых разнообразных должностных инструкций, законов и подзаконных актов. Статистика аварий убеждает нас: дело не только в конкретной ситуации на АПЛ, на Северном флоте или в армии вообще. Дело в культуре нации. Пред нами проблема, не осознанная ни в своем качестве, ни в своем объеме. Перед госслужащим, нарушившим любую инструкцию по эксплуатации, должна раскрываться перспектива увольнения с пожизненным запрещением работы в госсекторе. В XXI веке общество, в котором человек, устойчиво нарушающий

технологические предписания, не превращается неизбежно в собирателя пустых бутылок, обречено на распад технологической среды со всеми вытекающими из этого социально-политическими последствиями. Сегодня, когда России грозит вал техногенных катастроф, связанных с выработкой сроков безаварийной эксплуатации большинства систем инфраструктуры, проблема культуры эксплуатации приобретает особое значение.

Помимо, так сказать, исполнительских, существуют управленческие технологии и управленческие стратегии. Здесь также складываются свои, заданные культурой, традиции. Они если не впитываются с молоком матери, то усваиваются в ходе вторичной социализации, профессионализации и превращаются в единственно возможный образ действия «начальников» самого разного калибра.

В качестве примера опишем колебания в системе «репрессивность – безответственность». Российской политической традиции присущи два полюса: репрессивность и безответственность. В основе тенденции к репрессивности лежит убеждение, согласно которому репрессии сами по себе могут разрешать проблемы в управлении обществом. Репрессии создают специфическую морально-психологическую атмосферу, повышают исполнительскую дисциплину, формируют такое положение вещей, когда руководитель оказывается лично, головой отвечающим за выполнение указаний вышестоящего руководства. Гавриил Попов, обращавший внимание на этот механизм классического советского общества, обозначил его как «подсистема страха». На определенных этапах русской истории тенденция к использованию репрессивности как генеральной стратегии власти побеждала. Нельзя сказать, что резоны в пользу репрессий абсолютно безосновательны. Некоторое время политика репрессий действительно позволяет победить тенденцию ко всеобщей хаотизации, обновить политическую элиту, протолкнуть отдельные нововведения. Однако политика репрессий быстро вырождается в неуправляемый террор, который в стратегическом плане дезорганизует и обескровливает общество. Эпоха террора завершается либо распадом страны, либо отказом правящей элиты от практики террора. Мы не касаемся проблемы моральной оценки террора и не описываем необозримые психологические и культурные последствия такой политики. Но и на уровне чистого тактического результата репрессии заводят общество в тупик.

Далее маятник колеблется в противоположную сторону. И террор, и репрессии бьют по всему обществу, однако масса

подвластных людей выступает в качестве объекта. Совершенно иное дело — политическая элита. Она делает свои выводы из политики террора и на следующем этапе двигает общество к ситуации безответственности — прежде всего элиты. За нею (в силу целостности социокультурного организма) безответственность в той или иной мере распространяется на все общество. Так общество жесткой сверхответственности перерождается в общество всеобщей безответственности. На смену ситуации, символом которой может служить «закон о колосках» с волнами ротаций начальников всех рангов по схеме «кресло—зона», приходит брежневское безвременье с застольями на рабочем месте и тихой расшашивкой, в которой самым большим наказанием для руководителя было отправление на пенсию.

Понятно, что как репрессии, так и безответственность — порочные, тупиковые политические стратегии, оборачивающиеся деструкцией и распадом. Единственная позитивная альтернатива — нормальная ответственность гражданина, исходя из принципа равенства всех перед законом и принципа соразмерности нарушения и наказания. Однако именно эта модель не утверждается на российских просторах. Репрессии приводят к кризису и толкают общество к безответственности. Всеобщая безответственность ведет к распаду государства и заново толкает общество к политике репрессий.

Страна вскакивает на этих качелях. Проблема упирается в отсутствие правовой культуры, в отторжение принципа юридика. Сегодняшнее политическое руководство страны демонстрирует тенденцию борьбы с безответственностью. Общий вектор движения можно приветствовать. Однако в обществе, отторгающем принципы права, демонстрирующем неспособность к созданию независимого суда, пренебрегающем демократическими и правовыми процедурами, борьба с безответственностью может оказаться инструментом популистской политики, элементом пиара, средством борьбы за власть и влияние определенных политических сил, механизмом передела собственности и т.д. В таком случае цели и социальные результаты борьбы с безответственностью могут оказаться не имеющими отношения к прокламируемым благим задачам и декларируемым ценностям: укреплению законности, государства, борьба с коррупцией и т.д. Здесь содержится очевидные политические риски.

Отечественной культурой задана и экстенсивная стратегия власти. Мы имеем в виду устойчивую тенденцию к решению всех стратегических проблем путем вовлечения в оборот все больших

ресурсов — человеческих, материальных, организационных, пространственных и т.д. Экстенсивная стратегия управления пронизывает собой все уровни власти. Всякий чиновник кровно заинтересован в том, чтобы управлять и распоряжаться максимально большим штатом подчиненных и объемом вовлеченных в управление ресурсов. От этого непосредственно зависит его ранг, статус в начальственной иерархии и размер зарплаты. Наконец, от этого зависит масштаб льгот (легальных, полунелегальных, нелегальных), извлекаемых из права распоряжаться ресурсами. Такая архитектура власти порождает стремление начальника любого уровня предельно расширять штаты, выбивать ресурсы и т.д. Иными словами, задает экстенсивный характер государственной системы. Корпорация госслужащих растет. Генералитет Российской армии превысил размеры советского генералитета.

Но раздувание госаппарата и объема ресурсов, находящихся в его подчинении, — лишь одна сторона проблемы. Существует и другая, не менее, а возможно, и более важная. *Российский аппарат не может управлять интенсивно.* Ответ на любую новую проблему требует дополнительных ресурсов. Последние четыре десятилетия эволюции советского общества наглядно продемонстрировали эту закономерность. В итоге общая эффективность экономики неуклонно снижалась. У нас есть основания полагать, что причины этого не исчерпываются органическими пороками плановой экономики. Причины лежат глубже. Они — в экстенсивной интенции русской культуры. Более века российское общество безуспешно пытается преодолеть порог, разделяющий экстенсивную и интенсивную стратегии развития. Выбор социализма был производным от культуры. Он явил собой попытку увязать культуру, не способную к динамике, с задачами промышленного роста. Опыт не удался.

Экстенсивная стратегия российской власти производна от экстенсивной природы российской цивилизации. Так же, как все технологии можно разделить на ресурсозатратные и ресурсосберегающие, по признаку отношения к ресурсу делятся и цивилизационные стратегии. Традиционные империи формировались на базе ресурсозатратных стратегий [Яковенко, 1999]. Всякая традиционная империя существовала постольку, поскольку отвечала на вызовы истории вовлечением в свой оборот новых ресурсов, завоевывая новые территории и подчиняя людей. Когда этот механизм ломался, империя вступала в фазу упадка. Так же было устроено Московское царство/Российская империя. Цивилизационный синтез отлил эту особенность в устойчивую стратегию.

Ресурсозатратная историческая стратегия общества складывается из административных, военных, управленческих, промышленных технологий. Так, экологические проблемы, связанные с загрязнением и деградацией территорий, в значительной мере заданы и генетически вытекают из экстенсивного отношения к территории. То есть такого отношения, которое предполагает однократное использование с выведением из оборота использованного и деградировавшего ресурса. В рамках экстенсивной стратегии это — нормально. Пространства «на наш век хватит». Времена изменились, но культурная установка живет. Она вошла в неразрешимый конфликт с реальностью, и это порождает риски общей деградации среды обитания, критического снижения качества жизни, подрыва здоровья нации и т.д.

Обратимся к самому острому конфликту в этом ряду. Мы имеем в виду *установку на человекозатратные технологии*. Установка на человекозатратность имеет долгую историю. Прежде всего эта установка формируется в ходе военных столкновений. Государство, располагающее большим населением, может как сберегать, так и активно расточать людские ресурсы. Причем существует ситуация, в которой установка на расточение оказывается эффективной.

Политика победы любой ценой формировалась, образно говоря, в степи. Она задавалась следующими факторами: неоглядную евразийскую степь веками заселяло множество племен (союзов племен), принадлежавших к тюркской языковой семье либо веками живших в контакте с тюрками. Это были культурно и стадильно близкие общества. В такой ситуации сила, взявшая на вооружение стратегию победы любой ценой, обретала возможность практически неограниченного роста. Если концентрировались все силы и над противником одерживалась победа невзирая на потери, то после уничтожения под корень его наследственной элиты вся масса рядовых воинов вливалась в войско победителей. В результате захватывались кочевья разбитого противника, а рост собственного войска превышал самые тяжелые потери. Мы описываем обычную практику татаро-монголов. Так, в частности, поступили с половцами.

Московия/Россия впитала эту стратегию. Динамика рождаемости и динамика экстенсивного роста государства веками ее оправдывала. Россия компенсировала стадильное отставание от своих европейских соседей решающим численным преимуществом. Концентрация сил и победа любой ценой стали генеральной стратегией России. Опираясь на свои ресурсы, Россия разворачивала войны на истощение противника и, как правило, вы-

игрывала их. Примеров достаточно: Россия обессилила своего противника Швецию в Северной войне (1700–1721). Далее следуют Семилетняя война с Пруссией (1756–1763), Отечественная война с наполеоновской Францией (1812–1814) и, наконец, Великая Отечественная (1941–1945). Все это время ресурсо- и прежде всего человекозатратность была стратегической доминантой. Вопреки красивым мифам, бесспорной сентенцией Суворова «Восвать не числом, а умением» и отдельным успехам талантливых военачальников, Россия брала числом. Так, в одной только битве под Цорндорфом (1758) русская армия потеряла 20 тысяч человек.

Но можно обратиться к более близким событиям. В 1942 году потери Красной Армии и вермахта соотносились 13:1. В 1943 году соотношение улучшилось и составило 10:1. Один день наступления армий под командованием маршала Жукова обходился в среднем в 10 тысяч человек. Город Кёнигсберг можно было окружить и дожидаться сдачи гарнизона. Сталин настоял на штурме, который обошелся в 200 тысяч человек. Потери Красной Армии в ходе Берлинской операции составили 2 миллиона человек [Бешанов, 2002]. Подчеркнем, речь идет о последних днях войны, когда судьбы фашистской Германии были решены. Берлин брали любой ценой, чтобы опередить американцев. Не менее полутора миллионов человек погибли во имя целей послевоенного раздела Европы. Как мы знаем, через 40 лет после этого Россия ушла из Восточной Европы. Сегодня, когда все говорят о демографическом кризисе в Российской Федерации, стоит подумать о том, сколько внуков и правнуков этих воинов жили бы сейчас рядом с нами.

Так мы подходим к последнему кризису политики ресурсо- и человекозатратности. Дело в том, что Россия не только выигрывала, но и проигрывала войны на истощение противника. Проиграны были Ливонская (1558–1583), Первая мировая (1914–1918) и холодная (1956–1991) войны. Первое поражение связано с кризисом чисто традиционного общества, не способного к модернизации. Второе – с кризисом раннеиндустриального этапа модернизации. Третье – с кризисом перехода к постиндустриальному обществу. В холодной войне Россия была верна своим традициям. Проигрывая в технологическом отношении, СССР компенсировал технологическое отставание объемами вооружений и размерами армии.

Однако времена изменились. СССР буквально надорвался от непосильной ноши. Современная реальность диктует принци-

ально иное отношение к проблеме ресурсов и цене человеческой жизни. Подчеркнем, не декларативное, но реальное отношение, воплощенное в практике государственной жизни. Отношение к цене человеческой жизни изменяется в российской обществе на наших глазах. Об этом свидетельствуют, в частности, судебные иски родственникам жертв теракта на Дубровке. Выплаты родственникам моряков, погибших на атомоходе «Курск», создают прецедент, который фиксируется в общественном сознании. Созревание гражданского общества, изменения в сфере правосознания, включение России в систему международных договоров и обязательств формируют новую политическую и культурную ситуацию, в которой российские власти будут вынуждены брать на себя существенную материальную ответственность за жизнь и здоровье гражданина, погибшего или получившего увечье по вине государства. Однако объективная необходимость перехода к человекоберегающим технологиям опирается в многовековую традицию. Нам представляется, что риски, вытекающие из этого противоречия, не осознаются в полной мере.

Пространство рисков, возникающее на пересечении технологии и традиционной культуры, тесно связано с характеристиками системного ядра культуры и минимально осмыслено. Развернутый анализ обозначенного пространства — дело будущего. Эти риски вплетены в привычный образ жизни, в устоявшийся образ мыслей и образ действий. Осознание культурной заданности технологических рисков представляет собой серьезную гносеологическую, психологическую и культурную проблему. Порождающее риски массовое поведение не осмысливается как целостность, дробится на частные случаи, объясняется второстепенными, производными причинами и обстоятельствами. В данном случае в действие вступает известный в культурологии феномен самоорганизации ментальности: культура маскирует свои основания, защищая их от трансформирующего воздействия [Яковенко, 2002]. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с большим пакетом рисков, которые не осознаны и не вербализованы. Их масштаб и конфигурация скрыты от общества. Всякий раз, в том или ином частном случае, мы говорим о слабой трудовой или исполнительской дисциплине, о взяточниках, о «разгильдиях» и т.д. Подлинная главная причина остается закрытой от общества, и в этом обстоятельстве скрываются существенные дополнительные риски.

ЧАСТЬ II. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ

Глава 5. РИСКИ ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА ОТ ЭКСТЕНСИВНОЙ К ИНТЕНСИВНОЙ СТРАТЕГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ

Процессы модернизационной трансформации (модернизационного перехода) российского общества многогранны. Для характеристики рисков, которые возникают в ходе подобной трансформации, теоретически продуктивно выделить глубинную суть трансформационного процесса, определить существенные, системообразующие параметры двух качественно различных состояний — утрачиваемого и обретаемого в ходе модернизационного перехода. Понятийные оппозиции типа «традиционное — современное» или «статичное — динамичное» не могут удовлетворить исследователя хотя бы потому, что эти оппозиции описывают исходные и завершающие характеристики системы, переживающей растягивающийся на века процесс модернизации. К моменту модернизационного перехода ни традиционного, ни статичного общества в строгом смысле не существует.

Вместе с тем мы осознаем, что модернизационная трансформация представляет собой исторически краткий процесс качественного изменения, в рамках которого завершается длительный процесс модернизационных преобразований. Иными словами, в ходе модернизационной трансформации умирает одна и рождается другая сущность. Описание и характеристика этих сущностей позволит продвинуться в понимании существа ключевых для современного российского общества процессов и увидеть риски, рождающиеся в ходе этих преобразований. Ответ на эти вопросы требует понятийного оснащения и теоретических разработок общего характера.

Итак, пара категорий «экстенсивное — интенсивное» описывает существенные, в некотором отношении ключевые характеристики человеческой деятельности.

Категория «экстенсивное» восходит к латинскому *extensivus* (расширяющий, удлиняющий) и описывает такой тип хозяйства, и шире — человеческой деятельности, в рамках которого изменения носят количественный характер. Здесь увеличение объемов

и повышение качества продукции достигается за счет вовлечения в хозяйственную деятельность дополнительных ресурсов.

Противоположная категория — «интенсивное» восходит к латинскому *intensio* (напряжение, усиление) и описывает тип хозяйства и человеческой деятельности, в рамках которого изменения носят качественный характер. В данном случае увеличение объема и повышение качества продукции достигаются за счет совершенствования технологий, оптимизации производственного процесса, более рационального использования рабочей силы и материальных ресурсов. Здесь привлечение дополнительных ресурсов минимизируется.

Процессы динамизации исторического развития, обострение конкуренции между общностями самого разного ранга и уровня — народами и расами, локальными цивилизациями, конфессиями и идеологиями, государствами, экономическими и политическими стратегиями, — а также осознание конечности нашей планеты и маячащая на горизонте проблема исчерпания природных ресурсов — все эти обстоятельства существенным образом изменяют теоретический статус обозначенных категорий. Из сравнительно частных понятий, принадлежащих к сфере экономических и технологических дисциплин, «экстенсивное» и «интенсивное» перемещаются в центр гуманитарной теоретической рефлексии, на глазах обретая категориальный статус.

Еще лет тридцать назад «интенсификация производства» мыслилась как очередная и в то же время стратегическая задача советской власти. Это был один из приоритетов политики КПСС. Предполагалось, что задача интенсификации решается по мере внедрения в народное хозяйство результатов научно-технического прогресса. Проблема интенсификации была постоянной головной болью Совмина, Госплана, академической и ведомственной науки. Решению этой задачи служили бесконечные планы оргтехмероприятий, реализуемые на самых разных уровнях. До каждого советского человека задачи интенсификации доводились всей мощью ресурсов Агитпропа. Однако СССР, как мы знаем, проиграл Западу технологическую гонку и рухнул именно потому, что, не выдерживая темпа интенсификации, был вынужден отвечать асимметрично, компенсируя качественное отставание количественным ростом*.

* По данным СИПРИ (Stockholm International Peace Research Institute), в 1985 году на каждый танк НАТО приходилось 2,5 танков Варшавского договора. На каждый орудийный ствол НАТО — семь стволов Варшавского договора.

Сокрушительные исторические итоги XX века позволили по-новому взглянуть на эту проблему. Проблема интенсификации обнаружила измерения, недоступные технократическому видению. Отечественная культурология и цивилизационный анализ, активно развивающиеся в постсоветскую эпоху, предлагают теоретическое пространство, позволяющее заново осмыслить проблематику интенсификации. С позиций этих дисциплин понятия «экстенсивное» и «интенсивное» выходят за рамки сферы технологии и экономических отношений и превращаются в характеристику отношения человека к природному и социальному универсуму. Выясняется также, что склонность к интенсивному или экстенсивному типу деятельности относится к базовым характеристикам социокультурного целого.

С трудом обозримое множество самых разнообразных обществ, культур и цивилизаций, реализованных в истории человечества, демонстрирует присущий каждому из них уровень интенсивности. Если расположить известные нам типы хозяйственной деятельности на единой шкале, от чистого присвоения продуктов природы, доступных архаическим обществам палеолита, до вершин интенсификации, достигнутых в современном мире, то обнаружится, что каждая конкретная культура находит на такой шкале свое место. С этих позиций мера интенсивности, присущая данной культуре, и доступный для нее резерв интенсификации, на пороге которого начинается деструкция культуры, фиксируют стадиальный уровень культуры.

Как было сказано выше, экстенсивное и интенсивное существенно шире технологии и хозяйства. Можно говорить об экстенсивной либо интенсивной модели развития. Каждая из этих моделей характеризуется определенным отношением к миру и порождает базовый тип личности. Эти типы различаются ментальностью — структурой переживания себя в мире, типом осмысления встающих перед человеком проблем и характером решений этих проблем. Можно говорить об *экстенсивной или интенсивной интенции, модели развития, исторической стратегии*. Одна из этих двух устойчивых моделей или стратегий закрепляется в культуре и наследуется от поколения к поколению.

Экстенсивная и интенсивная интенции выступают как системообразующие характеристики культуры. Они пронизывают собой все срезы и аспекты самопроявлений человека и социокультурного организма. Мы имеем в виду ментальность, характер экономики, социальные отношения и политические институты, характер внешнеполитических устремлений. Экстенсивная либо

интенсивная доминанта формирует стиль и стратегию исторического развития социокультурного организма. Сравнительный анализ этих стратегий — тема большого самостоятельного исследования. Выделим один признак, особо значимый в аспекте нашего исследования.

Для различения экстенсивной и интенсивной стратегий исторического бытия критерием является *отношение к ресурсам*. Экстенсивная стратегия в идеале тяготеет к *бесплатным (минимально оплаченным) ресурсам*. Экстенсивно ориентированный человек стремится устроить жизнь таким образом, чтобы ресурсы были бесплатны. Получение новых ресурсов взамен израсходованных мыслится как операция, требующая минимума издержек. Русская народная сказка донесла до нас образ идеального мира неограниченных и бесплатных ресурсов. «Скатерть-самобранка», «неразменный пятак» и прочие радости сказочного мира оформляют этот идеал.

Экстенсивная стратегия исторически первична и очевидна в ситуации ресурсной избыточности. Пока пригодного для жизни человека пространства больше, чем людей, эти люди привержены экстенсивной стратегии. Общества, разделяющие экстенсивную стратегию бытия, — общества дорыночные. Обмен если и имеет место, то локализован в некотором узком секторе, предполагающем получение дефицитных или отсутствующих ресурсов, товаров, услуг. Рынок носит подчиненный характер.

В экстенсивных обществах сильны механизмы распределения, работающие на самых разных уровнях — рода, племени, государства. Здесь широко практикуется неэквивалентный обмен. Клиент поддерживает патрона, работает на него, когда необходимо, а патрон покровительствует клиенту (говоря сегодняшним языком, «крышует» его), кормит и поит в тяжелую годину. Другой вариант — русские «помочи». Соседи «всем миром» помогают семье строить дом, а хозяева в конце работы ставят общее угощение. В обоих случаях отношения сторон взаимны. Люди обмениваются услугами и обязательствами. Однако этот обмен принципиально неэквивалентен. Культура экстенсивно ориентированного общества противится принципу строго эквивалентного обмена в соответствии с ценовыми паритетами, устанавливаемыми рынком. В этой связи примечателен разговор русского писателя А.Н. Энгельгарта с соседом-крестьянином, в котором крестьянин объясняет автору, что жить в деревне можно «по-немецки» — то есть строго расплачиваясь по рыночному курсу за товар или услугу и требуя, в свою очередь, встречной платы за взятое из имения

или за использование барского инвентаря. Если жить «по-нашему», то нет строгого счета, а есть угощение со стороны барина и практически бесплатная работа крестьян, зато в случае необходимости они смогут срубить дерево в барском лесу или воспользоваться другим имуществом без лишнего счета, на основах добрососедской взаимности [Энгельгардт, 1999].

В каждом единичном обмене (даре, подношении, услужении) одна из сторон всегда отдаст больше и получит меньше. Заметим, что на практике люди оценивают свои обмены с другими людьми, близкими и далекими, исходя из того, что суммарный счет должен быть эквивалентным: «На круг мы им сделали/подарили/отдали примерно столько же, сколько они нам». Если же одна из сторон полагает такие отношения неэквивалентными, она высказывает претензии или прерывает цепь традиционных обменов ресурсами и услугами.

Казалось бы, подобные отношения могут быть взаимовыгодными. В крайнем случае они невыгодны одной из сторон в подобных традиционных обменах дарами и услугами. На самом же деле это невыгодно обществу в целом, поскольку ведет к повсеместному, тотальному перерасходу ресурсов*. От перерасхода уберегает сознание, сформированное таким образом, чтобы постоянно, автоматически считать каждый су и каждый пфеннинг. Но экстенсивно ориентированный человек выше подсчета, считает его занятием недостойным. В экстенсивных обществах есть хозяйство, но нет экономики, ибо экономика начинается там, где маргинализуются распределительные отношения, главенствует рынок и все обретает свою цену.

Интенсивная стратегия возникает тогда, когда возможность экстенсивной исчерпывается, когда издержки на обретение нового ресурса взамен израсходованного оказываются критически высокими. В результате следование экстенсивной стратегии, во-первых, утрачивает эффективность (обретает отрицательную эффективность); во-вторых, экстенсивная стратегия оказывается сопряженной с критически высоким уровнем рисков. Приверженцы экстенсивной стратегии рискуют быть уничтожены силами, в настоящее время контролирующими необходимый ресурс, либо погибнуть с голоду.

Интенсивная стратегия исходит из того, что любые ресурсы надо добывать, возобновлять, обретать. Это самостоятельная де-

*В традиционных обществах такой перерасход приемлем и «работает» как один из механизмов интегрирования традиционного целого. Однако именно он стоит на пути интенсификации.

тельность, требующая расхода других ресурсов. Поэтому *ресурсы являются платными, а стоимость ресурса определяет рынок*. Общественные отношения выстраиваются исходя из примата платности ресурсов. Принцип эквивалентного обмена оказывается ключевым, а рынок как институт, обеспечивающий эквивалентный обмен, — системообразующим элементом социокультурного целого. Только рынок в состоянии определить стоимость всех и всяческих ресурсов, товаров и услуг. Природное пространство, земля; в рамках интенсивной стратегии исторического бытия осознается как рыночная стоимость, имеющая цену и владельца. В этой связи надо заметить, что политическое противостояние процессу приватизации земель в Российской Федерации задается не только социальными интересами аграрного лобби. Причитания противников приватизации земельных участков в духе того, что «земля — Божья» — один из последних бастионов экстенсивного культурного космоса. Восходящее к раннему неолиту родовое сознание отчаянно противостоит внедрению принципа, который за полтора поколения размоет много-тысячелетнюю традицию.

Принцип платности и рыночного определения стоимости относится ко всем ресурсам, в том числе и к рабочей силе, к человеческим ресурсам в широком смысле. В обществе с прочно утвердившимся рыночным мышлением практически все социально значимые сущности обретают ценовое измерение. В минувшую эпоху эта особенность нормального капиталистического общества выступала объектом морального осуждения со стороны идеологов «светлого будущего». Между тем автоматизированное мышление в категориях цены — эффективный механизм оценки, позволяющий оптимизировать социальные отношения. Человек, знающий цену себе и другим людям, словам и делам, политике и социальным институтам, твердыми ногами стоит на земле. Такие люди рациональны, понятны и прогнозируемы в своем поведении, с ними легко и приятно иметь дело.

Под этим углом зрения даже государственные и политические институты предстают как производители специфического товара. Государство (воплощенное в политической власти и бюрократическом аппарате) предлагает гражданам набор услуг, которые они покупают у государства, оплачивая его существование. Периодически проводится тендер на замещение статуса и роли политической власти. Конкурирующие политические команды борются за подряд на управление государством, а граждане большинством голосов избирают победителя. Это же относится к идеологиям,

конфессиям, институтам культуры, которые конкурируют между собой на рынке идеологического, конфессионального и культурного обслуживания населения.

Экстенсивная стратегия неотделима от движения в пространстве. Новые ресурсы лежат в другом месте, нежели то, где ресурсы используются. Однако по мере разворачивания истории человечества и последовательного заселения земного шара такое движение оказывается связанным с насилием. Ибо на новой территории живут другие люди, склонные считать ее своей и использовать ее по-своему. С некоторого момента верность экстенсивной стратегии оказывается неотделима от насилия.

Все крестьянские(традиционные) социальные утопии рисовали общество, в котором ресурсы бесплатны. Опонское царство, Беловодье, страна Пенлай, страна пресвитера Иоанна – мир изобилия без торговли, кредита, старости и болезней. Можно предположить, что в этой мифологии фиксируются некоторые параметры обществ эпохи расселения человека по земному шару, когда природные ресурсы были еще заведомо избыточны, а конкурентные преимущества человека перед животными уже неоспоримы. В практическом плане из этого наблюдения вытекает следующее: до тех пор пока в российской культуре живут традиционные смыслы, идея бесплатности ресурсов будет увязываться в сознании людей с картиной идеального бытия, праздничного изобилия, всеобщего благополучия. Мифы живучи.

Однажды экстенсивная ориентация получает идеологическое закрепление. В фольклоре, литературе и искусстве, в сакральных текстах и идеологических конструкциях базовые интенции и характеристики экстенсивно ориентированного человека фиксируются, обретают художественный образ, сакрализуются, получают статус идеала.

Если мы обратимся к отечественному материалу, то среди других персонажей русского пантеона обнаружатся Иванушка-дурачок, юродивый, русский богатырь. Идеологи российской традиции пишут о широте души русского человека, нерасчетливости (тракуемой как позитивное качество), способности на поступок, причем поступок этот всегда алогичен, выше «плоского» расчета и рассудка; пишут о неприятии рынка, об устремленности к неким высшим ценностям и отторжении мира, построенного на ценностях материальных. Юродивость, алогизм, нерасчетливость, способность сжечь, пропить и прогулять нажитое годами труда – вот модельные качества, которыми любуются идеологизированная традиция. Герои и персонажи романов Федора

Достоевского, Льва Толстого, Максима Горького уходят в монахи, ломают блестящую карьеру или бросают купеческое «дело», спускают нажитое и начинают новую жизнь, не отягощенную богатством и социальной ответственностью. Асоциальная позиция трактуется как нравственно более высокая, нежели активная, социально ответственная деятельность. Человек, удалившийся в «пустынь», заботится о спасении души и спасет мир своей праведностью.

Идея коммунизма и социализма, понимаемого как стадия на пути к коммунизму (то есть социализма советского образца), описывает абсолютный и относительный идеалы экстенсивного общества. При коммунизме исчезнет дефицит любых ресурсов и все они станут бесплатными. При социализме дефицит некоторых ресурсов сохраняется, но государство берет на себя издержки производства товаров и услуг, заполняющих сферу потребления, и распределяет эти товары по символическим ценам, не отражающим издержки производства. Идея состояла в том, что круг этих, практически бесплатных, товаров и услуг будет расширяться и со временем охватит весь спектр потребностей человека.

Иными словами, оперируя ограниченными и далеко не бесплатными ресурсами, государство стремилось создать для граждан мир практически бесплатных ресурсов, товаров и услуг. Естественно, это было возможно лишь в том случае, когда все граждане работали на такое государство бесплатно. Точнее, труд их оплачивался также символически, по усмотрению государства. На свободном/теневом рынке в СССР труд, аналогичный работе в госсекторе, оценивался в 5–30 раз дороже. Поэтому человеческий труд, жизнь и здоровье человека в СССР были подлинно «бесценны», то есть не имели никакой цены. Бесплатный ресурс расходовался и перерасходовался чудовишно. Пенсии были символическими (как и цены на минимальный набор товаров первой необходимости), никаких страховых выплат по смерти или потере трудоспособности государство(ведомство) не делало. При гибели работника государство реально теряло лишь средства, израсходованные на его профессиональную подготовку.

Экстенсивно ориентированное общество склонно, во-первых, к распределительным отношениям. Во-вторых, оно тяготеет к ограничению и нормативизации потребления. Люди должны потреблять в соответствии со своим статусом. Реплика городничего из гоголевского «Ревизора» — «Не по чину берешь» — прекрасно выражает этот тип мировосприятия. Ограничение потребления свидетельствует о действии объективных ограничителей, встаю-

ших на пути общества, реализующего экстенсивную стратегию бытия. Безграничное изобилие существует только в мечтах экстенсивного человека. Экстенсивно ориентированному обществу всегда всего не хватает. Дефицит как самого насущного (земли, продуктов питания, товаров и услуг), так и необязательного, но такого вожделенного (предметов роскоши, заморских диковин) – устойчивая характеристика экстенсивных обществ. Это толкает их к морали самоограничения. Далее, поскольку природная среда не имеет цены в рыночном смысле, той цены, которую надо заплатить за потребление чего бы то ни было, жестких механизмов, ограничивающих потребление, здесь не возникает, что толкает общество к опасному для него перерасходу любых ресурсов. Нормативизация потребления по статусам, возрастам, полу, профессиям – одна из существенных особенностей устойчивых, экстенсивно ориентированных обществ.

В интенсивных обществах на месте культурных, правовых, социальных ограничителей встает универсальный регулятор рынка. На рынке есть все. Потребление упирается в наличие денег. Человек, который тратит более того, что он может себе позволить, быстро идет по пути разорения. Это означает, что в скором времени его потребление будет приведено в жесткое соответствие с его возможностями действием императивных механизмов рыночных отношений. Таким образом, место дефицита природных ресурсов, товаров и услуг занимает дефицит финансовых ресурсов. Понимание того, что деньги сами по себе – важнейший ресурс, двигает людей к самоограничению и задает параметры потребления. А социальная значимость ресурса, мера его дефицитности находят свое выражение в цене, которая выступает в качестве гибкого и эффективного регулятора параметров потребления.

Заслуживают внимания различия в отношениях собственности. В экстенсивно ориентированной культуре природные ресурсы – прежде всего земля, а также все, что живет на земле и рождается из земли, – мыслятся как всеобщее достояние. Отдельный человек, семья, род устанавливает с универсальным ресурсом – землей – отношения пользователя. Эти отношения складываются по праву заимки (первым сел на землю, застолбил участок). Прекращение использования земли (природных угодий) ведет к прекращению отношений пользователя. Итак, базовый природный ресурс не имеет реальной цены и реального собственника, не попадает в систему рыночных отношений, обеспечивающих движение природных ресурсов в руки эффективного собственника. Главенствующий принцип один: каждый «наш» человек имеет

право на свою долю базового ресурса(земли) по праву рождения. Вопрос о том, как (насколько эффективно) будет использован этот ресурс, не возникает в принципе. В экстенсивных культурах складывается так называемая «трудовая» теория собственности, в соответствии с которой собственностью человека может быть лишь то, что он создал своими руками. Что же касается природных объектов, то ими распоряжаются на праве владения. Так, в частности, обстоит дело в России, где римская идея частной собственности появляется не раньше XVIII века, причем сколько-нибудь утверждается лишь в вестернизованном слое общества [Алексеев, 1993].

В интенсивно ориентированных культурах базовый природный ресурс обретает в глазах общества цену, а значит, превращается в товар, который получает владельца, пройдя через институты рыночных отношений. Земля продается, покупается, закладывается и т.д. Природными ресурсами может владеть государство, организация, социальный институт. Важно, что любой владелец природных ресурсов существует в системе рыночных отношений. Рано или поздно рынок выдавливает неэффективного собственника. Право на природные ресурсы имеет лишь тот, кто в состоянии купить эти ресурсы на рынке и создать, базируясь на них, эффективное, конкурентоспособное производство.

Интенсивно ориентированная культура плохо сопрягается с идеей частной собственности на человека и размывает институты внеэкономической зависимости. Переход к интенсивной стратегии исторического бытия в индустриальную эпоху всегда связан с освобождением человека от внеэкономической зависимости. Раб (заключенный) в принципе не вписывается в интенсивно ориентированное производство. Частично зависимый (крепостной, советский человек) плохо вписывается, постоянно вываливается из него, тормозит интенсификацию, сводит на нет усилия интенсификаторов. И это понятно, если иметь в виду, что устойчивый интенсивный результат может быть достигнут только в том случае, когда все работники (по крайней мере подавляющее большинство) озабочены этой проблемой и не формально, но сущностно участвуют в интенсификации.

Наконец, экстенсивная культура всеми силами отторгает рыночную конкуренцию, ибо в конкурентной борьбе побеждает интенсивный, способный к оптимизации. Она тяготеет к монополии, требует государственного регулирования, ищет преференций. Экстенсивно ориентированный субъект исходит из того, что результаты его труда должны гарантировать его благосо-

стояние вне зависимости от качества, издержек, количества вовлеченных ресурсов и т.д.

Понятия «интенсивное» и «интенсификация» часто увязываются с техническим прогрессом. Однако вопреки поверхностному взгляду на вещи интенсивная и экстенсивная доминанта не связаны жестко с разделением на традиционные, доиндустриальные и индустриальные технологии. Интенсивная доминанта культуры может быть реализована в рамках традиционной системы хозяйства. В истории неоднократно реализовывался следующий сценарий: на некоторой, достаточно обширной, территории шло развитие экстенсивно ориентированных обществ. В конце концов эти общества заполняли ту целостную территорию, выход за рамки которой был для них невозможен по геополитическим, ландшафтно-климатическим и другим обстоятельствам. Далее наступал неизбежный кризис, который разрешался переходом традиционного общества к интенсивной стратегии развития. Примеры такой эволюции мы наблюдаем в Китае, Японии, Индии.

Культуры этого типа тяготеют к гомеостазу. Здесь формируются специфические социокультурные механизмы, фиксирующие экологический баланс в системе «человек — природная среда»: численность населения на данной территории, его совокупное потребление и объем природных ресурсов, вовлеченных в активную хозяйственную деятельность (практика отдавать второго сына в монастырь, традиционные формы регулирования рождаемости, нормы, регулирующие доступ к системам орошения, контроль государства за размером возделанных территорий, запреты на сведение лесов и др.). В этом случае численность населения растет весьма медленно, по мере роста объема производства и возникновения дополнительных рабочих мест. В традиционных интенсивных обществах крестьянин из поколения в поколение возделывает крошечный по меркам экстенсивного общества участок, устойчиво, год за годом извлекая из него максимум продукции. Здесь отрабатываются самые эффективные технологии, формируются безотходные циклы производства/потребления, в которых практически все используется, а затем включается в нескончаемый оборот. Здесь веками нащупываются параметры органичного, минимально противоречивого вписания человека в природную среду.

Общества, вышедшие на уровень интенсивной стратегии в рамках традиционного хозяйства, тяготеют к самозамыканию, отгораживаются от остального мира китайской стеной, реализуют имперскую политику в строго ограниченном регионе типоло-

гически близких культур. Можно даже говорить о тенденции к оукливанью и застою существованию таких обществ*. Однако для них в высшей степени характерно следующее: с разворачиванием промышленной революции традиционные общества, вышедшие на уровень интенсивного хозяйства, демонстрируют поразительные успехи.

Итак, интенсивная стратегия человеческого бытия достижима в рамках традиционного хозяйства. В свою очередь, экстенсивная доминанта культуры может сохраняться в обществах, совершивших переход к индустриальной эпохе. Отдельные экстенсивные культуры с трудом, болезненно, но осваивают промышленные технологии. В результате формируется внутренне противоречивая амальгама: интенсивная по своим потенциям индустриальная технология оказывается в руках экстенсивного исторического субъекта. Такая комбинация никогда не ведет к фиксации на внутренних проблемах, усилиям по перестройке социокультурного организма, к росту благосостояния общества. Любые внутренние преобразования оказываются подчиненными задаче резкого наращивания военной силы и могущества. Носитель экстенсивной доминанты стремится использовать взрывной рост производительности труда для целей экстенсивного роста «своей» культуры. Пример подобной эволюции демонстрируют поздняя Османская империя, Российская империя/СССР, Ирак.

Важно осознать, что тотальная внешняя агрессивность экстенсивной культуры, вступившей в модернизационные преобразования, закономерна и неизбежна. Экстенсивная доминанта не факультативный момент, это интегративная характеристика культуры, выражающая ее качество. Она может быть снята только с распадом экстенсивного сознания. Другое дело, что существует диалектика экстенсивного исторического субъекта и промышленных технологий, рожденных в лоне интенсивной цивилизации. Освоение интенсивных промышленных технологий несет в себе неумолимую интенцию к перерождению экстенсивного общества. Постепенно и незаметно для себя оно начинает изменяться, преобразовываться, ценить сущности, вчера еще презираемые, и отчуждаться от целей и ценностей, вчера еще представлявшихся незыблемыми и бесспорными. Иными словами, *экстенсивное общество рецептирует интенсивные технологии для*

* Эта тенденция реализуется далеко не сразу. Веками традиционно интенсивные общества существуют достаточно устойчиво. Однако в конце концов начинается их неизбежный упадок.

того, чтобы оставаться экстенсивным. Но сама эта рецепция ведет к постепенному перерождению экстенсивного целого. Подобная эволюция растягивается на многие поколения. Такую эволюцию прошло османское/турецкое общество, проходит на наших глазах российское, она еще предстоит иранскому и иракскому обществам.

Экстенсивная и интенсивная стратегии исторического бытия предстают как две самостоятельные и глубоко различающиеся сущности. Однако историческое развитие не сводится к двум этим моделям. Внутри экстенсивного и интенсивного способов бытия возможно собственное восходящее движение по пути интенсификации. На смену чисто присваивающей экономике охотников и собирателей приходит пастух и земледelec. Мигрирующее земледелие, подсека, сменяется трехпольем и далее – навозным земледелием. Экстенсивное производящее хозяйство, деградирующее среду и требующее перехода на новые территории (например, известная нам подсека), постепенно сменяется хозяйством, способным неограниченно долго существовать на заданной территории.

Общество кочевников, существующее за счет грабежей, взимания дани с покоренных народов, осваивает стратегию жизни на доходы с транзитной торговли. Постепенно оседает, осваивает ремесла, торговлю. Чистый транзит замещается транзитом с частичной переработкой сырья. Идет разработка местного сырья (полезных ископаемых). Вчерашние кочевники все меньше нуждаются в грабеже своих соседей и все более становятся способными к самообеспечению, встраиваются в международное разделение труда.

Производство и экспорт сырья замещаются производством и экспортом продуктов первого передела. Далее осваивается производство продуктов второго передела, производство предметов с высокой долей стоимости в материале. Им на смену приходит производство сложных предметов с высокой долей стоимости в труде изготовителя. На следующем этапе высокодинамичные общества достигают уровня развития, позволяющего экспортировать предметы «хай-тека», знания и технологии на фоне импорта «железа» и простых форм. Так происходит бесконечное восхождение по пути интенсификации.

В этой перспективе экстенсивная и интенсивная стратегии предстают как формы культурного (или цивилизационного) синтеза, фиксирующие базовые характеристики социокультурного целого, сложившегося к моменту синтеза. Внутри каждой из этих

стратегий возможно дальнейшее восхождение по пути интенсификации. Такое восхождение естественно порождает проблемы, но они носят тактический характер и, как правило, находят свое решение. Настоящие, *масштабные проблемы, связанные со сменой качества, возникают при переходе от экстенсивной к интенсивной стратегии*. Смена генеральной модели культуры — исключительно энергоемкий процесс, сопровождающийся большими потрясениями. Смена исторического качества предполагает одновременное изменение системы социальных отношений, ментальности, образа жизни, экономических отношений, внутри- и внешнеполитической стратегий. В известном смысле, в процессе перехода от экстенсивного к интенсивному типу исторического развития умирает одно и рождается другое общество. Далеко не все субъекты истории смогли перешагнуть этот порог. История человечества разворачивает перед нами реестр племен, народов и даже локальных цивилизаций, которые исчухли, рассыпались, погибли в бессмысленных войнах, воплощавших тупиковую историческую инерцию экстенсивного существования, но так и не смогли перейти к интенсивной модели развития. Если вспомнить о проблеме рисков, то *описываемый нами переход сопряжен с риском полной деструкции и исчезновения общества*.

На некотором этапе восхождения по пути интенсификации экстенсивных обществ открывается зона фазового перехода. Дальнейшая ассимиляция частных интенсивных технологий, моделей поведения, установок и ценностей упирается в границы системного качества культуры. Элементы интенсивного космоса начинают разрушать исходное целое. В ответ активизируются мощнейшие механизмы самосохранения. Диссистемные инновации блокируются. Традиционная целостность отторгает нововведения и те социальные слои, с которыми они связаны. В обществе поднимается «волна архаизации» (А. Ахиезер). В результате процесс интенсификации не просто тормозится, но блокируется и может пойти вспять. Необходима огромная энергия и мощные потрясения, которые выливаются в особый режим воспроизводства исторического субъекта интенсифицирующегося экстенсивного общества, вступившего в пространство фазового перехода*.

*В качестве аналогии можно рассмотреть процессы фазовых переходов из твердого в жидкое и из жидкого в газообразное состояние вещества. Понятия «удельная теплота плавления» и «удельная теплота парообразования» описывают дополнительную энергию, необходимую для генерального переструктурирования целого, для перевода вещества из одной фазы своего существования в другую.

За достаточно эвфемистической формулой – «особый режим воспроизводства исторического субъекта» – скрывается процесс пресечения исторического воспроизводства традиционного универсума. Обычно этот процесс растягивается на несколько поколений. Суть его в создании таких условий, в которых ядро данной культуры – экстенсивно ориентированная ментальность – утрачивает возможности воспроизводства. А этого можно добиться одним-единственным способом: минимизировать шансы на выживание для носителей экстенсивно ориентированного сознания, создав для них невыносимые условия. Носители экстенсивного сознания подвергаются диффамации, выдавливаются из общества, маргинализируются, уничтожаются самыми различными способами.

В Европе на смену средневековой морали, видевшей в нишем «Божьего человека», приходит новое, протестантское отношение к нищенству, согласно которому каждый человек должен работать, а нищенство, за вычетом ряда особых случаев (увечье, потеря кормильца и т.д.), – свидетельство моральной деградации. Так рушился один из столпов экстенсивного космоса – традиционный механизм перераспределения, уходящий корнями едва ли не в эпоху родоплеменного быта. Потом интенсивно ориентированное общество создаст собственные механизмы перераспределения и социального страхования человека, как государственные, так и общественные. Но это будет потом. На этапе перехода решается другая задача – *размывания, деструкции, пресечения воспроизводства уходящей культуры*. Такова страшная диалектика истории.

Традиционный человек не только не желает принимать новую реальность, но и не способен жить в ней. Отсюда народные восстания и крестьянские войны, отсюда дисперсное, атомарное противостояние утвердившемуся социальному порядку (массовое хулиганство). Отсюда балластность и пассивные формы противостояния переменам. Отсюда социально-психологическая дестабилизация традиционной стихии – взрывной рост разнообразных сект, будоражащие простонародье слухи, эсхатологическое томление и т.д.

Вписанные в традиционный мир люди становятся жертвами «огораживания», разоряются десятками тысяч, пополняют разрастающуюся армию бродяг. В ответ государство принимает жестокие законы о бродяжничестве. Традиционный человек живет в непоколебимом убеждении, что сытый должен поделиться с голодным. Это убеждение вступает в неразрешимый конфликт с принципом частной собственности. В Англии до середины

XIX века карманная кража на сумму свыше 5 шиллингов либо кража товаров в лавке на сумму свыше 40 шиллингов каралась виселицей. Слуга, обокравший господина на сумму свыше 40 шиллингов, шел на виселицу. Традиционный человек рассматривает работу как нечто, гарантированное ему космическим порядком вещей. Отсюда право крестьянской семьи на обрабатываемую землю, отсюда жесткое регулирование рынка, ограждавшее ремесленные цеха от конкуренции внецеховых производителей (как в городе, так и в крестьянской округе). Промышленная революция разоряла ремесленника и лишала его работы. В ответ ремесленник брал в руки кувалду. В Англии в начале XIX века проникновение в цех с целью сломать станок каралось виселицей. С нашей точки зрения, такие феномены, как раскулачивание, коллективизация, голодомор, «указ о колосках», стоят в одном ряду с правовой практикой Англии XVII—XIX веков. В типологически сходной исторической ситуации власти СССР разрушали традиционный универсум аналогичными методами.

Традиционная культура во всем мире характеризуется огромной, немислимой устойчивостью. Традиционный человек изменяется лишь в чреде поколений, незаметно для себя самого. Причем условие такой трансформации — глубочайший и устойчивый стресс, ставящий человека на грань выживания. При этом изменяется каждый третий или каждый пятый. Остальные отбраковываются, маргинализуются и сходят на нет, вышибаются из бытия. Самоорганизация культуры, переживающей переход от экстенсивной к интенсивной доминанте, задает такие параметры процесса воспроизводства, в которых условием выживания оказывается смена ментальности.

Алкоголизация, наркомания, взрывообразный рост сектора деклассированных элементов, снижение рождаемости, уменьшение продолжительности жизни, аномия, рост преступности — все это феноменология общего кризиса, связанного с переходом общества от экстенсивно ориентированного к интенсивному типу социокультурного целого. Экстенсивно ориентированный субъект переживает переход к интенсивно ориентированному типу общества как крушение космоса, утрату онтологических оснований бытия, смысла жизни, ориентиров и ценностей и т.д. Общество дезинтегрируется, переживает социальные и политические потрясения.

Нельзя сказать, что вся эта феноменология не была известна отечественным историкам и обществоведам 20—30 лет назад. Была известна. Адекватная оценка этих явлений была заблокирована ложной теоретической перспективой. Кризисы фазового пере-

хода проходили у нас по ведомству «классовой борьбы» и описывались в главах, повествующих об ужасах перехода к капитализму. Но поскольку советский народ совершил великую революцию и строил коммунистическое общество, трагедии утверждения капиталистических отношений имели для советского человека академически-познавательный интерес.

На самом же деле переход от экстенсивной к интенсивной стратегии исторического бытия не вырастает из «эксплуатации человека человеком» и всякий раз сопряжен с великими потрясениями. В обществах, переживших этот переход на базе традиционного хозяйства, он был не менее болезненным. Распадались конкурирующие за территорию царства, наступала эпоха безвременья, с гор или из степей приходили варвары, нарастала депопуляция, рушился мир экстенсивного человека.

Опираясь на предложенную систему общетеоретических рассуждений, можно перейти к интерпретации российского опыта. Русская культура имеет выраженно экстенсивный характер. Экстенсивность относится к атрибутивным характеристикам российской цивилизации. Возникновение Киевской Руси связано с эксплуатацией маршрута транзитной торговли на пути «из варяг в греки». Для раннего варварского государства, возникающего на окраине цивилизованного мира, это вполне нормально. К примеру, так же был устроен Хазарский каганат. Тем не менее отметим: государственные деятели киевского периода понимали государство как институт, формирующийся для целей взимания географической ренты, вытекающей из факта контроля над торговыми путями. Государство взяло на себя труд очистить торговые пути от своих конкурентов — бандитов — и создало налоговые службы. Сложно придумать что-либо более экстенсивное и паразитарное по своей интенции.

Экономика Московской Руси базировалась уже на производящем хозяйстве. Производящее хозяйство Московии XII—XIV веков, безусловно, шаг вперед по отношению к чисто хищническим стратегиям эпохи ранних Рюриковичей, подрывавшим любые основания социальности, — грабежу, работоторговле, географической ренте. Однако подсечное земледелие и стадильно соответствующие ему типы производства сырья относятся к наиболее экстенсивным формам производящей деятельности. Они предполагают крайне мало либо совсем не заселенное лесистое пространство, по которому перемещаются редкие крестьяне. Крестьянин на подсеке три года снимал урожай сам-пятьдесят, а потом переходил на новый участок. Суть этого типа хозяйства состоит не в том,

чтобы произвести, а в том, чтобы перевести в формы продукта потенциал, накопленный природой за века жизни без человека, и перейти на другой участок, забросив деградировавшую территорию. В. Ключевский говорил о неповторимом умении русского хлебопашца «истощать почву» [Ключевский, 1919]. Касаясь той же проблемы, Р. Пайпс пишет: «Русский крестьянин оставлял после себя истощенную почву и рвался все дальше и дальше в поисках земель, которых не касалась еще человеческая рука». [Пайпс, 1993.] Как указывает Э. Кульпин, подсечно-огневое земледелие дожило в России до XVIII века. Этим объясняется бесконечное и безграничное расселение русского хлебопашца, продолжавшееся веками. Традиция экстенсивного земледелия неотделима от насилия. Экстенсивная стратегия предполагает необходимость отнять нечто у природы, у других людей (своих), у нелюдей (инородцев, «немцев») и использовать это себе на благо.

Устойчивое использование подсечно-огневого земледелия «в принципе обуславливает образование замкнутого круга процессов: непрерывное вовлечение в оборот новых природных ресурсов стимулирует демографический рост, который, в свою очередь, требует введения в хозяйственный оборот новых ресурсов» [Кульпин, 1998]. В XV веке возможности эксплуатации подсечно-огневого земледелия были исчерпаны, и разразился социально-экологический кризис. В ответ на кризис внутри крестьянского хозяйства появились ростки нового, интенсивного типа хозяйствования (навозное животноводство). Однако «государство пошло по пути захвата чужих земель. Оно сделало свой принципиальный выбор в пользу экстенсивного пути развития» [Кульпин, 1995].

Таким образом, формировался устойчивый культурно-исторический тип русского крестьянина, а значит (для страны с преобладающим сельским населением), и тип русского человека. Движение вширь душило носителей интенсивных форм хозяйствования. Б. Миронов, А. Чаянов и другие исследователи показали вне рыночный характер хозяйства русского крестьянина, ориентированного на минимальное самоподдержание.

Пространства Восточной Европы и Азии были «бесхозными» либо находились под рукою слабых, стадийно отстававших от России правителей. Возможности для внутренней колонизации собственной территории Россия не исчерпала до сих пор. Для сравнения, в Западной Европе внутренняя колонизация завершилась в целом в XIV веке. Возможности решать проблемы за счет колонизации консервировали экстенсивную доминанту русской культуры, закрепленную в ходе цивилизационного синтеза.

который происходил в XIV–XVI веках. В период своего максимального расширения страна была почти в 50 раз обширнее своего минимального размера. С конца XVI века за столетие с небольшим присоединенная к России территория Сибири в 11 раз превысила Европу. Присоединение гигантских территорий служило мощным фактором экстенсивного воспроизводства, блокировало тенденции перехода к интенсивным решениям. На протяжении всей истории Россия характеризовалась недостаточным развитием городов – этих очагов интенсификации мысли и действия, обеспечивающих, при благоприятном стечении обстоятельств, выход общества на качественно новый уровень.

Надо подчеркнуть, что экстенсивная доминанта не замыкалась на крестьянстве. Политическая элита страны восприняла от Монгольской империи безграничную имперскую устремленность к тому, что за горизонтом. Русские цари рассматривали себя в качестве наследников Золотой Орды. Когда московские великие князья перестали платить татарский «выход», сам этот налог не был отменен. Великий князь взял его на себя. Татарская политическая философия и административная практика были унаследованы в главных характеристиках. Отсюда поразительная ресурсорасточительность, культ «победы любой ценой», презрение самого последнего околоточного к частному человеку, обывателю, не освоенному харизмой власти. Отсюда экстенсивные ответы на все вызовы истории. Российские ремесленники и купечество мыслили мир экстенсивно, всеми силами противостояли конкуренции с европейскими купцами и производителями, требовали преференций. Российское общество во всех его срезам и проявлениях было тотально экстенсивным. Устойчивая имперская традиция, сложившаяся к концу XVII века, стала государственно-политическим выражением экстенсивной стратегии российской цивилизации.

Модернизация, развернувшаяся в Московском царстве с середины XVII века, продемонстрировала описанный нами выше парадокс. Экстенсивное общество, осваивая интенсивные технологии, использует их для реализации естественных для себя целей экстенсивного роста. Модернизирующаяся Россия выдвигает Османскую империю с побережья Черного моря, громит застойную Персию, укрепляется на Кавказе, присоединяет территории Средней Азии и Дальнего Востока.

Российская империя успешно противостоит запаздывающей с модернизацией и не менее экстенсивной Османской империи. Интенсифицирующиеся европейские соседи России – более сложный и опасный противник. Здесь качественное отставание

приходится компенсировать количественным ростом. В эпоху Александра I русская армия насчитывает 900 тысяч человек. Характерно, что до конца XIX века цели и задачи экономического роста и государственного развития российская элита осмысливает в количественных параметрах: в тысячах километров железных дорог, миллионах пудов чугуна, объемах экспорта и т.д. Развитие России мыслится как чисто догоняющее. Проблема качественного роста, создания очага саморазвития, перехода в режим автономного порождения инноваций и интенсификации не ставится. Страна развивается энергично, но рост достигается в том числе за счет заселения необжитых пространств Сибири и Казахстана. Экстенсивная составляющая развития доминирует. Политическая элита мыслит чисто экстенсивно. Во все времена школьный курс отечественной истории несет в себе идеологически выверенную модель самопонимания общества. В этом отношении показателен гимназический учебник русской истории начала XX века. Он разворачивает историю России как нескончаемое повествование о присоединениях. К учебнику прилагается «Карта распространения Русского государства с XVI столетия до нашего времени», которая раскрашена разными цветами. Учащийся видит приобретения каждого правителя, начиная с Ивана Васильевича III до Николая II [Платонов, 1911].

Между тем к началу XX века окончательно исчерпываются возможности экстенсивного роста страны. Однако элита не понимает и не желает признавать этого. Россия ввязывается в Русско-японскую войну 1904—1905 годов. Историк М. Покровский отмечает, что в Петербурге среди идеологов этой войны ходила идея «Желтой Руси», по аналогии с Малой и Белой Русью. Петербургские стратеги готовы были записать в Русь корейцев и мыслили русское заселение Корейского полуострова. «Желтая Русь» не состоялась, Россия потерпела унижительное поражение.

Проходит совсем немного времени, и российское правительство вступает в самоубийственную для страны Первую мировую войну. Как отмечает А. Уткин, «внешняя политика гонялась за химерами типа Общеславянского союза, контроля над проливами, Великой Армении и т.п.» [Уткин, 2000]. Идея Общеславянского союза под эгидой России и клич «Крест на Святую Софию!» предполагали раздел Германии, Австро-Венгрии и Османской империи. Если Османская империя дышала на ладан, то Германия и Австро-Венгрия как минимум не уступали России. В очередной раз российское правительство искало выход из внутреннего кризиса в экстенсивном движении.

Заметим попутно, что идея «братьев-славян» была любимым, но не единственным детищем российской элиты. В ряду химер Уткин упоминает так называемую «Великую Армению». В этой связи можно вспомнить о циркулировавших на самом верху государства планах создания «евфратского казачества» из курдов-езидов. Эту идею поддерживал Николай II. Россия веками грезилась завоеванием Востока. Несостоявшийся казачий поход на Индию по приказу императора Павла, призывы генерала Скобелева к броску в Афганистан и далее на Индию, химера «евфратского казачества» Николая II, активное советское присутствие на Ближнем Востоке, советская агрессия в Афганистане, прожекты Жириновского омыть ноги российских солдат в Индийском океане – все это звенья единой, химерической и самоубийственной, логики.

Крах империи закономерно завершал большой этап модернизации России. Большевицкий проект строился на иных идеологических и политических основаниях, но в существе своем оставался модернизационным. В идеологеме «постросное материально-технической базы коммунизма» оформлялись цели модернизационного развития. В культурном отношении советский проект представлял собой своеобразный исторический компромисс. Это была попытка решить генеральную задачу интенсификации, опираясь на экстенсивно ориентированного традиционного субъекта (а значит, и сохраняя его). Такую стратегию А. Вишневский называет «консервативной модернизацией».

Основания, по которым «социалистический эксперимент» был обречен на провал, многообразны. Приведем одно, коренящееся в культуре. Высокая экономическая эффективность возможна лишь в том случае, когда проблема оптимизации и повышения эффективности деятельности становится заботой всего общества. В СССР это было невозможно по фундаментальным причинам. Как культура, так и сознание человека системны. В рамках одной культуры и одного сознания не может быть двух противоречащих друг другу оснований. Генерализующие интенции и универсальные алгоритмы деятельности не могут кардинально расходиться в различных сферах человеческой активности. Человек экстенсивной культуры (а мы полагаем, что в ходе Гражданской войны субъекты традиционно-экстенсивной ориентации одержали победу над носителями интенсивной доминанты), считающий скопидомство грехом, расчетливость – пороком, а счеты между близкими, родными и друзьями – делом недостойным, не мог «беречь каждую народную копейку» на социалистическом предприятии, как бы его ни убеждали и ни понуждали к

этому. Решение этой задачи требует другого качества ментальности. А человек, обладающий требуемой для этого рыночной, интенсивно ориентированной ментальностью, сколь бы глубоко он ни был индоктринирован, не сможет участвовать в «социалистическом эксперименте», так как быстро убедится в его экономической абсурдности. Заметим, Ленин, повторявший, что социализм — это учет, осознавал обсуждаемую нами проблему.

В первые десятилетия советской эпохи властью и обществом владела химера мировой революции. Однако неумолимый ход истории отодвинул победу коммунизма во всем мире в даль эсхатологического будущего, оставив советским людям задачу всемерного развития СССР. В начале эпохи индустриализации мышление советских лидеров идет по пути догоняющего развития (вспомним лозунг «Догнать и перегнать») и фиксирует количественные характеристики — те же миллионы пудов, тоннокилометры перевозок, количество прокатных станков и т.д. Однако уже в предвоенном пятилетии, в ходе Отечественной войны и далее в послевоенном СССР задачи качественного роста и интенсификации были осознаны как стратегические. И это — одно из безусловных завоеваний политической и общественной мысли советского времени. Идея соревнования двух систем нацеливала советских людей на качественный рост. Политическая элита страны осознала: победит тот, кто победит в технологической и экономической гонке.

Казалось бы, тоталитарное государство с государственной экономикой обладает немислимыми возможностями мобилизации ресурсов и концентрации усилий общества на приоритетных направлениях. Страной правили политики, мыслившие как инженеры, и инженеры, мыслившие как политики. Доктор экономических наук В. Павлов оказался во главе последнего советского правительства, за год-полтора до краха системы. На науку и опытно-конструкторские разработки в СССР не жалели никаких ресурсов. Тем сокрушительнее оказались итоги. Причины кроются в органических пороках системы и качественных характеристиках человеческого материала. Однако и первое, и второе производно от базовых характеристик отечественной культуры.

Результат «социалистического эксперимента» показателен в одном отношении: он иллюстрирует, что получается, когда задачи интенсификации начинает реализовывать экстенсивно мыслящий человек. В СССР была создана огромная промышленность, сформирована многомиллионная армия ученых, сложилась мощная система среднего и высшего образования. На балан-

сах сельхозпредприятий числилось заведомо превышавшее разумные потребности, избыточное количество тракторов. Десятки тысяч неустановленных станков ржавели на задних дворах предприятий. Миллионы, если не десятки миллионов, людей с высшим образованием выполняли работу, требовавшую квалификации выпускника средней школы. Девушки с дипломом инженера трудились инспекторами в отделах кадров. Отечественная промышленность потребляла рекордное количество ресурсов на единицу продукции и с каждым годом все более работала на саму себя. Шагающие экскаваторы и большегрузные самосвалы разрабатывали месторождения железной руды, а металл, выплавляемый из этой руды, шел на производство экскаваторов, самосвалов, железнодорожных составов, которые везли руду для доменных печей, и т.д.

Что же касается проблемы качественного роста, то она оказалась принципиально неразрешимой. В СССР многократно повторялся сценарий «копирование – застой». Правительство ставило цель импортировать конкретную технологию, отражающую современный уровень западной инженерной мысли. Советский Союз покупал лицензию или вывозил в порядке репараций из Германии законченный технологический цикл. С помощью западных специалистов строилось предприятие, которое на момент открытия соответствовало мировым стандартам. Далее начиналась одна и та же история. На новом заводе изготавливали копию западного образца. Со временем качество этой копии снижалось: сказывался уровень входного и межоперационного контроля, трудовая дисциплина, износ импортного оборудования и т.д. Но дело даже не в этом. Однажды наступало время перехода на следующую модель. На советском предприятии начиналось варьирование чужого образца, оснащение его какими-то новыми узлами, отдельными решениями. В это время на Западе происходило качественное развитие. Через три-четыре десятилетия отечественный потомок лицензии отставал от продукции породившей его фирмы навсегда. Между ними лежал очередной виток технологического развития. Это относится и к продукции завода ФЭД («Лейка»), и к Горьковскому автозаводу («форд А»), и к продукции ВАЗа («фиат-124»), и к АЗЛК («опель-кадет»). Скорбный список можно продолжить.

С каждым десятилетием в СССР накапливалось технологическое отставание. Если отечественные паровозы не уступали западным аналогам, советские танковые дизели и корпуса танков были на уровне мировых стандартов, то ламповая радиоаппарату-

ра уже существенно уступала западной. Техника эпохи транзисторов уступала откровенно. В сфере элементной базы компьютеров последних поколений, современной теле- и радиоаппаратуры, авионики продукция отечественных производителей либо отсутствует, либо несопоставима с продукцией лидеров.

Нельзя сказать, что в советское время не было сделано ничего для интенсификации общества. В СССР была разрешена огромной важности историческая задача: была уничтожена историческая база экстенсивной стратегии в лице традиционного российского крестьянства*. Большинство россиян стало горожанами. Городская культура и образ жизни стали всеобщим достоянием. На смену противостоящей любым переменам, нетрансформируемой традиционной культуре пришел паллиативный персонаж — мигрант первого поколения. Общество приобщилось к письменным каналам коммуникации. Идеи прогресса и общественного развития стали если не общепринятыми, то общеизвестными.

Кризис социалистической системы и распад СССР маркировали завершение очередного этапа модернизации России. Советское общество полностью исчерпало резервы экстенсивного роста и надорвалось. С середины 70-х годов в стране сменился вектор этнических перемещений. С этого времени число жителей союзных республик, въезжавших в РСФСР, превысило объемы русских, переезжавших в республики Союза. Иными словами, экстенсивное пространственное расширение этнокультурного ядра СССР — русского народа — прекратилось и сменилось обратным движением. В стране разворачивалась панорама неизбежных последствий многовековой экстенсивной имперской политики. Отдаленные последствия экстенсивного развития накапливаются веками, но срабатывают резко, по историческим меркам — почти мгновенно.

Если наша оценка исторической ситуации справедлива, то в России разворачивается заключительный этап перехода всего общества к интенсивной стратегии бытия. Этот переход идет с начала XX века. Начиная с первой русской революции 1905 года и до середины 50-х годов прошлого века Россия переживала иск-

* Разумеется, мы не входим в оценку чудовищных методов достижения этого результата. Традиционное российское крестьянство должно было исчезнуть в любом случае, уступив место фермеру — субъекту капиталистического производства в сельском хозяйстве. Капиталистический вариант разложения старой деревни был бы, возможно, менее кровавым, но не менее болезненным. Русский крестьянин сам выбрал сценарий схождения в историческое небытие, избрав сторону «красных» в ходе Гражданской войны.

лючительно драматический, кровавый период выдавливания из жизни традиционно ориентированного, экстенсивного человека. В середине 50-х годов на первое место в объемном отношении выступил созданный советской эпохой новый социокультурный персонаж — мигрант первого поколения. Далее наступит эпоха относительной стабилизации общества. Холодная война и противостояние двух систем оформили мирный этап консервативной модернизации. Советская власть вживляла в сознание вчерашнего традиционного человека ген развития. Результат оказался противоречивым и стратегически бесперспективным. Эпоха паллиативного исторического субъекта, сочетающего в себе установку на развитие и традиционалистские инстинкты и ценности, противостоящие этому развитию, завершена. Это означает, что *с начала 90-х годов разворачивается следующая итерация выдавливания* (выведения из бытия, прерывания межгенерационной культурной преемственности) *недостаточно эффективного человеческого материала, на этот раз сформированного в советскую эпоху.*

Разумеется, по очевидным политическим, идеологическим и психологическим мотивам ни политики, ни аналитики не говорят об этом вслух. Объективное содержание подобных процессов осмысливается и проговаривается, как правило, постфактум, когда происшедшее стало историей. Понимая мотивы, по которым политики и чиновники в некоторых ситуациях склонны не называть вещи своими именами, мы полагаем, что объективная, вынесенная за рамки идеологических баталий рефлексия необходима, и в реальном режиме времени. Она требуется хотя бы для того, чтобы минимизировать риски и уменьшить страдания людей.

К этому имеет смысл добавить следующее рассуждение. Сталкиваясь с трагическими обстоятельствами, наша мысль склонна искать виновных. Между тем объективный ход исторических событий формирует иногда мозаику факторов и обстоятельств таким образом, что самые пугающие и этически неприемлемые сценарии исторического развития оказываются наилучшим вариантом, поскольку остальные сценарии обещают еще большие испытания.

Перед российским обществом встают две существенные проблемы, масштаб которых трудно переоценить. Первая состоит в отсутствии адекватного понимания происходящих процессов и реальных исторических перспектив, а также в глубинной психологической и культурной неготовности если не всего, то значительной части общества к происходящему. Вторая заключается в

том, что процессы замещения исторического субъекта всегда сопряжены с дестабилизацией общества и самыми различными социальными издержками.

Начнем с понимания, которое блокируется гносеологически и ценностными барьерами. Происходящее слишком драматично, коренным образом расходится с закрепленной в сознании исторической инерцией имперского могущества, длительного исторического доминирования, осознания себя «столицей мира и свободы» и т.д. Адекватное понимание происходящего рождает истины и рисует перспективы, которые переживаются как унижительные и неприемлемые. Психологическая и культурная неготовность значительной части общества к происходящему — явление закономерное. Новое всегда отрицает старое. Поэтому историческое развитие имманентно драматично. Однако развитие может идти как в непрерывном режиме, так и в режиме чередований «рывок—застой—катастрофа». Первый вариант несет в себе перманентные проблемы и множество дискомфортных ситуаций. Второй — масштабные трагедии.

В ситуации, когда общество, всеми силами стремившееся отгородиться от глобальных процессов, представлявших ему разрушительными, исчерпало ресурсы отгораживания, жизни за железным занавесом, и снимает перегородки, на граждан наваливается непомерный груз, связанный с трансформацией всего универсума. На наших современников упала задача пережить и ассимилировать в своем сознании коренное изменение всего строя жизни, места России в мировом сообществе, реестра друзей и союзников. Меняются критерии и ориентиры, нормы и ценности. Рухнули вчера еще устойчивые, эффективные модели поведения. Перемены в общественном сознании, социальной структуре общества, смену моделей поведения фиксируют надежные эмпирические исследования. Если учесть, что эти процессы разворачиваются одновременно, становится понятным подлинный масштаб психологического и культурного груза, выпавшего на долю старших поколений российского общества. Этим объясняется и растерянность одних, и поиск псевдообъяснений другими, и тяга к ретроспективным утопиям третьих. Те, кому уже поздно меняться, а таких десятки миллионов, озабочены тем, чтобы дожить свои дни, по возможности ничего не меняя и сохраняя некоторый минимум благ и удобств, к которым они привыкли в течение жизни. Такой запрос провоцирует популистскую политику, истощает ресурсы государства и тормозит преобразования, которые надо было делать еще вчера.

Отвечая на высказанный и невысказанный запрос большей части общества, политики стремятся уйти от радикальных решений проблем, оттянуть непопулярные и болезненные преобразования. Оттягивая преобразования, общество проедает внутренние резервы. Качественные характеристики экономики, инфраструктуры, демографические показатели и другие базовые характеристики общества и государства ухудшаются, поскольку мера готовности общества к экономическим, социальным, культурным и политическим преобразованиям не соответствует требованиям исторического императива. Российское общество изменяется, но ситуация требует более энергичных перемен. Здесь лежат риски утраты исторического качества, риски смещения России в разряд аутсайдеров.

Т. Ворожейкина, полагая, что Россия переживает эпоху реставрации, задается вопросом: в чем причины провала демократического проекта трансформации российского общества? В качестве типичного ответа автор приводит следующее суждение: «В том, что он не соответствовал настроениям, мироощущению огромного большинства населения, не желавшего что-либо радикально менять, согласного на сохранение своего зависимого и безответственного положения и всегда готового поддержать действующую власть из опасения перед худшим» [Ворожейкина, 2003: 61]. Ворожейкина не солидаризируется с этим утверждением, тем не менее приводит его как одно из типичных суждений, и это показательно.

Вторая проблема не менее драматична. Сход с исторической арены больших социальных категорий, умирание культурных традиций, разрушение преемственности поколений — всегда трагедия. Масштабы исторических потрясений, связанных с исчезновением традиционного крестьянства в России, общеизвестны. Нам остается надеяться на то, что завершение процессов исторического перехода к интенсивной стратегии бытия обойдется с минимальными издержками. И все же изменения такого характера и масштаба не могут не вызывать маргинализацию широкого слоя общества, социальные напряжения и общую дестабилизацию, падение морали, ухудшение физического состояния населения, способствовать утверждению жесткого политического режима и т.д. Здесь перед нами открывается пространство стратегических рисков высочайшего уровня.

Перед современным российским обществом встает сложно-разрешимая задача: сломать воспроизводство экстенсивно ориентированного человека, мобилизовав все силы общества на фор-

мирование его исторической альтернативы, и одновременно не допустить превышения критического уровня маргинального, балластного, выпадающего из социальных связей и противопоставляющего себя социальному порядку сектора общества. Того самого критического объема, превышение которого ведет к политической дестабилизации.

У нас нет ответа на вопрос: готово ли общество к тем переменам, которые составляют условие выживания нашего народа, его культуры и государственности, условие сохранения российской цивилизации? Пока мы наблюдаем могучую власть исторической инерции. Так, структура экспорта, известная нам по документам X—XII веков (икра осетровых рыб, пользовавшаяся особым спросом во время поста, меха, воск, мед и т.д.), качественно не изменилась до сегодняшнего дня. Идея о природных богатствах как основе могущества страны получила самое широкое распространение.

Экспорт энергоносителей, сырья, хотя и сопровождается приличествующими случаю ритуальными сетованиями, осознается как основа благоденствия общества. На человека, решившегося утверждать, что природные богатства — самая большая беда России, смотрят как на опасного чудака. Российское общество охотно воспроизводит насчитывающую более тысячи лет ориентацию экономики на ренту, извлекаемую из продажи природных ресурсов. На деньги, вырученные от продажи титановых чушек, россияне покупают необходимые сковородки, телевизоры и компьютеры. Периодически публикуются планы создания сверхмощной транспортной артерии Владивосток — Калининград, обеспечивающей транзит контейнеров по маршруту: регион ЮВА — Западная Европа. Россия стремится «пробить» варианты маршрутов нефте- и газопроводов из Каспия в Европу, проходящие по российской территории. Снова и снова публикуются планы разворачивания коммерческой проводки иностранных судов по Северному морскому пути.

Каждый из этих проектов имеет право на существование и заслуживает внимания профессионалов. Но все вместе они выстраиваются в генеральную стратегию экономического развития, которая показательна как экспликация напряженного стремления общества жить на ренту. Россиян не вдохновляет пример Голландии и не привлекает путь лишенной ресурсов Японии. Российская мысль озабочена поисками утилитарных комбинаций, которые позволили бы обществу с минимальным вложением труда, энергии и ресурсов создать механизм, обеспечивающий постоянную и гарантированную прибыль. Эта установка, присущая об-

шествам эпохи раннего государства, в силу ряда причин не была изжита. Россияне не готовы признать, что общество, экономика которого базируется вокруг Панамского или Суэцкого канала, обречено оставаться в третьем мире.

Иными словами, существует два уровня самосознания российского общества. На внешнем, декларативном, уровне Россия представляет себя высокоразвитой промышленной державой, которая переживает временные трудности. Но на некотором глубинном, скрытом от чужих глаз уровне, где вызревает реальное понимание происходящего и формируются планы дальнейшего развития, российское сознание ищет спокойной жизни и прикидывает, как бы устроиться таким образом, чтобы можно было существовать пусть не слишком комфортно, но зато с минимальными усилиями. Перед нами выражено антиинтенсивный сценарий, обеспечивающий тихий сход российского общества с исторической арены. Нельзя утверждать, что эта тенденция доминирует в сознании общества, но она, очевидно, существует, и мы должны отдавать себе в этом отчет.

Россия может вступить в интенсивную эпоху в качестве сырьевого придатка развитых стран. Поясним, речь идет не о традиционной экстенсивной сырьевой периферии, но о создании интенсивной экономики, ориентированной на экспорт сырья. В таком случае неизбежна депопуляция страны до уровня в 40–60 млн человек, необходимых для добычи сырья и обслуживания сырьевого комплекса. Однако подобная трансформация приведет к коррекции территории, занимаемой Российским государством, которая поставит под вопрос сырьевые возможности России. Если же Россия желает и способна в качестве полноправного члена вступить в клуб динамично развивающихся обществ, ей необходима вся палитра соответствующих социальных институтов. Стране необходимы наука, промышленность, система образования, эффективное государство (аппарат) и гражданское общество. Все эти сущности, за вычетом гражданского общества, существовали в СССР.

Генеральная проблема состоит в том, что нельзя сохранить и развивать наследуемые институции, ибо в их системном ядре заложено тупиковое экстенсивное качество. Задача состоит в том, чтобы *похоронить* перечисленные реалии, сохранив при этом нацию и государство, деструктировать отмирающие организмы на кирпичики и сложить заново на качественно иных основаниях.

Поддержка институтов советской науки представляется делом стратегически бесперспективным. Эта наука была порожде-

нием экстенсивного государства и не смогла обеспечить решение коренной задачи, стоявшей перед Россией, — перехода от экстенсивного к интенсивному бытию*. Сфера науки должна быть переструктурирована. В российской научной среде сохранились прекрасные кадры (наряду с балластом), однако всем, в том числе и самым лучшим, надо многое менять в психологии и ориентирах. Необходимо трансформировать социальные институты и экономические механизмы функционирования науки.

Поддержка умирающей советской промышленности в буквальном смысле смерти подобна. Советская промышленность — овещенное в «железе» и социальных отношениях воплощение экстенсивной стратегии индустриальной эпохи. Она огромна, безгранично ресурсоемка и обладает чудовищной инерцией. Все экономические неэффективные производства должны либо пережить необходимые структурные преобразования, либо пойти с молотка. Населенные пункты и инфраструктура, базирующиеся на неэффективных производствах, обречены на санацию, переструктурирование, переселение жителей и экологическое оздоровление оставленных территорий. Новую российскую промышленность должно создавать не исходящее из чиновничьего усмотрения государство, а бизнес, руководствующийся коммерческой логикой и отвечающий своим кошельком.

Доставшаяся в наследство от прежней эпохи система образования создавала экстенсивно ориентированного, традиционного в своей сущности человека. Она нуждается в коренной перестройке. Надо заметить, что в этой сфере процессы качественного преобразования идут наиболее интенсивно. Сказывается интеллектуальная насыщенность системы образования, ее относительно низкая капиталоемкость, способность к быстрым изменениям. За прошедшие 13 лет высшая школа пережила кризисный отток абитуриентов 1992–1996 годов, резко изменила номенклатуру специальностей, программы обучения, приблизив их к европейским стандартам и запросам потребителя, энергично осваивает новые механизмы финансирования. В итоге по крайней мере высшая школа вышла из кризиса. Со средней школой положение сложнее, но не безнадежно. По мере осознания обществом (то есть потребителем услуги, выполняемой школой) новых требований к человеку, входящему в жизнь, меняется и средняя школа.

* Речь не идет о том, что ответственность за это лежит на науке. За это ответственна система и политическое руководство страны. Но советская наука была одним из институтов советского общества. Она несла в себе как достоинства, присущие одному из самых динамичных институтов этого общества, так и общие пороки.

Доставшийся от советской эпохи управленческий аппарат пережил значительную эволюцию, организационную и психологическую, освоился в новых условиях, научился управлять обществом с рыночной экономикой. Однако эволюция аппарата демонстрирует исключительно опасные тенденции. Аппарат последовательно идет по пути приватизации государства. Граждане отчуждаются от власти и проблем управления обществом. Система норм и установившихся практик формируется таким образом, что любые проблемы решаются через чиновника. В результате расцветает коррупция и злоупотребления. Власть последовательно насаждает так называемую «управляемую демократию», принимающую все более фарсовые формы. Идет отчуждение гражданина от государства. Тупиковая историческая инерция торжествует, освоив новые политические формы.

Наконец, Россия нуждается в становлении гражданского общества. Формирование институтов гражданского общества, утверждение присущих ему традиций и вызревание особого духа активной гражданственности, опирающейся на человека, независимого экономически от властей предрержавших, воспринимающих власть как служебную функцию, как сущность, производную от воли и интересов общества, — дело будущего. Процессы идут, но с огромным трудом, встречая отчаянное сопротивление на всех уровнях. Массовая пассивность, генетический страх перед «начальством», убеждение в бессмысленности любых усилий — реальность, выражающая тысячелетнюю историческую инерцию.

Решение всех этих задач упирается в культуру общества, в качественные характеристики массового человека. Между тем сама проблема не осознана или осознается превратно. Отчасти это объясняется тем, что на пути осознания реальности стоят эмоционально-ценностные и гносеологические барьеры. Культурологам хорошо известна ценностная и гносеологическая аберрация, закладываемая культурой в сознание своего носителя. Всякая культура создает положительный, глубоко разработанный образ себя самой и смазанный, существенно менее позитивно окрашенный образ других культур. При этом образ исторической (социальной) альтернативы формируется как выраженно негативный. Здесь царствует априорное отторжение, что объяснимо: всякая культура (или субкультура) постоянно конкурирует с другими культурами за людей, а человек осознанно или неосознанно выбирает культуру. Поэтому в культуре и психологии кочевника образ копошащегося в земле крестьянина предстает как нега-

тивный и недостойный настоящего мужчины, крестьянин насто-
роженно относится к «городским», а горожане свысока смотрят
на «деревенского». В этой логике экстенсивно ориентированная
культура формирует установку на профанирование и отторжение
своей исторической альтернативы. Интенсивно ориентирован-
ный человек предстает смешным и пошлым. Мир его радостей и
забот — неприемлемым, недостойным «нашего» человека и т.д.
Эти априорные установки заложены глубоко в сознание, сплав-
ленные с эмоциями. Их сложно «ухватить» и осознать, а еще
сложнее преодолеть.

Когда нет понимания причин и готовности изменяться, возни-
кает широкая феноменология психотерапевтических практик и
техник ухода от реальности. Здесь мы обнаруживаем грезы, пустые
надежды, бахвальство, шараханья от самовозвеличивания и аф-
фективной радости к отчаянию, поиск врагов и недоброжела-
телей, которые мешают жить нашему замечательному народу.

В ряду психотерапевтических практик лежат пустые надежды.
К примеру, можно привести достаточно типичное рассуждение:
Япония вступила в процессы модернизации во второй половине
XIX века. Японцы совершили гигантский рывок и вышли в лиде-
ры мировой динамики. Мы — ничем не хуже. Наша модерниза-
ция разворачивается с начала XVIII века. А значит, нас ожидают
не менее радужные перспективы. Авторы подобных рассуждений
старательно обходят вопрос: почему Япония, включившаяся в
модернизацию на полтора века позже, во второй половине XX ве-
ка обогнала Россию в качественном отношении? Теоретическая
модель, предложенная в настоящей работе, позволяет снять про-
тиворечия и дает ответы на эти вопросы. Дело в том, что Япония
давно прошла фазу перехода от экстенсивного к интенсивному
типу культуры. Традиционное японское общество было интен-
сивным. Японцы решали задачу перехода к индустриальным тех-
нологиям интенсивно ориентированного общества. Отсюда и
паразительные успехи японцев.

Ситуация России типологически ближе к исламскому миру, об-
щества которого в своем подавляющем большинстве пребывают на
стадии экстенсивного развития. А мы видим, какие трудности пе-
реживает исламский мир. Застойное экстенсивное общество,
столкнувшееся лоб в лоб с императивом интенсификации (а глоба-
лизация сделала такое столкновение неизбежным), переживает
острейший кризис и стремительно дестабилизируется. Возможно,
что операции союзников в Афганистане и Ираке — только начало.
Перед человечеством разворачивается перспектива внешнего уп-

равления нестабильными обществами исламского мира. Создается в высшей степени тревожный прецедент. Россия сможет сохраниться только в том случае, если в нашем обществе найдется потенциал к позитивному самоизменению.

Известный политолог Д. Ольшанский понимает социализм советского типа как «реакцию на поспешную индивидуализацию, своего рода откат в прошлое», в реальность, где не было отчуждения, а психика носила не дезинтегративный, но целостный характер. Основной механизм консолидации общества при социализме — массивная идеологическая обработка населения. Соответственно, замедление темпов развития, власть геронтократов, отказ от инноваций — неотвратимые, органические последствия восстановления *квазитрадиционного общества*. Квазитрадиционное общество трактуется Ольшанским как своеобразный исторический компромисс между традиционной ментальностью широких масс и императивом модернизации. С социально-психологической точки зрения социализм есть «реванш массовой психологии в ответ на попытку поспешной и во многом насильственной индивидуализации человеческой психики» [Ольшанский, 2001:109].

На наш взгляд, понятие «квазитрадиционное общество» теоретически состоятельно и гносеологически продуктивно. Заметим, что стоящий на совершенно иных идеологических позициях С. Кара-Мурза также настаивает на том, что советское общество было традиционным, и видит в доктрине коммунизма форму структурирования традиционного космоса в индустриальной и постиндустриальной эпохах [Кара-Мурза, 2002]. Разделяя выводы Ольшанского, мы задаем вопрос: готово ли сегодняшнее российское общество как целое к выходу из квазитрадиционного состояния и переходу на качественно иной уровень индивидуализации? Будем помнить, что индивидуализация — непереносимое условие перехода к интенсивной культуре.

Экспессы на национальной почве в традиционно русских городах и весях свидетельствуют о том, что значительная часть российского общества не готова к свободной конкуренции на рынке рабочей силы. Кроме того, она не готова принять капитальный факт — изменение вектора расселения. Коренные русские регионы, веками поставившие расселявшихся центробежно русских, оказались объектами заселения иноплеменниками. Экстенсивный сценарий — «мы» вовне, но никто к «нам» — сменяется противоположной волной — «они» к «нам».

Историческая неизбежность происходящего вступает в конфликт с экстенсивной имперской инерцией, и это вызывает иррациональное отторжение.

Рост ксенофобии надо рассматривать как один из маркеров общего кризиса традиционного общества. Ксенофобские настроения по-прежнему растут. Причем ксенофобия просматривается на всех уровнях общества. Надо заметить, что послевоенная советская идеология закрывала тему ксенофобии и, в частности, антисемитизма в царской России. Обсуждение этой проблемы было признано вредным. В результате складывалась благостная картина, из которой нельзя было понять, почему Ленин называл царскую Россию «тюрьмой народов». В реальности современная ксенофобия опирается на глубокие и устойчивые традиции и на бытовом уровне не умирала никогда.

Массовое появление «инородцев» в «наших» краях воспринимается традиционным субъектом как зримое свидетельство краха экстенсивного сценария развития. «Они» пришли к «нам», занимают «наши» рабочие места, берут себе в жены «наших» женщин и несут с собой чуждый образ жизни. Остановимся на понятии «наших» рабочих мест. В индустриальном обществе рабочее место заняло смысловую ячейку крестьянского надела, который полагался каждому «нашему» человеку по факту его рождения. Звучащий сегодня призыв «Надо дать людям работу» — модификация классического убеждения экстенсивного крестьянства относительно права на надел, которое гарантирует ему государство. До 1917 года это государство воевало с басурманами и приращивало землю, а с 1917-го развернуло индустриализацию, обеспечившую всех работой. Нынешнее государство бросило «нашего» человека, поставив его перед необходимостью конкурировать на рынке труда. Люди поставлены в такое положение, что приличная работа требует от человека жертв и усилий, достается наиболее компетентным, квалифицированным, обладающим высокой трудовой моралью. Других способов перехода к интенсивному сценарию развития просто не существует, но на этом пути нам видятся миллионы, если не десятки миллионов, маргинализирующихся людей. Здесь — риски социальной и политической дестабилизации общества, резкой депопуляции, критически высокого уровня социального расслоения, формирования устойчивых, не поддающихся трансформации депрессивных регионов.

Общество, очевидно, расслаивается на тех, кто вписывается в новую реальность, и тех, кто не способен к этому. На наш взгляд, это естественный и непреодолимый процесс. Сепарацию обще-

ства нельзя затягивать на десятилетия и поколения. В противном случае Россия окончательно выпадет в третий мир. Деклассирующиеся слои создают свою собственную, исключительно устойчивую культуру, свой этнический тип. Такая культура уже существует в России, и существует давно. Она есть в любой стране мира; проблема в объемах и показателях динамики. Долговременное расширение этого сектора выше некоторой критической границы запустит процесс «выпадения» из социальности и истории всего общества. Проблема качественного перехода должна решаться за 15–20 лет.

С другой стороны, нельзя допустить чрезмерного расширения объема выпадающей из будущего пассивной части общества. Иначе возможна политическая дестабилизация. Наконец, государство не может позволить себе голода и зримой деградации сколько-нибудь широкого слоя населения. Помимо любых этических соображений, императив стабильности государства требует, чтобы все — пенсионеры, безработные, люди, ставшие лишними и потерявшие в новом яростном мире, — получали бы некоторый минимум, позволяющий им выживать, не утрачивая человеческого достоинства. Бомж имеет право на избранный им образ жизни и право на место в ночлежке. Однако всякий бездомный, пожелавший начать работать и вернуться в общество, должен иметь реальную возможность социальной реабилитации.

Пока что процессы преобразований идут в России крайне медленно. Помимо факторов объективного характера, коренящихся в структуре экономики, ландшафтно-климатических условиях и т.д., сказываются детерминанты культурного характера. Согласно прогнозам специалистов, перевод всей экономики на коммерчески обусловленные цены за электроэнергию и энергоносители приведет к потере рентабельности 60% российских предприятий. Заметим, речь идет об обществе, более тринадцати лет переживающем реформы. Наше общество не готово жить по беспощадно жестким законам интенсивного мира. Сам этот мир не интериоризован, не получил культурной санкции, воспринимается как попрание вечных и незыблемых законов справедливости. Идеологи традиции по сей день утверждают: «Русский мир требует имперскости... ибо русский мир — мир не выгоды, тем более личной, а служения — всему сразу: Богу, природе, миру, человеку, но и Чуду тоже» [Осипов, 2003]. Как говорится, комментарии излишни.

Только в свете конфликта базовых культурных установок можно адекватно оценить ситуацию с РАО ЕЭС. РАО доводит до

сознания традиционалиста ключевую с точки зрения задачи выживания российского общества истину: «Халаява кончилась. Отныне и до века за все надо будет платить». Заметим, эта максима обращена не только к частному человеку, но и к любому субъекту потребления. Платить должны все: государство, правительственные и неправительственные структуры, бизнес, частные лица. Летом 1998 года С. Кириенко, в то время премьер-министр, комментировал в телеинтервью обстоятельства конфликта между РАО ЕЭС и Минобороны. Пиком этого конфликта было отключение отдельных военных объектов от электросетей. Как показало расследование, военное ведомство получило из бюджета деньги на оплату электроэнергии, но истратило их не по назначению, рассудив, что военные объекты отключить никто не решится. Безграничная доступность какого-либо бесплатного ресурса уродует человеческую личность. С. Кара-Мурза упоминает шок, который переживали иностранцы, сталкивавшиеся в советских квартирах со специфической практикой экономии спичек. Для этого газовые горелки не выключались и горели всю ночь [Кара-Мурза, 2002]. Напомним, что в СССР коробок спичек стоил одну копейку.

Установка на то, что за все, что потребляет человек, надо платить по рыночной цене, неминуемо запускает тотальную трансформацию ментальности. Она рождает другого исторического субъекта, от которого темпераментно отталкивалась и открещивалась и великая русская литература, и социалисты-утописты, и поколение наших предков, определявшее судьбу страны в 1917–1921 годах. Жизнь не по средствам, жизнь без счета и вне счета (Какие могут быть счета между близкими людьми? Ведь мы все — одна большая семья) была тем идеалом, к которому стремился традиционный, экстенсивно ориентированный человек.

В значительной своей части российское общество желает жить не по средствам. Более того, масса желает жить вне каких бы то ни было расчетов и соображений о соотношении доходов и расходов. Государство сплошь и рядом рассматривается как гарант получения рабочего места и пристойного уровня жизни. Госслужащие жалуются, часто совершенно справедливо, на низкую зарплату. Но при этом никто не сформулирует очевидную истину: работая на малооплачиваемой работе в контексте свободного рынка рабочей силы, мы совершаем свой выбор. Иными словами, соглашаемся на такую оплату. Ученые, учителя и врачи жалуются, бастуют и протестуют, но не переходят в свободный сектор экономики. Это дает серьезные основания полагать, что недовольные реально осознают

меру своей компетенции, профессионализма, готовность работать в конкурентной ситуации. Они способны работать по стандартам позднесоветского времени и требуют от государства соответствующего той эпохе уровня жизни. Описываемый слой общества менее всего способен к переменам. Здесь – источники социальных напряжений, а значит, и риски.

Один из существенных элементов экстенсивно ориентированной культуры – блокирование процессов формирования капитала. Традиционный человек стремится потребить и истребить «лишние» с точки зрения экстенсивного сценария средства. В этой связи характерен образ жизни и потребительские стандарты новых предпринимателей. Типичный владелец десятка киосков ездит на шестисотом «мерседесе», хотя свободно мог бы обходиться «фольксвагеном-гольф». Над ним довлеют докоммерческие, антирыночные установки на престижное потребление. Впрочем, в последние годы появились признаки формирования в России среднего класса со своими собственными стандартами, стилем и образом жизни, соразмерными доходам и социальным позициям людей.

Ситуация в системе российского ЖКХ хорошо иллюстрирует коллизии перехода общества от экстенсивной к интенсивной модели. Поскольку в СССР не существовало понятия цены на землю, города расплзались вширь. ТЭЦ, бойлерные, системы трубопроводов стали материальным воплощением принципов экстенсивно организованной жизни и уравнилельных распределительных отношений. Это хозяйство характеризовалось чудовищными потерями тепла и воды. По оценкам специалистов, в системе городского водоснабжения теряется до 75 % воды. Символическая цена ресурсов – энергоносителей и воды – и существование во внерыночных отношениях были обязательными условиями существования социалистического ЖКХ. Службы ЖКХ выполняли некоторые нормативные показатели и существовали за счет приписок. Счетчиков газа и воды в квартирах не было. Заявленные объемы потребляемого безбожно превышали реальность, что позволяло городским службам скрывать любые потери в системе и быть рентабельными.

Внерыночной экстенсивной системе ЖКХ соответствовал традиционный потребитель. Обыватель, не слишком отдавая себе в этом отчет, переносит на технологические сети ЖКХ традиционное отношение к природным системам вроде реки или леса. Коммунальные сети сами по себе приносят газ, тепло, воду, электричество. Для того чтобы пользоваться тем, что поступает в квартиру по трубам и проводам, достаточно было вносить неко-

торую ритуальную плату. Впрочем, ее можно было и не вносить. Как справедливо указывает С. Кара-Мурза, социалистическому «государству было дешевле покрыть их долги, чем устраивать сложный и дорогой индивидуальный контроль» [Кара-Мурза, 2003]. В соответствии с традиционными крестьянскими представлениями, все природные объекты и ресурсы (возобновляемые и невозобновляемые), расположенные рядом с местом проживания, «по справедливости» можно потреблять. Относительно этого традиционного права чья-либо собственность на них роли не играет. Поэтому крестьяне на практике не признавали царских заказников, барских лесов, ограничений в сроках охоты, рыбной ловли и т.д. В такой ситуации проблема оптимизации потребления, борьбы с потерями, экономии в принципе не возникает и возникнуть не может. Дома неизвестно чьи, сети — тоже, ресурс — бесплатный. ЖЭК ставит пружины на дверях подъездов и вставляет выбитые стекла. Жителей волнуют электролампочки и чистота в подъезде.

Распад советской экономической системы задал неизбежный кризис жилищного и коммунального хозяйства. Старый механизм воспроизводства городов сломан, новый требует коренных преобразований на всех уровнях социокультурного целого. Государство стремится снять с себя это бремя и передать жилье в собственность жильцам, разумеется вместе с ответственностью за это жилье. Значительная часть общества демонстрирует психологическую и культурную неготовность быть ответственными собственниками. Городские и коммунальные службы в равной степени не готовы иметь дело с ответственным собственником. Пресса неоднократно сообщала о конфликтах. Коммунальные службы противятся внедрению счетчиков воды. Они отказываются принимать установленные гражданами счетчики в эксплуатацию, поскольку приборы покажут, что люди потребляют в три-четыре раза меньше воды, чем им засчитывают.

Тем временем система ЖКХ рассыпается. Так, зимой 2002 года волна отказов и аварий теплоснабжения прокатилась по 30 областям [Кара-Мурза, 2003]. Проблема выходит на уровень национальной безопасности. При этом характерно, что власть, как и подавляющая часть общества, демонстрирует ту самую психологическую и культурную неготовность к осознанию реальности, о которой речь шла выше. По признанию вице-губернатора Санкт-Петербурга А. Смирнова, «в последний год проблему ЖКХ только научились правильно понимать. Но этой проблемой по-настоящему ни граждане, ни власти еще не начали заниматься»

[Смирнов, 2003]. Для решения этой проблемы необходимы значительные средства. Власть не демонстрирует готовности создать программу реконструкции системы ЖКХ, наделив ее ресурсами, адекватными масштабу задачи. Престижно-статусные мероприятия вроде празднования 300-летия Санкт-Петербурга или Дня города в Москве находят финансирование и звучат в системе СМИ гораздо ярче. Власть отвечает на тихий, невысказанный, но такой важный запрос общества на праздник, на фанфары, на ностальгические сюжеты о «нашей» красе и величии.

Между тем от проблемы ЖКХ не уйти. Типичная для российских городов централизованная система теплоснабжения экономически абсурдна. Она была возможна только при бесплатных ресурсах. Альтернативное технологическое решение состоит в газовых сетях и газовых мини-котельных для каждого дома. Потери при такой системе минимальны. Заметим, что до войны так и было. Дома имели собственные котельные, работавшие на угле. Сейчас государство находит деньги на аварийный ремонт в замораживаемых городах. Переоборудование всей структуры тепло- и водоснабжения потребует денег, которыми государство не располагает. Подытожим: мы сталкиваемся с общей неготовностью общества к переменам в ситуации, которая диктуется физическим распадом прежних технологических механизмов жизнеобеспечения. Ситуация требовала перемен еще вчера, а общество будет готово к этим преобразованиям в лучшем случае послезавтра.

«Российскую экономику ждут суровые испытания, связанные с очередной фазой ее втягивания в планетарные глобализационные процессы. Необходимые структурные реформы оставят без работы как минимум сотни тысяч людей. Речь идет об известном «сбросе балласта»... Вступление или невступление в ВТО способно лишь (ненадолго) отсрочить, но не отменить грядущую травму» [Левин, 2003]. Соглашаясь с И. Левиным, добавим, что оценка в сотни тысяч занижена. К 20 миллионам маргинализованных дезадаптантов добавятся миллионы безработных и их семьи. В группе «балласта» скапливаются самые традиционные, наименее подвижные, наименее образованные, минимально ориентирующиеся в изменившемся мире слои российского общества. Социальный груз преобразований в будущем будет нарастать. Эта ситуация может быть разрешена лишь в том случае, если общество будет наращивать ВВП, создавать дополнительные ресурсы для «расширения» узких мест и точно выбирать приоритеты. В противном случае критически вырастают риски распада социальной ткани и дестабилизации российского общества.

Глава 6. РИСКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАТОРОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Подходы к проблеме

Подавляющее большинство людей, родившихся и проживших жизнь в устойчивой реальности современного европейского мира, воспринимают такие феномены, как «общество», «нация», «государство», «национальные и государственные границы», в качестве самоочевидных реалий и обязательных атрибутов социального бытия. Человечество дробится на этнические единицы — этносы, народности, нации. Нации устойчиво заселяют некоторые территории и отличаются друг от друга совокупностью признаков: языком, исторической судьбой, национальным характером и др., а также особым чувством национальной общности (или идентичностью), в котором самообнаруживается нация. Всякое государство политически структурирует общество, проживающее на некоторой территории.

Между тем устойчивая картина этнокультурного и государственного структурирования мира — результат длительной исторической эволюции, происходившей на некотором ограниченном пространстве. Достаточно выйти за рамки ойкумены и обратиться к ситуации Эфиопии, Сомали или Афганистана, чтобы обнаружить неустойчивость и эфемерность тех реалий, которые окружают европейца. Они неочевидны; если и существуют, то носят формальный характер; статус их проблематизован. Население этих стран живет в мире, устроенном по другим законам, где нет ни границ, ни гражданства, ни государства в собственном смысле. Живет в мире, для которого бессмысленно понятие нации. Иными словами, устойчивая и привычная нам ситуация сама по себе не гарантирована.

В современном, модернизированном мире общество, созидующее государство, формирует так называемую «политическую нацию». Политическую нацию можно рассматривать как гражданскую общность, готовую к жизни в рамках единого государства, принимающую на себя сумму прав и обязанностей, из этого вытекающих. Нация предполагает общность прошлого, общее актуальное настоящее и общее будущее. В современной реальности политическая нация может быть весьма гетерогенной — этнически, конфессионально. Однако она не тождественна произ-

вольному сообществу людей, эмпирически оказавшихся в границах государства. Порождающая национальное государство политическая нация предполагает существование устойчивого исторического ядра — народа со своим языком, верованиями, культурой, исторической судьбой, связанного с этим государством. Этот народ воспроизводил историческую государственность и формировался в ее границах. Однажды традиционный исторический народ может превратиться в политическую нацию, вбирая в себя новые этнические и культурные потоки. Но для того, чтобы ассимилировать что-либо, создавать полиэтнические общности или мультикультурные организмы, надо иметь устойчивую исходную целостность. На этот исходный этнокультурный костяк «навешиваются» народы и народности, вошедшие в государство в ходе исторического развития, мигранты, представители других культур, рас, конфессий. В нашем случае этнокультурным стержнем государства выступает русский народ.

Проблема состоит в том, что этнос — живой организм. Всякий народ обладает достаточной устойчивостью, противостоит возмущающим воздействиям и адаптируется к изменениям внешнего контекста. Однако, как и всё под луной, народы не вечны. В некоторых ситуациях они переживают кризисы. А бывает, и распадаются, исчезают, сходят с исторической арены. *Россия* как страна, как общество с особой культурой, историей и самостоятельной цивилизацией *существует постольку и до тех пор, пока идет процесс воспроизводства русской этнокультурной целостности*. В самом общем выражении, русские в настоящее время переживают ситуацию модернизационной трансформации. Если понятие «трансформация» развернуть и выделить самое существенное, то надо отметить окончательное размывание традиционной культуры, переход от экстенсивной к интенсивной стратегии исторического бытия, от империи к национальному государству. К этому добавляется вступление России в глобализующийся мир. Иными словами, базовые, граничные условия воспроизводства русских существенным образом изменились. Российское общество было либо чисто традиционным, либо представляло собой неустойчивую комбинацию в разной степени модернизированных и традиционных слоев и страт. Русский народ никогда не жили вне империи. Русский народ характеризовался экстенсивной стратегией бытия. Россия на всем протяжении своей истории была достаточно изолированным обществом. Мера открытости России Востоку или Западу варьировалась, однако это были вариации изоляционистской парадигмы. Наконец, глобализующийся последние пятьсот лет мир

вступил в очередную фазу данного процесса, характеризующуюся доминированием нового глобального качества. Все эти обстоятельства проблематизируют воспроизводство русского космоса.

К названной проблематике обращаются политики, ученые, публицисты. На наш взгляд, спокойному и взвешенному анализу мешает идеологическая ангажированность самой этой темы. Как правило, содержательный разговор не идет дальше анализа статистики, демонстрирующей устойчивый отрицательный прирост населения Российской Федерации с начала 1990-х годов. Оппозиционная публицистика склонна трактовать эти данные как свидетельство вымирания русских. Проблема рождаемости существенна, однако нас интересуют более широкие и, как представляется, более важные процессы, задающие воспроизводство русской идентичности и определяющие наполнение этой идентичности. Отрицательный прирост населения свидетельствует о снижении общего числа физических носителей российского гражданства. Русские — носители российской этнокультурной идентичности — живут в целом ряде государств, по-разному соотнося себя с Россией. Рядом с русскими живут люди, принадлежащие к другим этнокультурным целостностям, которые в силу различных обстоятельств переехали на жительство в Россию или собираются это сделать. Перед ними открываются сценарии временного пребывания, ассимиляции, сепарации. Воспроизводство нации и Российского государства в конечном счете задано динамикой названных процессов. Рождаемость — лишь один из факторов в этом ряду.

Наше убеждение состоит в том, что адекватный проблеме анализ предполагает рассмотрение широкого круга вопросов и обращение к исследованиям больших исторических конъюнктур. Для того чтобы понимать тенденции развития в ближайшие 50 лет, надо располагать серьезной исторической перспективой. Колдовать над цифрами рождаемости или приездов-отъездов в ближайшие 30 лет представляется малопродуктивным. Исследователя подстерегают aberrации близости, возникает неразрешимая проблема критериев и т.д. Требуется широкое видение проблемного поля и глубина исторической перспективы.

Интересующие нас процессы суммируют воздействие множества факторов. Они лежат на пересечении демографических, социальных, политических и общекультурных процессов. В начале разговора о логике разворачивания этнокультурного ядра Российского государства полезно очистить свое сознание, сняв возможные стереотипы и мифологемы, чаще всего неосознаваемые, которые искажают реальную перспективу.

Прежде всего, в обыденном сознании проблематика русского народа, проблематика нации мыслится в логике моделей архаического рода. Суждение «мы – русские» понимается в том смысле, что мы произошли от древних славян. При этом имеются в виду непосредственно те славяне, о которых повествуют первые параграфы учебников отечественной истории. Пришли славяне на территорию Киевской Руси, расплодился за тысячу с лишним лет, а мы – их потомки. Это – чистая мифологическая картинка, имеющая минимальное отношение к реальности. В этом случае на стадильно последующие феномены переносятся модели осмысления, рожденные в предыдущую эпоху. Народ или нация мыслится как родовое целое, которое плодится, размножается либо вымирает, а динамика нации, изменение ее численности, предстает результатом динамики рождаемости.

Проблемы русского народа и его истории, к сожалению, идеологизированы по многим основаниям. Прежде всего здесь возникает проблема трех народов – наследников Киевской Руси: белорусов, русских и украинцев. История Киевской Руси излагается как первая глава истории России. Таким образом, Киевская Русь оказывается исторической и смысловой предтечей Московии. В этой перспективе белорусы с украинцами оказываются неким побочным продуктом относительно магистральной линии развития. Что же касается этногенеза русского народа, то он сдвигается на три века в глубь времен. В имперскую эпоху такие модели смотрелись вполне естественно. Сегодня они очевидно нарушают принципы политической корректности. Но дело даже не в этом. Проблема существенно глубже, ибо искажается подлинная теоретическая перспектива. Этногенез русского народа, его развитие и существование до настоящего времени задавались суммой устойчивых факторов, которые сложились за рамками как временных, так и пространственных границ Киевской Руси.

Русский народ, как и любой другой народ, возник из скрещивания, взаимной ассимиляции, перемешивания некоторых этнических потоков, которые присутствовали на территории Русского улуса/Московского царства/Российской империи/СССР. Территория, на которой происходило формирование русского народа, лежит в лесной либо лесостепной зоне. Эти пространства традиционно заселяли финно-угры. Примыкавшая к лесной степная зона заселялась разнообразными тюркскими народами. На северо-западе русские соседствовали с балтскими племенами.

Северо-западные соседи восточных славян – литовские племена – со II века занимали бассейны Немана и Западной Двины

и от Балтийского моря доходили до истоков Днепра и Волги. К тому времени, когда восточные славяне пришли на территорию Киевской Руси, численность славян и литовцев была сопоставимой. Сегодня же суммарная численность латышей и литовцев примерно в 30 раз меньше, нежели численность одной из трех ветвей наследников восточных славян — русских. Эта разница связана с исторической судьбой русского народа, создавшего огромное государство, расселившегося на бескрайних просторах и ассимилировавшего неоглядный объем иноплеменников, в том числе и литовцев. Мы слабо представляем себе масштаб процессов ассимиляции, которая продолжалась на всем протяжении истории русского народа. За этим стоит и энергия ассимилятивного напора, и стадийное превосходство русских над своими соседями, и мощь Российского государства. Масштабы ассимиляции были связаны и с тем, что на пространствах от Смоленска до Татарского пролива с русским соседствовали догосударственные и раннегосударственные общества, племена, народы и народности, которые сравнительно легко растворялись в целостности государственнообразующего народа*.

Так, устойчивая ассимиляция финно-угров — константа развития русских славян. Эти процессы идут более тысячи лет. Входящие в Российскую Федерацию народы финно-угорской группы — остатки огромного, неоглядного людского моря, наводнившего некогда практически всю территорию лесной зоны. Степная зона была пространством безусловного доминирования тюрок. Кочевники и земледельцы всегда находятся в динамическом взаимодействии. Они нуждаются друг в друге в хозяйственном отношении, взаимодополняют один другого, торгуют, воюют, «умыкают в полон», перемешиваются. Эти взаимосвязи подробно описывает Л. Гумилев [Гумилев, 2001]. Ассимиляция русских славян со степняками происходила на фоне драматического военного противостояния. Этот процесс имел свои приливы и отливы. Тюрки-степняки, со своей стороны, смешивались с финно-уграми, создавали ранние государства (Волжскую Булгарию), входили в состав Золотой Орды. В эпоху доминирования Орды процессы ассимиляции русских в «татары» наверняка доминировали над противоположным потоком. Однако угасание Орды, доминирование Москвы и создание царства,

* Заметим, что такие народы, как грузины или армяне, имевшие собственную государственность до вхождения в Россию и имевшие за своей спиной продолжительную историю существования в рамках государства и цивилизации, демонстрировали существенно меньшую ассимилятивную интенцию, нежели этносы, впервые попавшие в рамки регулярного государства с приходом российской власти.

охватившего всю территорию Улуча Джучи, сменило ассимилятивную доминанту. Татары, веками взаимодействовавшие с русскими, и их данники пополнили ресурс ассимилятивного освоения. Ассимиляция этих народов идет веками.

Русский народ как самостоятельная этнокультурная общность складывается в XIII–XIV веках. Историки фиксируют изменения в языке (исчезает звательный падеж)*. На территории Суздальской Руси русские в массовом порядке ассимилируют финно-угров, не представленных в степной зоне. С изменением ландшафтно-климатических условий и доминирующего потока ассимиляции изменяется антропологический тип. Перипетии политической истории разводят наследников Киевской Руси по разным государствам. За два-три века накапливаются разительные отличия в образе жизни, культуре, стиле поведения. Как указывает Р. Скрынников, православные феодалы, проживавшие на территориях Украины и Белоруссии, нанятые Лжедмитрием и пришедшие с ним в Москву, воспринимались москвичами как поляки [Скрынников, 1987]. К началу XVII века москвичи отказывались видеть в украинцах и белорусах своих близких родственников.

Помимо финно-угров и тюрок, о которых было сказано выше, существовал еще один фактор, значимый для процессов формирования и разворачивания русского народа. С распадом Киевской Руси возникает три самостоятельных центра консолидации народов – наследников Киевской Руси: белорусского, русского и украинского. Однако результирующая картина выглядит сложнее.

На юге России, в регионе причерноморских степей и до предгорий Кавказа, просматривается самостоятельное ядро этнической консолидации. В причерноморских степях давным-давно, со скифских времен, сложилась устойчивая общность населения, осваивавшего эту территорию, которая лежала за рамками древних государств и базировалась на путях торговых и стратегических коммуникаций. Назовем эту общность условно «бродниками». Речь идет об устойчивой, насчитывающей тысячелетия системе расселения, реализовывавшей определенный тип существования, последовательно ассимилировавшей всех тех, кто оседал на этих землях. Скифы, греки, армяне, славяне, турки (печенег, торки, половцы, татары), представители других народов сформировали общность, из которой вырос сегодняшний Юг России. Юг России породил особый, яркий феномен – русское

* Норма звательного падежа сохраняется у Пушкина: «старче».

казачество. Существенно отличаясь от центра России антропологическим типом, образом жизни, языком, население Юга России самоосознает себя русским и православным. Иными словами, политически и культурно центрировано на Москву, притязая, впрочем, на известную автономию, исторически закрепленную за казачеством.

Ресурс, на котором шло формирование русского народа, этим не исчерпывается. Так, специалисты указывают на альтернативный центр этнической консолидации, лежавший между Волгой и Уралом. Этой точки зрения придерживаются В. Пантин, Э. Кульпин [Пантин, 2002; Кульпин, 1998]. Назовем эту территорию Волго-Уральский регион (Идель-Урал). Здесь начиная с эпохи Волжской Булгарии шел процесс синтеза самостоятельной государственности. Волго-Уральский регион (народы татаро-башкирского круга) проиграл историческое соревнование за звание центра огромного евразийского государства. Победил формирующийся вокруг Москвы русский народ. Потеряв свою политическую составляющую, Идель-Урал не перестал быть центром, где формируется собственная этничность, особый психологический строй, культурная общность, которая осознается людьми, живущими на этой территории. К примеру, татары – далеко не простая по своему составу, генезису и этнической истории целостность. Татары исторически преемственны относительно золотоордынско-тюркского этноса, исчезнувшего в результате этнических и политических процессов XV–XVI веков. Консолидация татарского народа происходит во второй половине XIX – начале XX века [Народы... 2000: 515–516].

Идель-Урал был восточной альтернативой Московской Руси. Украина же являла собой западную альтернативу Московии. По этническому субстрату и языку украинцы весьма близки русским. Конфессионально большая часть Украины принадлежит православному миру. Общая этнокультурная дистанция между русскими и украинцами невелика. Формирование украинского народа шло параллельно формированию народа русского [Народы... 2000: 567–570]. Консолидация украинского народа происходила на фоне сложных политических процессов. Украина не смогла выстроить собственное государство. С середины XVII века начался процесс поглощения Украины Россией. Этот процесс растянулся на века и завершился лишь в 1939–1940 годах. С XVII века процесс консолидации украинской нации шел параллельно с процессом ассимиляции украин-

цев*. Население Украины характеризовалось высокой рождаемостью**. Украинцы легко расселяются по всему земному шару. Естественно, что Российская империя и СССР оказывались пространством преимущественного расселения украинцев. Высокий уровень этнокультурной общности русских и украинцев задавал массовую ассимиляцию последних.

Прежде всего, население Украины заселяло территории степной зоны. Крым, Причерноморье, Юг России. Процесс этот происходил веками и носил как стихийный, так и организованный характер. Так, после 1775 года, в связи с ликвидацией Запорожской Сечи, остатки запорожцев были переведены на Кубань, положив начало Кубанскому казачеству. Заселение Юга России постоянно шло в рамках стихийного процесса. Источники XIX—начала XX века упоминают о «хохлах», живших рядом с казаками. В конечном счете эти потоки последовательно ассимилировались, породив специфический южнорусский этнокультурный тип.

В иноэтническом окружении украинцы в течение жизни одного-полутора поколений теряют свою идентичность, сливаются с русскими. Переписи начала XX века фиксируют в Сибири целые районы компактного расселения украинцев. Однако, согласно переписи 30-х годов, население этих районов осознает себя русским. В несколько меньшей степени украинцы мигрировали на территорию центральной России. Они оседали в крупных городах, столицах, промышленных центрах. Масштаб этого процесса позволяет оценить такой штрих. В 1917 году в связи с созданием Центральной Ралы в Петрограде состоялась манифестация, в которой участвовало 180 тысяч украинцев. Параллельно ассимиляции, за рамками Украины, шли процессы русификации коренного населения и русского заселения собственно украинских земель. Крупные города и промышленные центры были устойчивыми очагами русификации. «Мова» и украинская

*Интеграция украинской нации и ассимиляция происходили параллельно. При этом наблюдалось попеременно доминирование то одной, то другой тенденции. Так, с середины XVIII века до середины XIX века доминирует ассимилятивная тенденция. С середины XIX века энергично заявляет о себе украинский национализм. К рубежу XIX—XX веков можно фиксировать равновесие ассимилятивных и национально-интегративных тенденций. В 20-е годы прошлого века в связи с политикой «коренизации» доминирует национально-интегративная тенденция. Далее, до конца советского этапа истории, политика имперского центра задает доминирование ассимилятивной тенденции. См. например: Субтельный, 1994.

** Так, в конце XIX—начале XX века прирост населения на Украине был одним из самых больших в Европе [Субтельный, 1994:659].

идентичность сохранялись в крестьянской среде, в глубинке, на западе Украины. На рубеже XIX—XX веков Киев — город, в котором доминирует русский язык и культура. Малороссийская специфика присутствует в качестве колорита и гарнира. Показательно, что и сегодня на улицах Киева преимущественно говорят по-русски.

Интенсивность ассимилятивных процессов резко возрастает с конца XIX века. Смешанные браки и культурная ассимиляция создали категорию людей, осознающих себя украинцами, но говорящих на русском языке. Это известная историкам и демографам паллиативная стадия процесса ассимиляции. Дети таких людей чаще всего становятся «нормальными» русскими.

Сегодня соотношение русских и украинцев составляет примерно 3:1. Есть основания полагать, что такое соотношение носит устойчивый характер. Обобщая, можно сказать, что ассимиляция украинцев была одним из мощнейших резервов динамики русского народа.

Ассимилятивные процессы на пространствах Волго-Уральского региона, коренное население которого составляет сегодня около 7 млн. человек, разворачиваются с XV—XVI веков. Татар и башкир объединяет с русскими тысячелетнее проживание бок о бок, но разделяет этно-конфессиональная дистанция. Население Идель-Урала менее урбанизовано и более традиционализировано, нежели население Украины. За счет этого уровень рождаемости здесь несколько выше. Различалась и ассимилятивная тактика имперского центра. Татары оказывались объектом политики христианизации, в результате которой сложилась православная этно-конфессиональная группа — хрещены. Процессы ассимиляции мигрантов и обрусения коренного населения идут здесь несколько медленнее, чем в случае с украинцами, национальная идентичность сохраняется дольше. Однако в конечном счете ассимилятивная доминанта побеждает.

Консолидация татарского и башкирского народов шла параллельно ассимиляции этих народов. Взаимные этнические потоки создали крупные русские общины на территории Татарии и Башкирии. Русско-национальное двуязычие давно стало культурной нормой. Вертикальная динамика предполагала бытовую и культурную русификацию. Национальные языки и идентичность сохранялись в глубинке.

Юг России охватывает три крупные административные единицы: Ростовскую область, Краснодарский край и Ставропольский край. Население региона — порядка 12 млн. человек. На Юге

сформировалась самостоятельная этнокультурная общность, самым ярким выражением которой является российское казачество. Веками этот регион принимает в себя миграционные потоки из Украины, Кавказа, центральной России, демонстрирует рост численности населения, постепенно становится зерновой житницей страны и действует как мощный ассимилятивный котел, в котором формируется единая южнорусская идентичность. Отличая себя как от «хохлов», так и от жителей центральной России, коренное население Юга осознает себя форпостом Российского государства. Миграция за пределы этого региона во все времена была сравнительно невелика. При этом смешанные браки и взаимоассимиляция происходят достаточно легко.

Помимо ассимиляции населения альтернативных центров этнической консолидации, русские постоянно ассимилировали бесчисленные народы и народности Российской империи. Местные элиты вливались в русскую администрацию, русификация была условием социального роста, миграция в города предполагала освоение русского языка и т.д. Все эти процессы составляют естественный фон развития традиционных империй (Византии, Османской, Австро-Венгрии). Общая картина выглядела следующим образом: стадиально отстающий этнос, как правило, противостоял ассимиляции, замыкался в традиционном образе жизни, оставляя русификацию честолюбивой местной элите и жителям городов. Однако по мере модернизации стадиально отстающие этносы переходят определенный порог развития, за которым мера адаптации к жизни в урбанизированной среде резко возрастает. Тогда и начинается активная русификация. Снижается энергия обособления, растет перемещение людей в города, растет процент людей, получивших образование, включающее в общегосударственную, русскоцентричную культуру. Из этого очевидно следует, что процессы этнокультурной ассимиляции возрастали по всей стране со второй половины XIX века.

Однако модернизация порождает и тенденцию, противостоящую ассимилятивной доминанте. В ходе модернизации возникает местная интеллигенция, которая, как правило, оказывается ядром формирования национального сознания. Так запускаются процессы национального обособления, рождаются националистические движения. Диалектика этих противостоящих тенденций определяет логику развития полиэтнических обществ.

По мере разрастания Российского государства удельный вес русских в общем объеме населения последовательно уменьшался. Процессы ассимиляции шли все более напряженно. С присоеди-

нением Средней Азии Россия получала мощный, этноцивилизационно чуждый регион, характеризующийся высоким уровнем рождаемости и не имевший многовекового опыта жизни рядом с русскими. В общем объеме русского народа возрастал процент людей, ассимилированных в первом-втором поколениях. Их идентичность не была устойчивой, а ассимиляция в русский народ — частичной и незавершенной. Эти обстоятельства обостряли и проблематизировали интегративные процессы в стране.

В обыденном сознании ассимилятивные процессы на территории нашей страны видятся таким образом, что «инородцы»* естественно растворяются в русских. На самом же деле это не всегда так. В Сибири, на Крайнем Севере существуют небольшие группы, русские по своему происхождению, но утратившие русский язык. Они пришли на эту территорию еще в XVII веке, оторвались от русского окружения и постепенно ассимилировались в культуру окружавших их туземных народов. Этнографы фиксируют интересный парадокс: в этой среде сохранились старинные русские ритуальные песни, исполнители которых не понимают их смысла. Сходный феномен существует в Средней Азии. В Узбекистане есть небольшие группы, сложившиеся из ассимилированных в местную культуру потомков пленных русских солдат. Русские солдаты попадали в плен еще до покорения Средней Азии и довольно быстро полностью ассимилировались.

История XX века показала, что русские достаточно быстро ассимилируются в эмиграции**. Уже во втором поколении русские легко идут на смешанные браки. Как правило, третье поколение русских эмигрантов полностью ассимилировано в культуру страны пребывания. Это происходило и в этнически близкой Сербии, и в западноевропейских странах, и в Турции. В этом отношении русские разительно отличаются, к примеру, от китайцев или диаспорных народов. Причины этого — предмет специального разговора. В данном случае нам важно зафиксировать саму тенденцию. Итак, при некоторых условиях русские утрачивают свою идентичность в чреде поколений. Причем в особых ситуациях русские могут утрачивать свою этничность и в пределах родной страны.

Вообще говоря, логика ассимилятивных процессов представляется очевидной только при поверхностном взгляде на вещи. Не

* Термин этот был введен М.М. Сперанским.

**Речь идет не о патриархальных общинах, скрепленных религиозной доктриной, а о носителях модернизированной культуры большого общества.

так просто перечислить совокупность факторов, запускающих ассимилятивные процессы. Что может остановить процесс ассимиляции или изменить вектор этого процесса? Почему в одном случае побеждает тенденция к ассимиляции, а в другом – к этнической сепарации? Чем определяется, какая из этнокультурных идентичностей побеждает в процессе взаимоассимиляции двух этнических единиц? Эти и другие вопросы снова и снова встают перед исследователями.

В некоторых ситуациях разобраться сравнительно просто. Так, в Латинской Америке исходный объем европейцев был несопоставимо мал, а индейцы численно доминировали. Антропологический тип жителей многих стран континента демонстрирует доминирование индейской компоненты. Помимо этого, на континенте достаточно территорий с практически чисто индейским населением: майя, майоруна, маку, кечуа, гуарани, гуато, гуахибо и др. При том что здесь сформировалась специфическая локальная цивилизация, вобравшая в себя культуру аборигенов континента, результирующая культура Латинской Америки базируется на католицизме, испанском и португальском языках.

В данном случае доминирование испанцев и португальцев в процессах взаимоассимиляции задалось существенным стадийным превосходством выходцев из Европы. Заметим, что подобным образом можно объяснить вектор ассимилятивного процесса во взаимодействии славян и финно-угров. Энергичные славяне переживали эпоху военной демократии и существенно обгоняли живущих родовым бытом финно-угров. Литовские племена, не менее энергичные, но несколько запаздывавшие относительно русских славян в своем развитии, скорее, оттеснились в район Балтики. Финно-угры же просто растворялись в славянской массе.

В других случаях результирующая картина представляется более сложной и менее однозначной. Так, обобщенный взгляд на карту Западной и Центральной Европы позволяет увидеть два больших мира: германский и романский. Европа, разумеется, не исчерпывается балансом романского и германского начал. Здесь живут греки, славяне, финно-угры, албанцы и другие народы. Тем не менее доминирующие «цвета» Европы – это германский и романский. Чем определяются границы между романским и германским мирами? Очевидное объяснение состоит в том, что романский мир задан Римской империей. В целом этот мир тяготеет к Средиземноморью и выходит в Атлантику. Соответственно, германская идентичность утвердилась на территориях, лежащих

за рамками Римского мира. Условно говоря, германцы заняли верхнюю, северную, часть Европы.

Однако граница между германским и романским мирами не определяется границей продвижения германских племен. Они прошли всю Западную Европу и осели по всей ее территории. Так, в VI веке германское племя лангобардов вторглось в Италию и образовало раннефеодальное королевство. Лангобардская идентичность сохранялась весьма долго. В итальянских законах XI века упоминаются лангобардская женщина и лангобардский мужчина. Отсюда — Ломбардия, название области в северной Италии. Границы романского мира не тождественны устойчивым границам Римской империи. Так, римская провинция Британия выпадает из романского мира. Кроме того, раскинувшийся от Португалии до Италии романский мир обрывается на восточной границе Италии. Далее следует особый, балканский мир. Однако восточнее, в окружении славян и венгров, обретается мощный и устойчивый анклав романского мира — Румыния и Молдавия.

Представляющий сегодня удовлетворительным ответ состоит в том, что народы романского круга заселяют территории, которые были глубоко романизированы и устойчиво ассимилированы Римом. Здесь *сложилась цивилизационная инерция*, которую не смогли сломить перипетии эпохи Великого переселения народов. Те же территории, которые входили в империю, но не были глубоко романизированы, где не сложилась непреодолимая инерция романского мира, были утрачены, стали базой формирования германского, англосаксонского, венгерского, славяно-балканского миров.

Заметим, что в этнокультурных и цивилизационных разграничениях решающим фактором оказывается не численность тех или иных этнических компонентов, но с трудом поддающаяся исчислению сумма факторов и обстоятельств. Антропологический тип румына или молдаванина весьма далек от антропологии италиков. Население территорий юга Германии, Австрии, Швейцарии и севера Италии не отличается существенно в антропологическом отношении. Южных немцев сложно отличить от северных итальянцев. Разграничение происходило внутри пространства, на котором можно зафиксировать плавное, континуальное убывание признаков средиземноморского типа.

История формирования романского и германского миров, их разграничения и устойчивого существования значима для нас в одном отношении. На обширных пространствах Евразии в течение многих веков, если не тысячелетий, происходило встречное

движение славянских и тюркских народов. Славяне двигались с запада на восток и дошли до Сахалина. Двигавшиеся им навстречу тюркские народы дошли до Боснии. Эти народы создали две империи: Российскую и Османскую. Российская империя, как могла, ассимилировала тюрков, а Османская империя, соответственно, ассимилировала славян и другие народы. Политическая граница между империями и определяла вектор ассимилятивных процессов. Владели турки-османы Черноморским побережьем, и на этих территориях побеждал ислам, разворачивался медленный, но неотвратимый процесс «потуречивания» местного населения. С приходом русской власти начинается активное заселение приморских территорий христианскими подданными русского царя. На эти земли приходят русские, украинцы, греки, армяне, немцы. Правовой мусульманин перестает быть человеком первого сорта. Русский язык занимает место локального «лингва франка». Тенденция «потуречивания» сменяется тенденцией обрусения.

При том что успехи в деле ассимиляции были огромны, ни турки-османы, ни русские не смогли ассимилировать всех своих подданных. В ходе исторической деградации Османская империя утратила славянские провинции на Балканах. В Турецкой Республике около восьмидесяти лет идут процессы интегрирования политической нации. Постсоветская Россия вступает во второе десятилетие своего существования. С распадом СССР Россия утратила большую часть территорий с тюркоязычным населением. Тем не менее турки рассеяны по всей территории Российской Федерации. Ряд автономных республик, титульные народы которых относятся к тюркоязычной общности, тянется от Якутии через Поволжье до Северного Кавказа. В этих республиках очевидны признаки национального возрождения. Центр стремится контролировать общую ситуацию и, как может, воздействует на происходящие процессы. В качестве примера можно привести блокирование на федеральном законодательном уровне перевода татарской письменности с кириллицы на латиницу. Насколько эффективны усилия центра, покажет время.

Казалось бы, современное, модернизированное государство располагает беспрецедентно мощными инструментами интегрирования общества. Государство через систему общего образования и СМИ задает культурно-языковое и идеологическое единство. В современном обществе нет сколько-нибудь значительных анклавов, альтернативных в этнокультурном отношении культуре центра. Карьера и любая социально активная позиция неотдели-

ма от включения в культуру государства и т.д. Между тем разыгравшаяся на наших глазах политическая эволюция в Косово, явившаяся результатом этнокультурной динамики в этом крае, свидетельствует о том, что интегративные возможности государства имеют свои границы.

Обращаясь к анализу этнокультурных взаимодействий, мы сталкиваемся с многофакторными процессами, природа которых не познана до конца. Процессы национального становления далеко не просты, а результаты этих процессов не очевидны. История многократно показывала, как изменялся вектор и рушилась, казалось бы, устойчивая тенденция. К примеру, в первой половине XIX века на территории нынешней Хорватии шел интенсивный процесс латинизации славян. Хорваты говорили по-итальянски, росло число смешанных браков. Однако в середине XIX века в Хорватии развернулось национальное движение. Оно было направлено против ассимиляции с Италией, за сохранение собственной культуры и идентичности. Это движение победило. В иных случаях огромные массы растворялись и утрачивали идентичность. Вообще, среди факторов, задающих разворачивание процессов национального становления, называют: степень зрелости общества, полноту социальной структуры, наличие городов, наличие национальной интеллигенции и т.д. Однако все это необходимые, но далеко не достаточные условия генезиса нации и государства. Так, в 60–80-е годы прошлого века во франкофонной Канаде явственно доминировали изоляционистские настроения. Крайние партии франкофонного Квебека ставили цели выхода провинции из Канады. Сейчас наблюдается доминирование ассимилятивной тенденции. Все это порождает принципиально неустранимую неопределенность, которая сама по себе есть фактор риска.

Если учесть, что русская идентичность отстает политически и культурно, что границы ареала доминирования русского языка сокращаются, обращение к истории романского мира не покажется отвлеченно академичными штудиями. Возникает вопрос: на какой части территории Российской Федерации русская идентичность утвердилась необратимо? Можем ли мы полагать, что запас прочности русской идентичности равен тому, который в свое время сложился в римской провинции Дакия (нынешняя Румыния)? Каковы на сегодняшний день резервы ассимилятивной потенции русской этнокультурной целостности? У нас нет ответов на эти вопросы. И здесь перед нами открывается пространство стратегических рисков. Это риски нарастания социаль-

но-культурной и цивилизационной гетерогенности, риски формирования общностей, чуждых и даже враждебных базовым ценностям Российского государства, риски возникновения сепаратистских движений и др.

Российское общество находится в постимперской реальности. Эпоха «после империи» имеет свою специфику – социокультурную, идейную, психологическую. Как показывает история, в XX веке постимперская эпоха растягивается на жизнь одного-двух поколений. Часть этого срока уже пройдена. Общество болезненно привыкает к новой реальности. Советское прошлое с каждым годом становится все дальше; реставрационная риторика звучит все реже. Массовый человек постепенно начинает осознавать преимущества национального существования России. Российская экономика демонстрирует положительную динамику, а уровень жизни в Российской Федерации существенно выше уровня жизни в бывших союзных республиках. «Они» едут к «нам» на заработки, соглашаясь работать на условиях, которые не принимают граждане России. Как выяснилось, страхи бывших советских людей образца 1992 года оказались напрасными. Для того чтобы отдыхать в Крыму, не надо быть гражданином Украины, достаточно иметь деньги в бумажнике.

Однако мало эмоционально отойти от прошлого, надо понять настоящее. Не только на уровне обыденного сознания, но и в экспертном сообществе слабо осознается качественная дистанция между империей и национальным государством. По умолчанию Россия понимается как несколько «съезжившийся», уменьшенный СССР. Но это совсем не так. Воспроизводство нации не тождественно воспроизводству имперского организма. СССР конституировался коммунистической идеологией и структурировался КПСС. Коммунистическая идеология имела статус универсальной истины, носила тотальный характер и поддерживалась усилиями всего государства. Единой идеологии сегодня не существует. Любые партии начальников по определению не могут занять нишу КПСС, ибо на последнюю падал свет безусловной, религиозной истины.

В СССР реализовывалась модель универсальной империи. Русский народ осознавал себя «старшим братом», несущим свет истины всему человечеству. Когда это ощущение исчерпало себя, Союз распался. Русский народ оказался в совершенно новой исторической ситуации. Мы можем фиксировать, в какой мере в обществе формируются ментальные структуры, адекватные новой реальности, как нарабатывается психологическая и культур-

ная готовность к жизни в изменившемся мире. Но жить в новой реальности и самовоспроизводиться в качестве этноса — не одно и то же. В какой мере русский народ, существовавший веками как имперообразующий этнос, способен к переходу в модальность политической нации? Идеологи имперской реставрации многократно повторяют утверждение о том, что русский народ — имперостроитель и в любой другой ситуации существовать не сможет. К примеру, С. Кургинян темпераментно утверждает: «Будучи имперским народом, народом-держателем, гипер- и суперэтносом, выражающим идею имперского (в лучшем смысле этого слова) наднационального синтеза, русский народ в любой другой роли ощущает себя "коровой на льду"» [Кургинян, 1995]. Стоит добавить, что о необратимо имперском характере русского народа не устают повторять представители национальных движений из стран ближнего зарубежья.

Строго говоря, эти утверждения нельзя ни доказать, ни опровергнуть, ибо русские не жили вне империи. Древняя история знает примеры гибели народа вместе с империей. История Нового времени снисходительнее к имперским народам. Распады империй и рождения на месте ядра империи политических наций происходили неоднократно. Примерами этого служат австрийцы, турки, испанцы. Однако в любом случае такой переход носит кризисный характер, чреват импульсами имперской реставрации, сопровождается радикальным изменением самосознания, доминирующих жизненных стратегий и т.д. Умирает одна реальность и утверждается другая. В известном смысле, вместе с уходящей эпохой сходит на нет один народ, а на его месте формируется новый, преемственный по отношению к исходному, но все же другой.

Испанская империя очевидно увядала с XVIII века. В XIX веке Испании пришлось пережить распад колониальной империи. В первой — второй третях XX века испанское общество переживало эпоху гражданских войн и диктатуры. В политическом режиме генерала Франко находил свое оформление как модернизационный кризис, так и постимперский синдром. В недрах диктатуры шло формирование современной нации. В 70-е годы XX века Испания включается в европейский концерт как нормальное национальное государство.

Австро-Венгерская империя распалась в результате поражения в Первой мировой войне. Политическое урегулирование послевоенной Европы вершили страны-победители. Версальская система включала в себя идею независимой Австрии, существую-

шей отдельно от Германии. Прежде всего, политическая элита страны не смирилась с фактом распада империи. Так, в 30-е годы в правительственных кругах Австрии и Венгрии курсировали планы политического объединения двух стран. Далее, в межвоенный период и в Австрийской Республике, и в Германии существовали массовые устремления к объединению двух немецких государств. Эти массовые настроения позволили Гитлеру пойти на аншлюс Австрии в 1938 году. Народам Австрии и Германии потребовалось новое сокрушительное поражение, послевоенная оккупация странами-победителями, десятилетия жизни в новой реальности для того, чтобы раздел двух народов был принят как безусловная реальность. В послевоенной Европе возникла нейтральная Австрия – спокойное и стабильное государство, утратившее любые имперские амбиции, центрированное на своих национальных проблемах.

Османская империя распалась в результате поражения стран германской коалиции в ходе Первой мировой войны. Затем Турция переживает краткую эпоху национально-освободительной войны и буржуазно-демократической революции, которая завершается провозглашением в 1923 году Турецкой Республики во главе с Кемалем Ататюрком. Жесткий и авторитарный лидер, опиравшийся на харизму спасителя нации, многовековую любовь турецкого народа к армии и вестернизированные слои офицерского корпуса, чиновничества и буржуазии, Ататюрк в 30-е годы провел серию реформ, которые разрушали многовековую имперскую традицию. В Турции формировалась и утверждалась государственная идеология – лаицизм, фиксирующая секулярный характер турецкого общества и национальное государство. Лаицизм последовательно внедрялся в сознание людей усилиями государственных институтов. Смена двух поколений, безусловные успехи Турции на путях модернизации страны, работа миллионов турок в Европе изменили облик турецкого общества. Современная Турция – динамичное национальное государство.

Рассмотренные нами примеры позволяют сформулировать некоторые выводы.

1. История Нового времени создала механизмы преобразования имперских народов в политические нации.
2. Преобразование народа, создававшего и поддерживавшего империю, в нацию всегда носит кризисный характер.
3. По мере движения из прошлого к современности временные рамки кризиса перехода сужаются.

4. Кризис перехода чреват тенденциями реставрации империи и в широком смысле — исторического реванша.

5. Кризисные тенденции переходного периода часто рожают жесткий, авторитарный политический режим.

6. Если общество и политическая элита вчерашней империи оказываются неспособными осознать необратимость исторических перемен и страна встает на путь реставрационных авантюр, возможно крупное историческое поражение и длительное внешнее управление.

7. Трансформация имперской культурной и политической традиции в национальную требует государственной стратегии формирования новой, национальной идентичности.

Постсоветский период: динамика численности носителей русской идентичности

Существует самостоятельная проблема динамики численности русского народа. Здесь требуются предварительные суждения. Для человека, не привыкшего работать в пространстве исторического видения, народы представляются как метафизически неизменные сущности. Они практически вечны и неизменны в своей природе. Между тем профессионалы (этнологи, историки, антропологи) знают о том, что, проживая собственную историю, этносы переживают эволюцию. При этом может существенно измениться антропологический тип, бытовая культура, язык и другие характеристики. Такую эволюцию претерпели упоминавшиеся выше скифы. Они активно перемещались по территории Евразии, контактировали с разными народами, захватывали в свою орбиту иноэтнический материал, переходили от кочевого образа жизни к оседлому, создавали ранние государства.

Не менее ошеломляюща эволюция римлян, создавших огромную империю. Культурный и антропологический тип раннего римлянина эпохи Римской республики, его психология, бытовая культура, образ жизни, система верований разительно отличаются от сходных характеристик римлянина эпохи заката империи. Римская империя охватила необозримые пространства. Римские гарнизоны стояли по всей Европе, в Африке, Азии. Единый этнический тип распался. Под именем римлянина в позднеримскую эпоху часто скрывался романизированный в той или иной мере выходец из многочисленных народов, входивших в империю. Эту ситуацию точно описывает русская пословица XIX века: «Папа — турок, мама — грек, а я — русский человек». Исходная этнокуль-

турная общность, прочная и безусловная, постепенно замещается гражданской и цивилизационной идентичностью, которая все более проблематизируется.

Кроме того, существует некоторая мера объемного роста и пространственного расширения народа, за которой начинаются неизбежные процессы дифференциации. Со временем эти процессы обретают этнокультурное и политическое измерение. Наглядная иллюстрация этого тезиса — история Западной Европы, разворачивающаяся на пространствах Римской империи.

Народы, создававшие великие империи, на выходе из имперского цикла характеризуются особым психологическим состоянием. Его можно обозначить как «историческая усталость». Так, настроения исторической усталости характерны для позднеримского общества. Записки европейских путешественников полны свидетельств усталости и утраты перспективы в османском обществе середины—конца XIX века. Для того чтобы преодолеть эти мироощущения, потребовалась буржуазная революция и эпоха Ататюрка, которая поставила точку в имперской истории Турции и смогла дать обществу видение новой исторической перспективы.

Надо помнить о том, что сегодняшнее состояние русского народа — результат долгой имперской истории. Чем больше этнос распространяется по некоторой территории, чем больше ассимилирует представителей других этнических единиц, тем большее напряжение переживает. На определенном этапе описываемого нами процесса неизбежно начинается отмашка исторического маятника. Народ начинает испытывать усталость, снижается пассионарность. По-видимому, существуют границы системности. Политический кризис, который переживают поздние империи, связан не только с факторами цивилизационного, социального и культурного порядка, но также с тем перенапряжением, которое задается имперской стратегией этнической ассимиляции. В избыточно большом поле биологические механизмы поддержания определенного этнического типа начинают ломаться. Исходный антропологический тип перестает воспроизводиться. На разных территориях возникают свои собственные локальные общности. Так рождаются новые этнокультурные единицы, которые ориентированы на самостоятельное развитие. Они проходят процесс этногенеза; у них начинается своя история. Примеры такой эволюции демонстрирует история Южной и Северной Америки.

Сегодня на биологическом воспроизводстве русских сказывается усталость и историческое перенапряжение, речь о котором шла выше. На это генеральное обстоятельство накладывается

сумма кризисов перехода, которые разворачиваются на протяжении последнего столетия и накладываются один на другой. Кризис перехода от экстенсивного к интенсивному типу развития накладывается на кризис перехода от империи к национальному государству. Переход от социалистической системы к рынку усугубляется переходом от многовекового изоляционизма к включению в глобальный контекст. По оценкам специалистов, «социальное дно» в современной России насчитывает 10,8 млн. человек. Из них 3,4 млн. — нищие; 3,3 млн. — бомжи; 2,8 млн. — беспризорные дети; 1,3 млн. — уличные проститутки [Римашевская, 2003].

Российское общество несет на себе серьезный груз генетических аномалий. Так, 10% поступивших в школы в последнее десятилетие не могут осилить программу [Римашевская, 2003]. Более половины призывников имеют ограничения по состоянию здоровья. В среднем по стране призывные комиссии признают ограниченно годными к военной службе 54% призывников [Мед. вестник, 2001]. До 25% солдат срочной службы комиссуются впоследствии по состоянию здоровья [Собеседник, 2000]. По количеству самоубийств на душу населения Россия занимает третье место в мире, следуя за Шри-Ланкой и Казахстаном. По данным Агентства социальной безопасности (АСБ), в России в молодежной среде фиксируется 53 случая самоубийств на 100 тысяч человек. Ежегодно в стране совершается около 50 тысяч самоубийств. Убийств — около 40 тысяч [Крим. новости, 2002]. Как указывает академик Т. Заславская, «более 2 млн безнадзорных и беспризорных детей живут вне семей, в подвалах и на чердаках, промышленя, главным образом, воровством» [Заславская, 2003]. Россия содержит в тюрьмах 605 заключенных на 100 тысяч жителей, уступая первое место в мире только США (710 заключенных на 100 тысяч). Каждый четвертый мужчина в нашей стране — бывший заключенный [Тюрьма и воля, 2002]. Из миллиона российских заключенных 100 тысяч больны туберкулезом в активной форме. Причем четверть из них не поддается излечению обычными лекарствами. Около 30 тысяч больных ежегодно выходят на свободу [Афанасьев, 2001]. Традиция алкоголизма на наших глазах дополняется растущей наркоманией. Уровень смертности от случайного алкогольного отравления составил 35 тысяч смертей в год [Афанасьев, 2001]. Почти 4 млн россиян пробовали наркотики, а более 2,5 млн граждан России регулярно употребляют их [Герасимов, 2000]. Эта статистика сама по себе свидетельствует о серьезном кризисе и указывает на стратегические риски.

Значительный сектор русского народа демонстрирует психологическую и культурную неготовность к жизни по-новому. Миллионы людей ориентированы на доживание. По данным ВЦИОМ, доля тех, кто не смог приспособиться к новым условиям, составляет 15% населения, или свыше 20 млн человек. На колоссальные социально-культурные проблемы накладывается угнетение человека, связанное с растущими экологическими проблемами. В такой ситуации биологическое воспроизводство русского народа тормозится. Сводить проблему к тяжелым экономическим условиям было бы некорректным упрощением. Российское общество в целом и русский народ как его основа переживают системный исторический кризис. Подчеркнем, это — исторический кризис. Он не сводится к тем или иным просчетам или порокам постсоветского развития. Нынешний кризис выражает суммарный результат длительной исторической эволюции. Мы можем указать лишь на некоторые составляющие кризиса и рассмотреть отдельные механизмы его развития.

Прежде всего, приведенная статистика иллюстрирует описанный в предшествующей главе особый режим воспроизводства традиционного субъекта. Мы наблюдаем процесс выведения из бытия зашедшего в тупик традиционного целого. В кардинально изменившихся условиях человек традиции полностью утратил онтологические основания бытия. Приватная сфера, частная жизнь, ценности отдельного человеческого существования не онтологизированы в традиционной русской культуре, лишены самостоятельного смысла, возможны лишь как дополнение к неким трансцендентным целям и смыслам (Царствие Божие, величие державы, победа коммунизма во всем мире и т.д.). С крахом устоявшегося космоса массовый человек обнаружил, что в нем что-то оборвалось и пружина, заставлявшая его двигаться, лопнула. Он не находит в себе сил противостоять хаосу и не видит смысла «упираться рогами» ради самоподдержания и благополучия близких.

Мало того, люди, веками жившие в убеждении, что богатство — грех, люди, которым на протяжении жизни трех поколений объясняли, что хапуга омерзителен, кулак — враг общества, а слова «мещанин» и «торговка» — ругательства, неожиданно для себя очутились в мире, который сошел с ума: носители репрессируемых инстинктов обрели социальную санкцию, преуспели и на глазах превратились в хозяев жизни. Понятно, что отчаявшиеся традиционалисты спиваются, убивают друг друга в пьяных драках и замерзают в плохо отапливаемых больницах, а их дети нюхают клей в подвалах и пополняют молодежные прес-

тупные группировки. Носители антибуржуазного сознания уходят из жизни.

Заметим, что описываемые процессы с особой силой затрагивают именно русских. Молодой выходец с Кавказа с чистым сердцем и спокойной душой стоит по двенадцать часов на рынке, ибо знает, что Пророк был племянником купца. Он твердо знает, что его человеческий долг — содержать жену и детей, что мужчина должен построить собственный дом, в котором царит достаток, что богатство делает человека уважаемым.

Итак, можно констатировать в российском обществе *разрыв континуитета и слом культурных механизмов, задающих картину мира, систему ценностей и ориентиров, — механизмов, формирующих сферу смысловожизненных позиций*. Идейный кризис социально-культурного перехода срывает как фактор, блокирующий биологическое воспроизводство российского общества. Давно стали расхожими утверждения, что «наш» народ не может жить без великой цели, грандиозной идеи, захватывающей дух перспективы. Либерально мыслящий интеллектуал в ответ на это может усмехнуться, зафиксировав онтологическую тоску средневекового человека, попавшего в постсредневековое, секулярное общество. Между тем за этими утверждениями скрывается объективная потребность миллионов людей. Пока она не удовлетворена, импульсы реставрации исчерпанной культуры и идеократической перспективы остаются. Традиционная имперская культура — целостный феномен. Она наделяет человека смыслом жизни, формулирует личные и общественные цели, дарует носителю этой культуры чувство самоуважения.

Мало объяснить гражданину, что национальное государство не равно империи. Необходимы позитивные сценарии личного и общественного развития. Опыт послевоенного развития таких стран, как Германия, Италия и Япония, свидетельствует в пользу стратегии переключения энергии общества с милитаристского на консьюмеристский сценарий*. Многие люди не только отказываются жить в новом мире, но и просто не понимают этот мир. Не постигают его природу и его законы. Не видят, зачем жить, каков смысл такой жизни, в чем состоят ее цели. Люди умирают не от бедности, задержек в выплате зарплат или холода в квартирах. Во времена Гражданской и Отечественной войн испытания, выпадавшие на долю массового человека, были неизмери-

*В этом аспекте реклама делает свое дело. Но этого явно недостаточно. Профанированный в советской культуре потребитель нуждается в культурной реабилитации.

мо серьезнее. Людей губит ощущение утраты перспективы и чувство безысходности.

Следующий фактор — *слом механизма ассимилятивного воспроизводства русского народа*. Центры этнической консолидации, которые веками выступали донорами и составляли базу ассимиляции, оказались за рамками политической границы Российского государства, или переживают свой собственный кризис, или охвачены процессами национального возрождения.

Начнем с самого мощного — Украины. Обретение независимости, создание национального государства коренным образом изменило украинские этнические потоки в пределах Российской Федерации и поменяло психологический климат, диктовавший прежде ассимилятивные сценарии. Украинское государство проводит последовательную политику формирования нации и национального государства. В Украине процесс русской ассимиляции остановился. Часть украинцев, проживавших на территории РФ, возвращается на историческую родину. Большая часть проживавших в России украинцев осталась, однако и для них культурный статус украинской идентичности вырос.

Движение украинцев на территорию РФ сохранилось. Прежде всего речь идет о временной, трудовой миграции. В строительстве, в сфере торговли, на «северах» работает довольно много украинцев. Однако качественные характеристики и объем этого потока не сопоставимы с устойчивыми значениями советского и досоветского времени. В СССР центр, и прежде всего столица, оттягивал на себя ярких, талантливых, перспективных специалистов в любой сфере деятельности. Относительно Москвы Киев был провинцией, которую охотно покидали честолюбивые молодые люди. Сегодня перед честолюбивым гражданином Украины открываются немыслимые прежде перспективы. Он может учиться в Гарварде, работать в Кёльне, открывать свой бизнес в Канаде. Понятно, что в РФ едут наиболее традиционализированные, наименее модернизированные граждане Украины.

Вообще говоря, в окружающем нас мире действует универсальная закономерность: в массовом порядке люди перемещаются с востока на запад и с юга на север. В рамках этой логики миграция из Украины в Россию сегодня соответствует переезду из центральной России в Казахстан. В особых случаях такая эволюция возможна; в массовом порядке — нет.

Изменилась ситуация и в другом центре этнической консолидации — на Юге России. Условием роста, развития и сохранения этноконфессиональной идентичности Юга России было доминирова-

ние славянского населения Юга. Требуемая пропорция достигалась за счет постоянного притока населения из Украины, который продолжался веками, с одной стороны, и регулирования притока из неславянских регионов страны — с другой. Распад СССР перекрыл поток с запада и задает поток с юга и востока. В регионе смещаются этно-конфессиональные пропорции. Это создает опасность превращения Юга в лучшем случае в мультикультурное сообщество, что вызывает острую реакцию казачества и местной администрации.

Ситуация в третьем центре этнической консолидации — в Волго-Уральском регионе — заслуживает отдельного разговора. Идель-Урал переживает оживление, связанное с процессами национального возрождения. В городах много смешанных браков и, соответственно, много людей с неопределенной или двойной идентичностью. Население региона практически двуязычно. По-русски говорят все, по крайней мере в городах. Однако значимость национальной идентичности нарастает, исламская идентичность, осознание своей общности с исламским миром также растет. Появились признаки этнического выталкивания русских из татарской и башкирской среды. Эти процессы естественно проблематизируют ассимиляцию. Можно полагать, что вектор происходящих процессов будет зависеть от того, как станет развиваться общая ситуация в России, как в нашей стране будет изменяться соотношение христиан и мусульман, тюрков и русскоговорящих, будет ли формироваться мультикультурное общество. Относительно Волго-Уральского региона перемещение в центральную Россию — движение на запад. Для жителей Казани Москва — столица и крупный европейский город. Эти обстоятельства работают на ассимиляцию вестернизованных городских слоев местного общества.

Ассимиляция башкир и татар русскими происходит с XV века. Пик этого процесса, по-видимому, был пройден в XX веке. Татарское и башкирское общества в достаточной степени модернизированы и урбанизированы. Уровень рождаемости здесь несколько выше, чем средние показатели по России. Резерв избыточной рабочей силы не ощущается. Можно предположить, что в ближайшие десятилетия этот регион будет медленно и устойчиво развиваться, сохраняя русскую компоненту и наращивая компоненту национальную.

Диалектика интегративных и этносепаративных тенденций охватывает всю страну, преломляясь по-разному в каждом регионе. Особого внимания заслуживает ситуация на Кавказе. Специалисты фиксируют процессы дерусификации, этнического выталкива-

ния русских по всему Северному Кавказу. Ранее русские заселяли Кавказ, русифицировали и ассимилировали местное население, однако коренные русские области были закрыты для миграции с Кавказа. Вначале на это работала стадильная дистанция между обществами Кавказа и обществом центральной России. Традиционные культуры, как правило, самозамыкаются, а их носители не рвутся в урбанизированные имперские центры. Затем миграцию с Кавказа тормозил институт прописки. Теперь же картина перевернулась: кавказцы выдавливают русских из своих областей и едут в Россию, осваивая прежде всего столицу и крупные города.

Эти процессы попали в поле общественного внимания и породили серьезную психологическую и культурную проблему. Ситуация в Москве и столичном регионе, где в последние годы заметно, а для многих разительно выросла доля выходцев с Кавказа, и прежде всего азербайджанцев, оживленно обсуждается в СМИ. Достоверной статистики не существует. В прессе называют разные цифры – вплоть до двух миллионов в Москве и Московской области, – на наш взгляд явно завышенные. Традиционно мыслящие жители столичного региона точно ухватили болезненный нерв происходящего: вектор этнической миграции изменился и тюркоязычный поток явственно захватывает центр России. Эта ситуация переживается достаточно болезненно. В принципе можно полагать, что мигранты включатся в процессы культурной ассимиляции. Однако конфессиональный барьер в контексте исламского возрождения и растущее национальное самосознание жителей Кавказа обещают, скорее, формирование мультикультурного общества. Возможно, что мы присутствуем при очередных подвижках границы между русским и туранским этнокультурными мирами.

При всех обстоятельствах, оценивая миграцию с тюркоязычного Кавказа, надо иметь в виду, что человек, переселяющийся в центральную Россию, совершает выбор между Стамбулом и Москвой. Очевидно, что Стамбул этнокультурно ближе, представляет собой огромный рынок рабочей силы, притягателен как одна из блестящих столиц и безусловная столица тюркского мира. Если при всем этом азербайджанец выбирает Москву, то за этим выбором стоят некоторые существенные мотивы. Часто такой выбор свидетельствует о стратегической готовности к ассимиляции. Мигрант женится на русской девушке, которая рождает ему детей, получает законную регистрацию, строит дом, перевозит свою большую семью. В результате вся эта ячейка включается в процессы взаимоассимиляции, которые растягиваются на поколения, но ничего принципиально нового в себе не несут. В све-

те этих соображений иррациональные страхи перед «лицами кавказской национальности» оказываются несостоятельными.

Ситуацию в Сибири оценить сложно. Из общих соображений следует, что интегративные процессы в Сибири были возможны на фоне постоянного притока населения из центральной России. Последнее же десятилетие наблюдается явный отток из Сибири. Так, по данным Л. Драчевского, за последние несколько лет отток населения из Сибири составил 1,5 млн человек [Байк. экон. форум, 2002]. Причем это происходит на фоне активизации местных идентичностей. Скорее всего, русская ассимиляция местного населения снизилась в своих объемах или прекратилась. Есть сведения о численном росте населения западносибирских татар*. Каких-либо данных о положительной динамике рождаемости русскоязычного населения Сибири нет.

В России веками происходила ассимиляция диаспорных народов – греков, евреев, немцев и др. Логика разворачивания этнокультурных процессов в многонациональной России действовала таким образом, что в смешанных браках, будь то смешанный брак с русским супругом или с представителем любого другого народа, дети представителей диаспорных народов скорее интегрировались в русскую культуру. Часть населения, принадлежащего к этим этносам, в ходе распада СССР оказалась за границами РФ. Среди оставшихся наблюдается этнокультурная активизация и растет движение за возвращение на историческую родину. Так, исход евреев и немцев из России продолжается быстрыми темпами. Соответственно, этот резерв ассимиляции исчерпывается на наших глазах.

Интегративная политика государства

Государство жизненно заинтересовано в интегрировании всего общества, в создании и совершенствовании политических, экономических, культурных и правовых скреп, объединяющих граждан в одно целое. Эти задачи становятся безусловно приоритетными в эпоху слома и трансформации прежних идентификационных систем, поиска новых моделей самовосприятия, которые в конечном счете составляют фундамент возникающих социальных и политических институтов. Как пишет В. Соловей, «при всей значимости новых политических и эконо-

* Согласно данным Тобольского краеведческого музея. Информация получена от В.Л. Каганского.

номических институтов, коммуникаций, государственных атрибутов и символов, не менее, если не более важным для успеха государство- и нациестроительства представляется формирование устойчивого образа нации и государства в массовом сознании... Всякий символ остается пустышкой в сознании людей, если он не “включает” механизмы коллективного бессознательного» [Соловей, 2003: 98].

Речь пойдет о ментальных и психологических скрепах, благодаря которым держатся общество и государство. Глубинные основания нации и государства формируются в сознании людей. Широкоизвестное высказывание Ренана: «Нация – это ежедневный плембесцит» – акцентирует человеческую свободу. Человек может воспроизводить этнокультурные организмы и политические институты, а может устраниваться, уехать, работать на разрушение общества и государства. Социально ценный выбор в этом ряду альтернатив задается переживанием принадлежности к нации и государству, которое описывается в понятии идентичности.

Крушение СССР и возникновение РФ остро поставило проблему смены идентичности. Миллионы людей задались вопросом: «Если я не советский человек, то кто же?» Здесь надо подчеркнуть, что имперская и национальная идентичности качественно различны. Имперская носит идеологический характер: «я – православный», «я – добрый католик», «я – правоверный», «я – советский человек». В царской России слово «русский» означало: а) православный, б) признавший власть «белого царя». Понятие «советский человек» строилось по той же идеологической модели. Идентичность, присущая национальному государству, внешнеидеологична. Она имеет этнокультурную, политическую, цивилизационную составляющую, но не предполагает принадлежности к конфессии или идеологии, конституирующей государство.

Утверждение «я – русский» проблематизировалось. В обществе давно идет полемика по поводу содержательного наполнения национальной идентичности. Либералы, русские националисты, идеологи, принадлежащие к лагерю имперской реставрации, правящая элита – каждая из этих групп предлагает свое видение проблемы. Здесь возникает целый ряд проблем теоретического и идеологического характера, связанных с имперскими компонентами традиционного русского самосознания, а также с множеством теоретических подходов к этнической идентичности [Тишков, 1997; Коротеева, 1999; Миллер, 1997].

Надо сказать, что в советскую эпоху разворачивался тревожный для русского народа процесс: общесоветская идентичность

русских абсолютно превалировала над этнической вплоть до начала 1990-х годов. Социологические опросы эпохи перестройки показывают поразительное различие в самоопределении русских и представителей других народов СССР (молдаван, украинцев, эстонцев). Если последние осознавали себя молдаванами, украинцами и т.д., то русские определяли себя – «советский человек». В 1989 году удельный вес категории «советский человек» среди самохарактеристик русских в РСФСР составил 30%, а среди самохарактеристик жителей Москвы и Ленинграда – 38% [Дробинцева и др., 1996]. Иными словами, треть русских, живущих на своей этнической родине, предпочитали идеологическую идентификацию.

Слабость русской этнической идентичности была закономерным результатом имперской политики. СССР строился и поддерживался прежде всего за счет мобилизации русских этнических ресурсов. Кроме того, советское руководство настороженно относилось к любому национализму и росту национального самосознания, справедливо усматривая в этих сущностях ростки деструктивных тенденций. Если Российская империя была государством, где русский и православный был человеком первого сорта, то в СССР сознательно насаждался другой тип идентификации. В империи на позднем этапе ее существования иначе и быть не может. Авторы из лагеря русских националистов (И. Шафаревич, А. Солженицын, М. Назаров) склонны были искать истоки нынешнего кризиса в антирусской направленности или специфической злокозненности коммунистического руководства страны. Но это не так. Здесь мы сталкиваемся с объективной закономерностью развития поздней империи. Разрастаясь и дряхлея, традиционная империя вступает в неразрешимый конфликт с объективными интересами народа – создателя империи. Отметим, что политика, выражаемая тезисом «Слабая Сербия – сильная Югославия», лежала в основании титовской Югославии. Перед нами объективная закономерность. Власть на этапе заката империи вынуждена жертвовать интересами населения метрополии во имя сохранения имперского целого [Яковенко, 1999]. У советского руководства не было иного выхода. Вернее, выход был и состоял в роспуске Союза, но для этого шага были необходимы такие изменения сознания и социальных отношений, которые перечеркивали советскую власть.

Характерно, что среди других народов и народностей СССР (которые наравне с русскими были объектами идеологической обработки) этническая идентичность сохранялась, и это различие

в самоопределениях указывает нам как на имперский характер государства, так и на то, какой именно народ был создателем империи. Но поскольку ситуация кардинально изменилась, необходимо по-другому взглянуть на проблему национально-государственной идентичности.

Распад Союза поставил на повестку дня проблему государственной стратегии формирования национальной идентичности. На этом пути сразу же возникает сложноразрешимая проблема русского национализма. Дело в том, что национальное сознание не может формироваться вне цивилизованного гражданского национализма, который выступает в качестве естественного и неустранимого компонента. Российская же ситуация сложилась таким образом, что правовая демократия и либеральные ценности в нашей стране находятся в антагонистических отношениях с идеями русского национализма. Тому есть объективные причины.

Традиционный русский национализм, возникший в XIX веке, был великодержавно-имперским. Националисты видели Россию русской империей и боролись за лидирующие позиции внутри страны [Меньшиков, 2000]. В советское время идеи русского национализма, как и любого другого национализма, были запрещены. Однако соответствующие настроения и их носители существовали на всех уровнях общества. Были они в творческой, партийной и государственной элитах страны*. Но это были именно настроения, разрозненные идеи, неоформленные общественные течения, вынужденно существовавшие в несобственной форме или в нелегальной, подпольной реальности. Поскольку любое внекоммунистическое идейно-политическое развитие общества блокировалось, идейное наследие русских националистов было утрачено, движение разрушено, произошла примитивизация и архаизация националистической мысли. Носители этих идей группировались вокруг Русской православной церкви и символов православия. Дальше отрицания советского этапа отечественной истории и идеализации «России, которую мы потеряли» дело, как правило, не шло. Русские националисты не прошли идейной эволюции, которая завершилась бы отрицанием империи.

Перестройка эксплицировала и легализовала националистические настроения, но тут обнаружилось, что постсоветский русский национализм носит великодержавно-имперский характер, противостоит исторической динамике, болен тенденциями изоляционизма, ксенофобией, склонен блокироваться с любыми ре-

* Наиболее полное исследование: *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

акционными движениями. Иными словами, он решительно не komponуется в перспективу построения правовой демократии и национального государства. Те политические и идейные силы, которые завладели националистическими смыслами, воплощают антилиберальные ценности и идеи имперской реставрации. Они замыкаются в своей прессе и политических движениях, не склонны к конкретной дискуссии, теоретически беспомощны*. Наше убеждение состоит в том, что перед нами вовсе не органическая природа русской национальной идеи, о чем темпераментно пишет, например, А. Янов. В противном случае мы должны согласиться с С. Кургиняном и объявить русский народ империалистом по своей природе. В действительности мы имеем дело с определенной стадией развития национальной идеи. Нормальная общественно-политическая ситуация в стране, политический процесс, широкий диалог в конце концов изменят конфигурацию русского национализма. Однако подобная эволюция требует времени. Пока же идеи, вокруг которых консолидируется «русская партия», порождают широкий спектр ностальгических настроений, реставрационных интенций, беспочвенных претензий и обид, генерирует хамски-покровительственное отношение к бывшим «младшим братьям» и т.д. Эти настроения дают себя знать на всех уровнях общества, сказываются в политическом дискурсе, в прессе; так или иначе сказываются на уровне большой политики.

К этому можно относиться по-разному. В происходящем можно усмотреть культурную инерцию и болезненный процесс психологической адаптации, рассудив, что время залечит. Сегодня никто из вменяемых людей не притязает на государственность Польши или Финляндии, вышедших из России в 1917 году, и не рассматривает эти страны как «ближнее зарубежье». Эта утрата опривычена; статус-кво осознается как нормальное положение вещей.

Но здесь возможна и другая точка зрения. Высказанная А. Чубайсом идея «либеральной империи» и массовая реакция на конфликт вокруг о. Тузла свидетельствуют о достаточно высоком потенциале имперской мобилизации. Этот потенциал существует не сам по себе. Существуют социальные силы, которые информационно и политически подпитывают ностальгически-реставрационные настроения. Играя с ностальгическими смыслами, обращаясь к имперской символике, последовательно фиксируясь на историческом континуитете между СССР и РФ, можно не

*Из последних публикаций, например, см: Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии /Под ред. А. Трапковой. М.: ОГИ, 2003.

только наработать политический капитал на традиционалистском спектре общества, но и заиграться.

История свидетельствует о том, что в случае возникновения национального государства на территории бывшей имперской метрополии необходима специальная государственная стратегия формирования новой идентичности. Государство должно целенаправленно заниматься трансформацией сознания вчерашнего имперского человека в гражданина национального государства. В противном случае в обществе существует опасность возобладания тенденции имперской реставрации. В этом нас убеждает история межвоенной Австрии и Веймарской Германии (будем помнить о том, что кайзеровская Германия была молодой, но энергичной колониальной империей). Отсюда прямо вытекают серьезные политические риски обострения внешнеполитической ситуации, изменения имиджа страны, политической изоляции России, формирования антироссийских коалиций и т.д.

К 1994 году сформировалась концепция российской политической нации. Концепт нации-согражданства был заложен в новую конституцию. Понятие «россиянин» прочно закрепилось в массовом сознании. В конце 1990-х годов чувство общности «со всеми россиянами» выражали 27,8% русских [Бызов, 1999:70]. Однако более подробный анализ содержательных характеристик конструкта «россияне» свидетельствует о том, что содержание новых идентитетов осталось в основном старым. Достаточно привести ряд опорных символических фигур: Петр I, Ленин, Сталин, Жуков, Суворов, Кутузов [Гудков, 2002]. Эти и другие данные позволяют исследователям рассматривать современную российскую идентичность как превращенную форму идентичности советской. Так, Л. Бызов полагает, что национальная мифология постсоветского общества базируется на ценностях позднесоветской эпохи (стабильность, социальная защищенность, державность).

В принципе традиционное сознание всегда стремится осмыслить новое как переименованное старое. Но это – инерция обыденного сознания. Результат почти что десятилетнего развития должен предполагать не только действие инерционной составляющей, но и целенаправленную политику государства. В содержательном отношении новой идентичности не получилось. С нашей точки зрения, это свидетельство того, что сама элита государства не определилась стратегически. Сознание ее разорвано. Психология «два пишем – три в уме» задает

внутренне противоречивую, непоследовательную политику, заставляет обращаться к ностальгическим смыслам и т.д. Распад СССР превратился в «скелет в шкафу» новой российской власти. Психологическую травму распада бережно сохраняют, подпитывают, поддерживают многочисленные политики и идеологи. Правители новой России периодически делают символические жесты, которые можно трактовать в духе усилий по собиранию земель заново. В новой России не нашлось политической силы, которая взяла бы на себя мужество громко заявить, что роспуск СССР – самая большая историческая удача, выпавшая на долю русского народа за последние 50 лет. Если РФ – национальное государство, то оно не может горевать о роспуске империи, отрицавшей идею национального российского государства. Если же РФ – база для реставрации имперского целого, то тогда и российская конституция, и официальная риторика – не более чем тактическая ложь. Эта двусмысленность подрывает самые основы существования РФ и разрушает перспективу национальной интеграции. В этом отношении поучителен югославский опыт. Любые попытки реставрации имперского целого несут в себе серьезные риски дезинтеграции РФ.

Описываемая нами борьба с реальностью происходит на фоне процессов, ставящих под вопрос перспективу национальной интеграции РФ. Политическая нация должна иметь мощную этнокультурную привязку. Ее можно обеспечить через навязывание меньшинствам мифов и символов доминирующей этнической группы, то есть через ассимиляцию, либо сконструировав новую мифосимволическую систему [Коротева, 1997]. Однако, по мнению специалистов, рост этнического (и, добавим, конфессионального, цивилизационного) сознания нерусских народов, активно культивирующих собственные мифы, не позволит им принять русские мифы в качестве основополагающих. Другим препятствием на пути ассимиляции выступает растущая иммиграция неславянских народов [Соловей, 2003:104]. Масштабы этого явления позволяет оценить следующая цифра: в настоящее время в России насчитывается более 4 млн только нелегальных мигрантов, в основном из стран СНГ и Китая [Красинец и др., 2000: 82].

Нации интегрируют чувства цивилизационной, этнокультурной, политической и гражданской общности. Нации интегрируются осознанием общности национальных интересов. Нации порождают национальных героев и создают нацио-

нальные мифы. На всех этих направлениях строительства российской нации видятся серьезные проблемы, подлинная природа и масштаб которых не осознаются обществом. Проблемы, для решения которых не предложено даже теоретических путей. Здесь таятся серьезные стратегические риски.

Постсоветская реальность. Императив глобализации

Природа человека принципиально несводима к биологической компоненте. Человек несет в себе духовную, или культурную, составляющую, вне обращения к которой понять что-либо в жизни человека невозможно. Эти соображения относятся и к этносу. Его существование задается не только факторами биологического и экологического порядка. Воспроизводство народов — процесс, не тождественный динамике популяции зайцев или термитов. Механизмы воспроизводства зрелого этноса сложны, включают в себя множество составляющих биологического, социального, культурного, наконец, общеисторического порядка. Эти факторы и механизмы еще не описаны исчерпывающе и до конца не изучены. Процессы демографической динамики носят объективный характер и слабо поддаются управлению. Мы только продвигаемся по пути постижения внутренней логики процессов этнокультурной динамики.

Среди значимых параметров воспроизводства, которые открываются исследователю, назовем один — устойчивое позитивное самоощущение, вытекающее из совпадения картины мира, парадигмы человеческой жизни (как личной, так и общественной), задаваемой той культурой, которую разделяет этнос, и подтверждаемой опытом реальности. Пока жизнь массового человека подтверждает базовые параметры и картину мира, самовоспроизводство народа идет успешно. Но если однажды люди осознают, что родная культура перестала объяснять мир, а «наши» боги отвернулись от нас или оказались поверженными чужими богами, воспроизводство социокультурного космоса переживает глубочайший кризис, нарушается, прерывается. Так бывает в случае настоящей исторической катастрофы. Данный человеку от рождения мир в силу непостижимых причин рассыпается. Понять, почему это произошло, невозможно; находясь внутри изжившей себя культуры, в принципе невозможно постигнуть причин ее гибели. Выработать какую-либо эффективную линию поведения в сложившихся условиях также невозможно. Глубокий стресс и отсутствие ориентиров задают паралич воли.

Дезориентированное общество, народ, утративший историческую перспективу, в принципе не может воспроизводить себя как био-социо-культурную целостность. Исторический крах, будучи осознан, запускает процессы глубокого переформирования этноса. Здесь возможны два сценария. Проигравший этнос спускается на стадийно предшествующий, нижестоящий уровень и окукливается (курды, айсоры, ацтеки). В этом случае проигравшая существование на уровне государства этнокультурная целостность находит нишу для существования на уровне племени. Понятно, что при этом радикально изменяются культура, психология, образ жизни. В ином случае этнос полностью сходит с исторической арены (римляне, византийцы).

Подобный исторический переход растягивается на жизнь нескольких поколений. Переживающая системный кризис общность утрачивает привлекательность в глазах как своих собственных носителей, так и представителей других народов. Рушатся механизмы ассимиляции, растет число смешанных браков, люди уезжают, уходят в другие конфессиональные, цивилизационные и этнические общности. Наиболее информированные, гибкие покидают проигравший народ первыми. Так, к примеру, разворачивались события в ходе увядания и исторического краха золотоордынского этноса. Треть дореволюционной российской аристократии составляли выходцы из Золотой Орды, Казанского и Астраханского царств.

Мы переживаем эпоху глубоких изменений мироощущения граждан России. Советская пропаганда десятилетиями закладывала в сознание людей положительный сценарий. Наша страна — одна из величайших в мире, мы на подъеме, нам не страшны никакие перемены. Кризисные явления замалчивались, а любые разговоры об упадке, стратегической перспективе изменения статуса государства были невозможны. В своем большинстве российское общество не готово осознавать реальность.

Реальность же состоит в том, что белая раса, к которой принадлежит русский народ, прошла пик численности в начале 1925 года и теперь сокращается. При этом она контролирует 70% совокупного мирового богатства. Россия, составляющая 2,5% от общей численности населения мира, производит 1,3% в мировом ВВП, насчитывает 1,6% в мировом экспорте и 0,8% в мировых инвестициях. При этом территория РФ составляет 1/8 от территории земного шара. В России с 1992 года началась естественная убыль населения. Россия вступила в период депопуляции, и для нее характерны черты демографического перехода, присущие так называемому «золотому миллиарду» [Население,

2002: 200]. Советский Союз 75 лет раскалывал мир христианской цивилизации и белого человека, мобилизовывал страны третьего мира на борьбу с империализмом. Вооружал, обучал и поддерживал самых непримиримых врагов Запада. Создавал идеологические фикции типа «всего прогрессивного человечества». Непредложные законы истории сработали, и теперь русский народ разделяет судьбы белого человека.

Приведенные выше цифры характеризуют промежуточный результат некоторого объективного процесса. Российское общество столкнулось с историческим вызовом, смысл которого оно пока ещё не в состоянии осознать. Налицо признаки самого пугающего — гносеологического — кризиса, кризиса адекватного понимания происходящих процессов, речь о которых шла выше. Либо мы сможем обновить свое видение, выйти за рамки накатанных схем и выработать адекватные (подчеркнем, не привычные, не предпочтительные с точки зрения нашего культурного мышления, а соответствующие объективной реальности) ответы на современные вызовы, либо... Историки будущего, вне всяких сомнений, все объяснят, но для нас было бы предпочтительнее, если бы ответы и объяснения нашли мы — современники процесса.

В сознании значительной части русских людей поселился страх утраты исконного идентитета. Эксцессы скинхедов или решения казачьих сходов о выселении цыганских семей за пределы станиц свидетельствуют о сбоях в механизмах традиционного воспроизводства русского мира. Русские веками существовали в контексте имперского государства, которое проводило последовательную политику, направленную на расширенное воспроизводство русских. Прежнего государства не стало, объективные условия складываются таким образом, что государство не может ограждать пространства центральной России от свободного перемещения представителей разных национальностей. Отсюда страх перед будущим, который переживают носители традиции, и вызванные им радикалистские действия.

Существует деликатная тема: проблема этнической толерантности русских. Из разных лагерей на этот счет звучат глубоко различающиеся оценки. Вообще говоря, меру толерантности оценить достаточно сложно. Легко можно подобрать примеры как подтверждающие, так и противоречащие любому суждению на данный счет. Не вдаваясь в оценки, заметим, что в традиционном обществе негативное отношение к инородцу — один из инструментов ассимиляции. Оно совершенно не обязательно должно носить крайние формы. Некоторая «рассеянная санкция», постоянное давле-

ние, естественно подталкивает человека к принятию стандартов и моделей поведения, принятых в доминирующей культурной среде. Вхождение в язык, культуру, образ жизни доминирующего населения снимает или по крайней мере минимизирует давление на «другого». Давление на «другого» — воплощение интегративной интенции традиционной культуры. Естественно ожидать устойчивого закрепления этого механизма в культуре имперского народа.

Однако описанный нами механизм имеет парадоксальное свойство поворачивать вектор при кардинальном изменении ситуации. Если «мы» оказываемся в меньшинстве, то заданная культурой установка на гомогенизацию и противостояние тем, кто выделяется, сдвигает русского к ассимиляции в чуждой среде. Традиционные российские механизмы ассимиляции были одним из элементов экстенсивно развивающегося имперского целого и работали в ситуации, когда носитель русской идентичности жил с осознанием безусловного доминирования: мы в большинстве, за нами истинная вера и сила государства, за нами перспектива. Как поведут себя эти механизмы в новых исторических условиях, сказать трудно. Из последних событий, имеющих отношение к этой теме, вспоминается, возможно, частный, но показательный эпизод: в Архангельской области возникла мусульманская община, состоящая из этнических русских.

Процессы глобализации разворачиваются в высшей степени энергично и на наших глазах формируют новую реальность. Одна из составляющих глобализации — миграция, объем которой нарастает по мере разворачивания демографического перехода в странах — лидерах мировой динамики. Снижение рождаемости в странах-лидерах, рост числа мигрантов и заданные процессами глобализации изменения в образе жизни, культуре, социальных структурах общества привели развитые страны к радикальным сдвигам в принципах иммиграционной политики.

Прежде государство регулировало иммиграционные потоки, следя за тем, чтобы традиционный расово-этнический баланс в стране не был нарушен. Страны, принимавшие иммигрантов, реализовывали политику этнической гомогенизации, за которой закрепилось название «тигль плавильного котла», предполагавшую принятие иммигрантами базовых ценностей, установок, моделей поведения, образа и стиля жизни, характерных для ядра нации*. Практически модель плавильного котла близка к хорошо

* Эта иммиграционно-ассимилятивная модель восходит к имени Томаса Джефферсона.

знакомой нам модели классической ассимиляции. Однако после Второй мировой войны большинство развитых стран перешло к ассимиляционно-иммиграционной модели, получившей название «миска салата». В рамках данной модели объемы иммиграции существенно возрастают, а сам процесс регулируется менее жестко. «Миска салата» предполагает отказ от явных форм ассимиляции. Иммигранты интегрируются в общество на условиях принятия базовых политических принципов, законов и практик общезжития, сохраняя собственные традиции, образ жизни, нормы и принципы, если последние не противоречат законам страны.

Реализация принципов, заложенных в новой ассимиляционно-иммиграционной модели, привела к существенным изменениям в расово-этническом и культурном ландшафтах развитых стран. Со временем эти изменения были осмыслены в парадигме «мультикультурализма». Мультикультурализм базируется на идеологии плюрализма культур внутри одного государства. Базовая ценность мультикультурализма — толерантность. Мультикультурализм предполагает подавление эмоциональных импульсов и аффективных реакций отторжения, профанации и демонизации «другого», восходящих к традиционной культуре, и опору на рациональные решения. Культурные различия в обществе предполагаются естественными. Приоритетная задача государства — достижение равенства перед законом вне зависимости от каких-либо культурных различий. Мультикультурализм порождает особый стиль взаимоотношений и специфическую этику поведения, самым приметным выражением которой служат принципы политкорректности.

Известны и подробно описаны детерминанты и императивы, продвинувшие страны Запада по направлению к мультикультурному обществу. Иммигранты из колоний были непривлекательны, труд их стоил существенно дешевле. Кроме того, в 50-е годы образовались экономические ниши, связанные с опасными или непрестижными профессиями и родами занятий, которые целиком были заняты представителями некоренного населения. Мигранты обеспечили Западную Европу контингентом дешевой рабочей силы, что позволило странам региона провести структурную перестройку экономики и достичь необходимого уровня конкурентоспособности западноевропейских товаров. Нельзя сказать, что реализация принципов мультикультурализма не рождает серьезных проблем. Как справедливо заметил В. Соловей, после 11 сентября 2001 года выяснилось, «что часть некоторых этнических групп в западных странах не только не разделяет поли-

тических принципов обществ, в которых живут, — что есть базовое условие мультикультурализма, — но и пытаются их подорвать. В результате западный политический дискурс обогатился понятием «внутреннего врага» [Соловей, 2003:104]. Тем не менее активная иммиграционная политика и установка на политику, выражаемую в понятии «миска салата», на некотором этапе развития представляется абсолютно неизбежной. В дальнейшем развитые страны могут ужесточать иммиграционную стратегию. Так, согласно прогнозу, после 2020 года миграция из развивающихся стран в развитые будет иметь тенденцию к снижению из-за жесткого контроля и стабилизируется на уровне 1,3 млн. человек в год [Население, 2002: 204].

Тенденции, которые сложились в странах Западной Европы после Второй мировой войны, наблюдаются и в Российской Федерации. В российском обществе разворачивается депопуляция. За десятилетие, в 1989–1999 годах, население РФ сократилось с 147 021 тысяч человек до 146 369 тысяч. При этом русские сократились с 119 866 тысяч до 117 883 тысяч. Эта убыль частично компенсируется миграцией [Орлова, 2001: 24]. В стране устойчиво сложились ниши, связанные с опасными или непрестижными профессиями и родами занятий, которые можно заполнить, только обращаясь к представителям некоренного населения. Россия остро нуждается в структурной перестройке экономики. Перед ней стоит проблема достижения необходимого уровня конкурентоспособности российских товаров.

Сегодня в России активно используется труд граждан из стран СНГ. Часть трудовых мигрантов неизбежно оседает в России. Законодательно закреплена практика контрактной службы в армии РФ в обмен на получение российского гражданства. Все это, безусловно, разумная политика. Масштабы привлечения выходцев из СНГ, по-видимому, будут только расти. Однако мы не можем представить себе отдаленных последствий подобных процессов. Скорее всего, трудовая миграция из Украины, Молдавии и Белоруссии будет снижаться по мере интеграции этих стран в европейские экономические структуры. Со временем основной ресурс миграции составят выходцы из Казахстана, Средней Азии и Кавказа. В подавляющем большинстве это представители тюркоязычных народов. Если в России будет складываться мультикультурное общество, то рано или поздно тюркоязычная диаспора начнет интегрироваться в единое целое. Представляется, что в стратегической перспективе в России будет последовательно нарастать доля тюрков. Российское общество продемонстрировало ус-

тойчивость в ситуации, когда русские (русскоязычные, славяне, люди христианской культуры) численно доминировали над тюрками. Когда соотношение славян и тюрков в рамках одного государства более или менее сбалансировалось, СССР распался.

Далее, миграционные процессы и сегодня не исчерпываются гражданами СНГ. Будем полагать, что негры, арабы или индусы и впредь останутся незначительными экзотическими группами. Другое дело – китайцы, корейцы и вьетнамцы. Средний российский обыватель не отличает китайца от вьетнамца. Эти народы принадлежат к одному культурному кругу и, при всех различиях и внутренних счетах, перед лицом резко отличающегося от них коренного населения России логикой противостояния и конфликтного взаимодействия агрегируются в некоторую общность. Для мигрантов из стран Дальнего Востока Россия – территория, знакомая достаточно давно. Китайцы и корейцы жили по всей Российской империи еще до 1917 года. Вьетнамцы осваивают Россию с 70-х годов прошлого века. Сегодня в России, прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке, проживает около 1,5 млн китайцев. По ряду экспертных оценок, к 2010 году число только китайцев на территории России может достичь 8–10 млн человек. Тогда они станут второй по численности национальной группой в стране после русских [Малахов, 2002].

Если эти оценки справедливы, то можно ожидать следующего развития событий: на территории России складывается два пространственно локализованных потока иммиграции. Западная, или европейская, Россия оказывается в поле тюркоязычной иммиграции, Сибирь и Дальний Восток – китайской. Предсказать, как выстроится граница между этими потоками, сложно. Условно можно принять, что она пройдет по реке Обь. Речь не идет о событиях, ожидаемых в ближайшее время. Но если наши предположения окажутся верными, последствия развития событий по такому сценарию будут носить стратегический характер.

Для честного и непредубежденного исследователя вопрос, готовы ли мигранты, большими массами переселяющиеся в Россию, разделить даже не русскую культуру, но гражданскую ответственность за государство, остается открытым. Другой, не менее остро стоящий вопрос: располагает ли Россия необходимым интегративным потенциалом? Способна ли она «переварить», хотя бы в самом предварительном порядке, миллионы людей? Наконец, готово ли российское общество к подобному развитию событий? Впрочем, на последний вопрос у автора есть ответ: российское общество не готово – по крайней мере сейчас – к тем

процессам, которые разворачиваются на глазах встревоженных и дезориентированных людей.

Значительная часть российского общества не понимает происходящих процессов, не считает их приемлемыми, отказывается признать существующее положение вещей и более всего желает возврата к устойчивой позавчерашней жизни. Налицо ценностная, психологическая и гносеологическая дистанция между объективной реальностью и реальностью сознания многих и многих людей.

Россия, базирующая свою национальную мифологию на великих военных победах, проиграла весь XX век. Положение России сегодня соотносимо с тем положением, которое наша страна занимала в начале XX века. Исторические поражения переживали многие. Условие выхода из кризиса, связанного с крупным поражением, состоит в принятии сложившегося положения вещей, серьезных выводах и большой работе по самоизменению общества. Такая работа завершается *сменой парадигмы исторического развития*. Так, бывшая Османская империя забывает об имперских амбициях и становится успешным национальным государством. Так, страны Антикоминтерновского пакта входят в новый, послевоенный мир. И Германия, и Италия, и Япония одержали своеобразный реванш, позволивший обществам этих стран примириться с поражением в войне. Это были победы на пространствах национальной экономики, уровня жизни, культуры, которые в конце концов позволили снять психологическую травму, обрести новое самоуважение, на равных войти в мировое сообщество. После краха коммунизма и распада СССР прошло 13 лет. За это время многое изменилось, но мы не можем зафиксировать те необходимые составляющие процесса вывода общества из кризиса, о которых речь шла выше.

Глава 7. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПРОБЛЕМА РИСКОВ

Проблема рисков, связанных с функционированием национальных интеграторов в постсоветской России, имеет существенное пространственное измерение. Россия занимает 1/8 часть суши земного шара. На этой территории располагаются различающиеся между собой по многим параметрам (тип поселений, образ жизни, доминирующий тип хозяйства, язык, принадлежность к традиционной конфессии, к определенной цивилизации, вписанность в ландшафтно-климатические условия, время проживания на данной территории, наличие или отсутствие «своего» государства за пределами РФ и т.д.) общности людей и человеческие коллективы. Объединение различающихся общностей, раскиданных на значительной территории, само по себе составляет проблему. Эта проблема находит свое разрешение в институте государства.

Наше общество структурировано Российским государством. Сообщества граждан, живущих на территории РФ, объединяются в единое политическое целое под названием Российская Федерация со столицей в городе Москве. РФ, как и всякое государство, покоится на согласии граждан. Ничто, кроме воли подавляющего большинства граждан, воспроизводящих изо дня в день систему устойчивых политических отношений, не воспроизводит государство. Вне этой воли любые политические институты и властные структуры бессильны.

Согласие граждан на государство вытекает из массы обстоятельств. Причем ключевым в этом ряду оказывается формирование широкой и многомерной общности людей, составляющих государство. В этой общности можно выделить этническое, культурное, психологическое, экономическое, историческое, цивилизационное измерение. С одной стороны, такая общность складывается исторически, с другой – государство Нового времени производит последовательную политику по формированию общенационального единства (политика единого образовательного, информационного, правового пространства). Однако государство не весильно – иначе оно было бы вечно. Мера однородности общества, векторы развития разных групп населения и фраг-

ментов общества, объективные интенции регионов существенным, в некоторых ситуациях кардинальным образом влияют на судьбы государства. Так выявляется еще одна сфера рисков.

В ряду других рисков, заданных культурными факторами, отдельное место занимают риски, связанные с цивилизационно-этнокультурной гетерогенностью РФ. Исторически Россия сложилась как политическое целое, объединяющее разные народы и народности, принадлежащие к разным языковым семьям, находящиеся на разных стадиях исторического развития, традиционно ориентированные на разные цивилизационные модели. Причем эти различия имеют пространственную локализацию. Соответственно, проблематика настоящей главы осмысливает гетерогенность, имеющую пространственное выражение.

Государство – пространственно локализованный объект. Оно существует в окружении других государств, испытывая интегративные и дезинтегративные воздействия, источник которых может располагаться как снаружи, так и внутри государственных границ. Кризис государственности среди других аспектов имеет пространственное измерение.

Обращаясь к проблеме кризиса государства или его территориальной целостности, мы сталкиваемся с глубоко укорененными иллюзиями и напряженными ценностными конфликтами. К иллюзиям, свойственным человеку, относится и убежденность в том, что такие формы человеческой идентичности, как народ/нация, государство, цивилизация, вера/идеология, вечны. Между тем названные сущности когда-то рождаются, а затем, через определенное (достаточно долгое) время, уходят в небытие, превращаясь в историю. Об этом свидетельствует как фундаментальный постулат философии – «Все, что имело начало, имеет конец», – так и сама история человечества.

Государство как субстанция конечно. Оно возникает однажды и затем однажды неизбежно исчезает. Конечны и конкретные модальности государства. Российское государство в этом отношении исключения не составляет. Среди причин распада СССР, напряженно обсуждавшихся в последнее десятилетие, никем не называлась самая базовая и универсальная: Советский Союз конечен, как и всякое государство. Он мог исчезнуть раньше или позже. Единственное, чего не могло быть в принципе, – это вечного существования Союза. В этом отношении конец СССР – событие закономерное.

РФ – государство молодое. В этом обстоятельстве содержатся некоторые основания для оптимизма. Но одной молодости не-

достаточно. Как свидетельствует статистика, не всякий грудной ребенок доживает до старости. В настоящих границах и в заданных исторических условиях (после распада империи) наше государство прежде не существовало. Устойчиво ли оно? Казенный оптимизм или априорная вера основаниями для научного суждения не являются.

Интегративные и дезинтегративные тенденции присутствуют постоянно в каждом государстве. Доминирование интегративных обеспечивает устойчивое существование государства. Если же берут верх дезинтегративные тенденции, государство распадается. Российская Федерация выстраивается заново. Ее исторические перспективы прежде всего связаны с мерой интегративной целостности общества, политической оболочкой которого и является РФ. Нет и не может быть политики, которая в состоянии остановить непреодолимый процесс фрагментации государства, если в этом целом доминируют центробежные тенденции. Исследование заявленной проблемы предполагает ответ на ключевой вопрос: является ли РФ стратегически целым организмом? Целым в экономическом, цивилизационном, этнокультурном, ландшафтно-климатическом отношении? Жизнеспособно ли это целое на данном этапе общеисторического развития? Соответствует ли этот исторически сложившийся фрагмент общемирового целого глобальным процессам выделения отдельных локусов, экономических районов, локальных цивилизаций, этнокультурных регионов? [Яковенко, 1999]

Все это – сложнейшие проблемы, каждая из которых заслуживает отдельного развернутого исследования. Сложности подобного анализа усугубляются тем, что теории, позволяющей формулировать критерии системности государства и обозначать критические параметры, ведущие к его деструкции, не существует. Иными словами, речь идет о рисках, которые можно назвать, но нельзя оценить иначе, как через процедуру экспертного суждения. Мы можем, во-первых, зафиксировать те элементы (блоки, целостности), из которых состоит Российское государство. (История свидетельствует, что в случае дезинтеграции государства распад происходит по границам составных элементов.) И во-вторых, высказать экспертное суждение относительно меры интегрированности этих элементов, устойчивости связей и перспектив сохранения целого.

Север и юг российского пространства

Итак, из каких блоков состоит Российская Федерация, какие зримые и незримые границы проходят через ее пространства? Ответ на этот вопрос вскрывает многоуровневую гетерогенность российского пространства (цивилизационную, конфессиональную, языковую, стадиальную, ландшафтно-климатическую) [Аникеев и др., 1999].

С позиций цивилизационного анализа, РФ включает в себя регионы восточноевропейского, православного по генезису, культурного круга. Это этнокультурное ядро страны, доминирующее и территориально, и по численности населения. Носители восточноевропейской идентичности – русские – составляют 82 % населения.

Следующий культурный круг – исламский – насчитывает до 20 млн. человек. Регион представлен двумя крупными анклавами – на Северном Кавказе и в Поволжье. Кроме того, значительные массы мусульман рассеяны по европейской и азиатской частям РФ.

Далее следуют анклавы буддистского (ламаистского) культурного круга (Калмыкия, Тыва, Бурятия), а также культурные провинции немонотеистических (синкретических) цивилизаций Востока, сначала поверхностно христианизированные, затем поверхностно советизированные, разбросанные по всей Сибири и Дальнему Востоку. Заметим, что восточноевропейский культурный круг самодостаточен и мыслит себя в качестве центра православного мира. Что же касается регионов с иной цивилизационной идентичностью, то они имеют «свои» центры притяжения за рамками РФ. Эти регионы представляют собой интегрированные в Россию фрагменты других локальных цивилизаций. Их конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичности выталкивают эти пространства из РФ.

Еще недавно советская идеология соединяла страну в единое целое, предлагала общие идентичности и маскировала цивилизационные различия регионов. С крахом марксизма как мировой религии и основания новой цивилизации исторически первичные базовые идентичности переживают расцвет. Регионализация РФ по признаку традиционной принадлежности к мировым религиям обретает особое значение.

При том что в РФ проживает более ста народов и народностей, можно выделить лишь две ведущие языковые семьи: славянскую (русские, украинцы, белорусы) и тюркскую (татары, башкиры, якуты, карачаевцы и др.). Общеславянская и общетюркская

идентичности — существенные реалии этнокультурного самосознания граждан РФ, значение которых растет в последние годы. Разделение на славян и тюрков подкрепляется конфессионально-цивилизационно. Славяне по преимуществу христиане. Тюрки — мусульмане.

Но это далеко не все. Согласно устойчивому стереотипу, русский народ мыслится как нерасчлененная целостность. Между тем, при всем бесконечном разнообразии местных особенностей, население России распадается на две большие группы — южан и северян. В двадцатые годы выдающийся русский этнограф Д.К. Зеленин сделал принципиально важный вывод о существовании двух близких, но тем не менее разных русских народностей: северорусской (окающий диалект) и южнорусской (акающий диалект). Ученый предложил следующее деление восточных славян: украинцы, белорусы, северорусские и южнорусские [Зеленин, 1995]. По сей день Север и Юг устойчиво сохраняют свои качественные отличия. Причем на разных этапах истории постоянно воспроизводится не только не тождественность, но и своеобразное противостояние Севера и Юга России. Последствия этого малоосознаваемого феномена не так давно сказывались на актуальной политике страны. Одним из факторов, постоянно мешавших Горбачеву, была неистребимая южнорусская идентификация этого лидера, характерный и неустранимый акцент. В отторжении крупного политика — выходца с юга России — срабатывал устойчивый рефлекс. В массовом сознании живет восходящая едва ли не к Смутному времени установка: представление о Юге как другом, не вполне освоенном и опасном пространстве.

Как известно, русские возникли в ассимиляции славянами финно-угорских племен, а также других народностей, населявших зону расселения славян. Однако сама зона расселения распадается на две части — лесную и степную. Соответственно разделялись и потоки этногенеза. Прежде всего во взаимоассимиляции славян и финно-угров складывалось население лесной зоны. Это было тем естественнее, что оба народа изначально жили в лесах. Лес окружал и сопутствовал славянину с первого дня его исторического существования.

Далее в процессы этногенеза «вмешивается» географический фактор. С земледельцем лесной зоны соседствовал и противостоял ему кочевник южнорусских степей. Продвижение в степь отрывало русского человека от материнского ландшафта и погружало в совершенно иной мир. Разрешение данного противоречия лежало на пути дивергенции этноса. На юге формируется этнос,

органически вписанный в лесостепную зону. Процесс ассимиляции южнорусских славян с бесчисленными племенами степной зоны шел веками, так же, как и славяно-финно-угорский синтез на севере. В результате складывается самостоятельная этническая целостность, идеально адаптированная к жизни в южных степях и способная противостоять любому исконному кочевнику [Яковенко, 1996д].

Проблематика южнорусского субэтноса выводит нас на проблему этногенеза казачества. Эта проблема отечественной истории — одна из самых запутанных и более всего пострадавших по идеологическим основаниям. Мы разделяем точку зрения, согласно которой помимо этнической взаимоассимиляции, в процессе которой вырабатывался тип вписанного в лесостепь южноруса, шел и процесс культурной ассимиляции степняков, то есть процесс обрусения торков, берендеев, половцев, сопровождавшийся принятием православия. Так появились казаки. Безусловно, в этническом типе казака присутствует и славянская компонента, но степной этнокультурный комплекс явно доминирует. Добавим, что некоторые специалисты усматривают в этногенезе казачества также и скифское начало.

Различия между Севером и Югом многообразны. Это не только разительное отличие диалектов. Существенно отличается бытовая культура, северная и южная кухня, традиционная художественная культура, обрядовый и песенный фольклор. Северо- и южнорусы различаются по антропологическому типу, темпераменту, стилю общения, тому, что называют характером, особенностями хозяйственной деятельности.

Существенны различия в традициях социального устройства. В начале XX века казачество сохраняло основной институт военной демократии — войсковой круг. На севере как политический институт он исчезает на заре становления единого государства. На юге войсковой круг решал вопросы войны и мира — то есть был политическим институтом — еще в эпоху Гражданской войны.

Наконец, отчетливо различается ментальность. На юге сохранился этос военной демократии. Для казака мужчина — воин. Война — инициация, сакральное испытание. Все вместе это формирует особый характер. Перечисленные различия суммируются в самосознании. Север и Юг отделяют себя друг от друга. Все эти моменты зримы для простого наблюдателя. Когда едешь с севера на юг, то в какой-то момент обнаруживаешь, что оказался в другой стране.

Как культурный космос и историческая стратегия степь качественно противостоит лесной зоне. Территории степи оказыва-

ются лоном вызревания бунтов, антигосударственных движений, самозванчества, пристанищем религиозных диссидентов. Поэтому Север и Юг веками связывают драматические отношения. В сюжете взаимоотношений этих элементов русского целого можно выделить два больших этапа. Если Киевская Русь искала скорее политического доминирования над степью, то Московия, взяв курс на создание единого государства, избирает стратегию поглощения степи. Москва последовательно передвигает границы в глубь Дикого поля, колонизирует огромные пространства богатых земель, одно за другим поглощает государства степняков. Классическое противостояние Руси и степи завершается лишь в XVIII веке с покорением Крыма. Степь как космос вошла в рамки Русского государства и превратилась в еще один источник внутренних конфликтов. Полная социально-культурная интеграция Севера и Юга не состоялась и вряд ли возможна вообще.

Между Москвой/Петербургом и казачеством идет глухая, не прекращающаяся ни на один день борьба, которая лишь временами взрывается всплесками явных столкновений. Отметим, что во всех карательных акциях центра — от разгрома степняков в XII веке до расказачивания в XX — прослеживается задача подавить системное целое, придушить процесс естественной самоорганизации казачьего мира и на этих условиях включить его в общероссийский мир. Самый яркий, травмирующий историческое сознание эпизод доминирования Юга над Севером — Смута. Победа досталась Земщине непросто и породила смертельный страх перед стихией казачества. И дальше все крестьянские войны и крупные народные движения проходили с участием казаков. Насельники степи сложно и мучительно вписывались в Российское государство.

Ослабление или распад государства всякий раз задает всплеск южнорусской стихии. За Смутой, на фоне тяжелейшей войны со шведами, следует восстание на Дону под предводительством Кондратия Булавина (1707—1708). Пугачевщина (1773—1775) стала ответом казачьего Юга на кризисные процессы эпохи русско-турецких войн Екатерины II. Распад государства и Гражданская война задали очередной цикл активности. Казачество переживает расцвет и на короткое время превращается в фактор, определяющий судьбы России. Традиционные казачьи земли оказались базой Белого движения. Внимательный взгляд на карту Гражданской войны показывает, что белые были сильны до тех пор, пока оперировали на Юге, на территории бывшего Дикого поля, но потерпели поражение на грани-

цах бывшего Московского княжества. Казачество и население Юга в целом привычно выступило на стороне сил, противостоящих центру и обещавших сохранить традиционную автономию. В новой политической рамке развернулась борьба интегристского Центра и вольнолюбивого Юга.

Возникает ощущение, что проблема двух субэтносов русского народа табуирована и спрятана в подсознание культуры. Между тем наличие качественно неоднородных Севера и Юга России — реальность. В эпоху распада прежних интеграторов и кризиса государственности активизируются исторически предшествующие структуры. В этой обстановке нетождественность Юга и Севера становится значимым фактором.

Между Севером и Югом России существует граница, уходящая в неисследимую глубь веков. Е.Б. Рашковский обратил внимание автора на то, что границы оледенения, расселения скифских племен и южнорусского говора (фрикативного «г») совпадают. Перед нами линия разлома планетарного масштаба, на которой два века назад уселось государство, стремящееся объединить пространства, способность которых к устойчивому объединению в рамках единого целого находится под вопросом. В свете всего этого демонстрируемая лидерами Краснодарского края оппозиция центру утрачивает чисто политическое звучание и вписывается в существенно более глубокий контекст.

Кроме того, в рамках Европейской России можно обнаружить и другие исторически заданные значимые разграничения.

Так, исследуя лесную зону, историки и этнографы обнаруживают границу, по которой северорусская народность распадается на новгородскую и московскую ветви. Она фиксируется по границе говоров, разделяющей новгородскую и московскую колонизацию. Само это разделение не второстепенно. Исследования последних десятилетий установили, что заселение нашей страны шло двумя потоками. Северо-запад современной России (исначально новгородские земли) осваивался выходцами из Балтийского региона, в то время как центральная и южная Россия (исначально Киевщина) заселялись с юга, условно говоря, с Карпат*. С этих позиций ориентация Санкт-Петербурга и прилегающего

* Эти выводы вытекают из лингвистического анализа корпуса берестяных текстов, предпринятого А.А. Зализняком. Исследователь выявил древненовгородский диалект, отличавшийся по многим признакам от южнорусского, но родственный языкам славян Южной Балтики. Как указывает академик В. Янин, «это открытие в корне меняет представление о механизме образования Древнерусского государства IX—XII вв.» [Янин, 1994: 43].

региона на Балтику не только естественно проистекает из экономической и геополитической логики, но и коренится в этнической истории края, близости ее жителей населению Польши и Литвы. Нельзя исключить, что однажды эти обстоятельства могут быть использованы в идеологических контекстах.

Проблема евразийского статуса России

Следующая внутренняя граница – межконтинентальная. Известно, что Россия – евразийское государство, его территория распределяется между Азией и Европой. Граница между континентами проходит по Уралу и спускается к Каспийскому морю. Из этого обстоятельства выросла целая идеология евразийства. Об особой евразийской миссии и неисчислимых преимуществах евразийского статуса нашей державы исписан ворох бумаги. Но Российская Федерация не единственное в истории евразийское государство. Посмотрим, как складывалась история других.

Евразийскую империю безуспешно пытались создать персы. Поражение Персии в греко-персидских войнах (500–449 гг. до н.э.) похоронило первый евразийский проект. Его реализовал Александр Македонский в 333–323 гг. до н.э. Гигантская империя начала фрагментироваться еще при жизни завоевателя. Просуществовав менее десяти лет, сразу после смерти Александра в 323 году империя распадается на африканский (Лагиды), азиатский (Селевкиды) и европейский (Антигониды) фрагменты.

Несколько веков, до раздела в 395 году, евразийской была Римская империя. Причем чем шире были римские владения в Азии и Африке, тем чаще вспыхивали войны на дальних окраинах, тем больше было трудноразрешимых проблем, меньше стабильности и ближе закат империи. Периодами в разной степени евразийской была Византия, которая то расширяла свои владения в Европе, то теряла большую часть, а в последние три века утратила все азиатские территории и сжалась до анклава в Европе.

Халифат Омейядов так и не смог стать устойчивой евразийской империей. От арабского завоевания Испании (711 г.) до создания Кордовского эмирата (756 г.), независимого от арабского халифата, прошло менее полувека. Практически же испанские провинции и до обретения независимости лишь номинально принадлежали халифату.

Евразийской пять веков была Османская империя. И это были пять веков непрерывных войн. С начала XIX века Османы последовательно теряют свои владения в Европе и вытесняются в Азию.

Турецкая Республика и сейчас имеет пятачок в Европе и формально является евразийским государством. Золотая Орда была евразийским государством (не столько в строго географическом, сколько в цивилизационном смысле) с момента возникновения и до утраты «русского улуса» в 1480 году.

С Ивана Грозного евразийской империей становится Московия. Она переживает распад сразу после смерти своего создателя, в эпоху Смуты. Далее следует глубокий кризис государства в эпоху Петра. На фоне Северной войны реализуется попытка отделения Украины и огромный регион охватывает вспыхнувшее восстание Кондратия Булавина. Затем следует распад империи на фоне социальной революции, поражения и сепаратного выхода из Первой мировой войны. Наконец, распад в результате поражения в «холодной войне». С распадом СССР евразийский статус наследуется Российской Федерацией.

Как мы видим, евразийскость оказывается фактором неустойчивости, оборачивается раздвиганием, периодической деструкцией, слабой интегрированностью ткани государства. Наконец, в новое время евразийскость оборачивается неспособностью государства как целого пережить модернизацию. Европейские и азиатские регионы по-разному входят в модернизационные процессы, и это буквально раздирает государство на части. От этого рассыпались Османская империя, Российская империя, СССР. Сегодняшние процессы на Северном Кавказе в конечном счете заданы той же асимметричной реакцией на модернизационные преобразования в европейских (христианских) и исламских обществах Российской Федерации.

Всякий раз, говоря о Сибири, следует помнить, что речь идет о регионе, отстоящем на тысячи километров от Европы и непосредственно граничащем со Средней Азией, Китаем, Кореей и Японией. То есть не только с формально географических позиций, но и геополитически, цивилизационно и экономически не европейском. Экономически он принадлежит к Азиатско-Тихоокеанскому региону, составляет северную периферию среднеазиатского культурного круга и китайской цивилизации. Коренное население Сибири тяготеет к этим культурным центрам.

Сибирь могла быть частью европейского государства либо до начала модернизационных процессов в Азии (до 1917 г.), либо во внерыночной командной экономике в условиях «железного занавеса». В открытой экономике Сибирь, скорее всего, будет ориентироваться на Азиатско-Тихоокеанский регион. Имманентные экономические интересы сибиряков рано или

поздно вступят в конфликт с европейской ориентацией края. Предоставим слово экономисту Николаю Шмелеву: «Как чисто экономическими методами нам сохранить Дальний Восток или наш Север, на который приходится большая часть территории России? <...>стоило только ввести вполне нормальный, рыночный, коммерческий транспортный тариф на перевозки в эти районы — мы тут же оказались на грани катастрофы, перед лицом неминуемой утраты или полного опустошения этих территорий» [Шмелев, 1997]. Итак, либеральными экономическими методами территория Российской Федерации не интегрируется. Как было сказано выше, требуется постоянная затрата государственных ресурсов на поддержание экономически неэффективного политического целого.

Разумеется, существует огромная историческая инерция. Однако непреборимой логикой рынка экономика российских Сибири и Дальнего Востока ориентируется на Казахстан, Китай, Японию и Корею. И поскольку воспроизводство инфраструктур будет осуществляться на деньги, получаемые от этих товаропотоков, сами инфраструктуры будут замыкаться на экономические центры, лежащие вне границ России. Однажды экономические интересы субъектов за Уральским хребтом войдут в конфликт и с экономическими интересами центра, и с интересами государственной целостности. А как мы помним, историческая инерция не помешала «Бостонскому чаепитию»*.

Сибирь — это не просто часть Азии, но весь север азиатского целого. В силу цивилизационной специфики континента, этот край долго оставался догосударственной или раннегосударственной периферией Китая и Средней Азии. Последовательно покоряя наследников Орды, Россия колонизовала эти пространства. Далее, обгоняющая Китай и Среднюю Азию в разворачивании модернизационных процессов, Россия не только закрепилась в Сибири, но и обеспечила первоначальное освоение региона, принесла туда начатки европейской государственности и зрелую цивилизацию, и в этом — всемирно-историческая заслуга Российской империи и СССР. Однако с началом модернизации соседних азиатских стран Россия утрачивает свое преимущество в регионе. В действие включаются устойчивые цивилизационные факторы. И в широкой исторической перспективе Сибирь, скорее всего, выпадет из европейской сферы влияния, а значит, и из России.

* Так называемое «Бостонское чаепитие» — политическое выступление, с которого началась Американская революция.

Инерция мышления не дает нам представить себе подобный переход. И все-таки, каким образом это может произойти? Вот несколько сюжетов.

Наблюдатели из среды православной церкви с беспокойством пишут об успехах в Сибири и на Дальнем Востоке католической проповеди и так называемых «нетрадиционных» для России, а на самом деле абсолютно традиционных и органичных для этих территорий синкретических культов и религиозных движений [Ватикан, 1998; Бондаренко, Еленский, 1997].

Успехи католицизма показательны в одном отношении: как свидетельство слабости в регионе традиционного цивилизационного идентификата — православия. Что же касается нетрадиционных культов, то родина этих движений — культура Азии. Если миграцию из соседнего Китая и Кореи можно по крайней мере пытаться блокировать полицейскими методами (хотя в открытой рыночной экономике это практически неосуществимо), то как остановить продвижение идей и утверждение иного мироощущения? Вся история человечества убеждает в бесплодности любых административных мер противодействия подобным процессам. Ибо здесь мы сталкиваемся с детерминативами неизмеримо более мощными, чем любое государство.

А теперь обратимся к этническим сюжетам. В словаре Брокгауза и Ефрона за 1896 год в статье «Россия» читаем: «Русских в Сибири и Средней Азии — 19,2%». Сегодня к русским относят себя подавляющее большинство населения Сибирского региона. Но это не чистый результат миграции. По большей мере мы имеем здесь дело со сменой идентичности в результате культурной ассимиляции местного населения. Последняя происходила на фоне метисизации с приезжими, однако масштабы колонизации были значительно скромнее. А такого рода идентичность неустойчива. Мы знаем это по опыту русских, которые вспоминали о своих еврейских корнях перед дверью ОВИРа в 1970—1980 годах. Новые центры сил могут в перспективе задать иные идентичности. Русская колонизация, а также культурная ассимиляция туземного населения Сибири в сколько-нибудь значимом масштабе шла чуть более двухсот лет. Предшествующие тысячелетия регион был периферией Китая и Средней Азии.

Для того чтобы прояснить макроисторическую логику происходящего, спросим себя: каков цивилизационный итог белого заселения юга Африки (Капская колония, Родезия, Трансвааль, Оранжевая, ЮАС/ЮАР), которое восходит к XVII веку и насчитывает более двух столетий? Речь идет не об этнических, а о ци-

визационных процессах. Можно ли утверждать, что юг Африки отошел к региону протестантизма? Или же мы присутствуем в начале процессов самовосстановления цивилизационных характеристик африканского континента, корректирующих результаты временной асимметрии, вызванной агрессией стадильно продвинутой европейской цивилизации? В новых независимых государствах юга Африки протестантская церковь (которая за годы господства белого человека так и не стала всеобщей, а охватила лишь часть цветного населения) будет все более синкретизироваться, сливаясь с местными культами в малоразличимое целое. Чистый протестантизм останется достоянием узкой и в стратегическом плане обреченной либо на метисизацию, либо на эмиграцию группы потомков африканеров и англичан.

Так же и цивилизационная активизация Азии имеет все шансы поглотить Сибирь.

Конкретные сценарии этого процесса многообразны и зависят от массы не поддающихся учету факторов. Так, при самом спокойном варианте можно предположить, что в результате разворачивания процессов конфедерализации Россия разделится однажды по Уралу. Возникнет, к примеру, Федерация Сибири и Дальнего Востока. В целом она будет сохранять европейскую цивилизационную идентичность, ориентироваться на Азиатско-Тихоокеанский регион, балансировать между Россией, Китаем, Японией и США, замыкая кольцо стран Севера.

Затем неизбежно постепенное этническое и культурное вращение населения Сибири в АТР. Если же говорить об отдаленной перспективе, то русских в Сибири ждет судьба греков во владениях Селевкидов. Это ни хорошо, ни плохо. Ровно так же складывается судьба турок или арабов в Европе. Народы могут пересекать границы континентов, цивилизации — нет. Выходцы из Европы закрепляются в Азии, а выходцы из Азии — в Европе ценой утраты своей исходной цивилизационной идентичности.

Интегративные и дезинтегративные факторы стабильности Российской Федерации

Российская Федерация достаточно неоднородна и с точки зрения характеристик стадильного исторического развития. В ней выделяются регионы, где устойчивая государственность утвердилась тысячу лет назад, есть регионы, в которые государство пришло в XVII–XVIII веках. Наконец, есть пространства, где государство утверждается лишь в последние 150 лет. Прежде всего это Северный

Кавказ — горная страна, расположенная в «ничейной зоне», разделяющей локальные цивилизации Запада и Востока, представляющая собой специфический этнокультурный изолят.

В контексте нашего рассмотрения важны границы, пролегающие между «исконными», то есть включенными в Россию более двух веков назад и воспринимаемыми массовым сознанием как «свои», и новоприобретенными территориями. В этом отношении наименее перспективны территории, отошедшие к СССР после Второй мировой войны, то есть территории Японии (острова Курильской гряды) и Германии (Восточная Пруссия), освоение которых было связано с переселением коренного населения и новым заселением.

А теперь перечислим интеграционные и дезинтеграционные факторы.

Факторы интеграции

Главнейшим фактором является историческая инерция. Она возникает из общности исторических судеб. Имеет институциональное, психологическое, культурное выражение. Закреплена в системе экономических связей. Поддерживается отсутствием опыта альтернативного существования, сложившимся внутри страны и за ее рубежами устойчивым восприятием России, ее народов и территорий, составляющих ее как целое.

Другой, по преимуществу внешний, интегратор — стремление к сохранению геополитического равновесия. Вопреки изоляционистской мифологии, мировое сообщество как целое не бывает заинтересовано в распаде крупного государства. Распад государства такого масштаба, как Россия, влечет разрушение системы геополитического равновесия, рождает новые и обостряет старые проблемы в сопредельных странах и открывает очередной, исключительно болезненный процесс выстраивания нового политического и цивилизационного баланса. Это всегда войны, беженцы, срочные капиталовложения, опасное нарастание неопределенности. Всякий передел мира исключительно опасен. Поэтому в позапрошлом веке Европу устраивала поздняя Османская империя, а в 80-е годы прошлого — слабый СССР. Сегодняшняя целостная Россия необходима лидерам мирового сообщества по многим обстоятельствам.

Факторы дезинтеграции

Главнейший фактор — модернизация. Точнее, конкретный этап модернизационных преобразований в контексте описанной выше гетерогенности РФ. На предшествующем этапе модернизационных преобразований России/СССР внутренние и внешние интег-

раторы были сильнее дезинтеграционных процессов. Русские обгоняли народы окраин по вовлеченности в современную цивилизацию. Это обеспечивало их доминирование внутри страны и интегрировало государство. Борьба за выход из страны была бесперспективна (что доказывал пример Польши), а нахождение внутри нее для тех, кто стадиально отставал, выгодно. Сейчас критический рубеж в том, что касается меры вовлеченности в современную реальность, между разными народами РФ преодолена. Навыками использования (не создания, а именно использования) современных технологий овладели все, включая народы, находящиеся на стадии распада военной демократии и формирования раннего государства.

Во внешнеполитическом измерении складывалась аналогичная ситуация. Россия извлекала преимущества из того, что обгоняла своих восточных соседей (Турцию, Персию, Китай). Это позволяло ей наращивать за их счет территории и блокировать любое дезинтеграционное давление со стороны отстающих соседей. По мере разворачивания процессов глобальных преобразований Россия исчерпала свои модернизационные преимущества. С востока нарастает дезинтеграционное давление, обращенное на этнически и цивилизационно близкие регионы РФ.

Следующий существенный фактор дезинтеграции носит общеисторический характер. Это – идущее полным ходом «исламское возрождение». То есть окончание Средневековья и вступление исламской цивилизации в мир безграничной динамики. Трансформация такого рода всегда связана с тенденцией к интеграции локальной цивилизации и к территориальной экспансии вовне.

Далее, на пятки «исламскому возрождению» наступает разворачивающаяся на наших глазах модернизационная активизация мира восточного синкрезиса. Пик этих процессов сдвинут относительно активизации ислама на 10–15 лет. Активизация цивилизаций, лежащих к востоку от мира ислама, принесет переструктурирование региона (в этой связи высока вероятность существенных изменений границ, возможен распад одних и рождение других государств) и приведет к напору на мир ислама с Востока. В результате теснимая исламская цивилизация усилит напор на европейский культурный круг. Разумеется, так же резко возрастет цивилизационное давление на территорию Сибири и Дальнего Востока.

Итак, модернизационная трансформация в контексте существенно неоднородного, разбросанного на критически большой

территории общества рождает достаточную вероятность распада России. Крах единой идеологии эксплицировал ее цивилизационную (этнокультурную, конфессиональную) неоднородность. Разнородность реакции на модернизационные процессы рождает внутренние напряжения. Переход к открытой экономике активизирует экономические регионы, естественно замыкающиеся на альтернативные центры и т. д. Таким образом, Россия входит в список стран, таких, как Индия, Китай, Ирак, Турция, вероятность дезинтеграции которых достаточно высока.

При этом вероятность полного распада России представляется незначительной. Сегодня она просматривается в одном-единственном случае — полного краха реформ. Иными словами, очевидной неспособности перешагнуть порог перехода от экстенсивного к интенсивному типу развития. В этом случае региональные элиты, осознав органическую неспособность единой России к завершению модернизационного перехода, могут пойти на дезинтеграцию (конфедерализацию или полный роспуск) государства. Гигантские размеры России и рыхлость государства устойчиво осознаются как препятствие к исторической динамике. В рамках более локальных образований модернизационный переход мог бы быть значительно более легким. Этот ход мысли эффективно иллюстрирует сопоставление Китая и Тайваня.

По нашему убеждению, это чисто теоретический сценарий, но если задаться прогнозом такого рода, то можно предположить отделение Сибири и Дальнего Востока. Весьма вероятно выделение территорий, тяготеющих к Балтике (Петербургско-Новгородский регион), и наконец, Юга России. В случае полного распада государства можно представить себе также выделение республик Поволжья. Причем по завершении модернизационного перехода весьма высока вероятность «самосборки», по крайней мере части этих территорий в новое Российское государство.

Гораздо более вероятна утрата ряда территорий, примыкающих к внешним границам России. Как однажды сказал Эмиль Паин, существует вероятность осыпания России по краям*. Также, в стратегическом плане, высоковероятной представляется утрата Сибири.

Можно ранжировать территории в зависимости от перспектив дальнейшего удерживания и вероятности отпадения от России.

Самый бесперспективный класс — территории, отошедшие к СССР после Второй мировой войны. Они не связаны с Россией ис-

*При этом имелись в виду территории Северного Кавказа, Курилы, Калининградская область.

торически. Их принадлежность России не цементируется инерцией длительного совместного существования. Мера освоенности этих территорий минимальная. Внешнее дезинтеграционное давление — максимально. Утрата и островов Курильской гряды, и Восточной Пруссии просматривается в среднесрочной перспективе.

Далее следуют территории, входившие в состав России менее двух-трех веков. Это исламский Северный Кавказ и территории, тяготеющие к буддистскому культурному кругу и миру восточного синкретизма, — Тыва, Бурятия, возможно Калмыкия.

Самая большая и трудноразрешимая проблема для России — Северный Кавказ. Перед нами постоянно дотируемый регион со сложной и запутанной этнокультурной ситуацией. Совокупность стадийно неоднородных обществ, насильственно вписанных полтора века назад в пространство зрелой государственности и мгновенно «проседающих» до стадии военной демократии, до предгосударственных отношений при первых признаках краха навязанного этим обществам государства. Край, где с уходом «белого человека» останавливается промышленность, рушится медицина и здравоохранение, восстанавливается патриархальное рабство, работорговля, практика угона скота, законы кровной мести. Иными словами, восстанавливается догосударственный быт.

Это ни хорошо, ни плохо. Таково объективное положение вещей. Разные народы находятся на разных стадиях исторического развития. Это — константа всемирно-исторического процесса. Так, по некоторым позициям Россия на четыре-шесть веков отстает от обществ Западной Европы. «Подтягивание» региона до уровня обретения способности к саморазвитию потребует от России существенных ресурсов и усилий нескольких поколений. Все это время Северный Кавказ будет оставаться устойчивым фактором дестабилизации российского общества (генерировать преступность, наркотики, архаизировать систему социальных отношений). А когда процессы модернизации завершатся, сможет спокойно и цивилизованно выйти из РФ.

Сказанное выше в первую очередь относится к Чечне — автономной республике РФ, в которой с 1995 года идут военные действия. Оставим за рамками нашего внимания историю покорения Кавказа. Но и дальнейший, стопятидесятилетний опыт существования Чечни в Российской империи/СССР имеет негативный характер. Пребывание Чечни в политических границах России оплачивалось либо жесткими репрессиями, либо высоким уровнем фактической автономии, доходившим до экстерриториальности отдельных районов этой страны.

Последними в списке территорий, имеющих тенденции к дезинтеграции, стоят республики Поволжья: Башкортостан и Татарстан. Но здесь вероятность события весьма мала. Мера интегрированности этих обществ в пространство России столь высока, что представить себе их выделение можно только в случае полного распада государства. И все же нельзя не отметить, что в регионе реализуется стратегическая линия, преследующая как минимум наращивание региональной автономии. Объективная логика действий политических элит республик Поволжья ведет к конфедерализации России.

Конкретизировать сценарии дезинтеграции бесперспективно, поскольку распад – турбулентный переходный процесс, задаваемый массой конкретных моментов, не поддающихся учету и прогнозу.

Среди провоцирующих дезинтеграционный сценарий событий можно назвать большую техногенную катастрофу (масштаба Чернобыля), которая сделает неизбежным вмешательство международных институтов и спровоцирует мощнейшее дезинтеграционное движение в регионах. Кроме того, крупная техногенная катастрофа может привести к «эффекту домино». На ликвидацию последствий будут брошены все мыслимые человеческие и материальные ресурсы, что может привести к разрывам в других слабых точках перенапряженных технологических цепей. Добавим к этому, что ситуация большой техногенной катастрофы есть наложение двух пространств рисков.

Еще один сценарий дезинтеграции связан с попытками реставрации или реинтеграции единого государства, особенно насильственными. С нашей точки зрения, такое движение находится в непримиримом противодействии объективным тенденциям и несет в себе риск коллапса собственно России.

Беспокойный, устремленный к горизонту имперский дух покидает просторы нашего отечества. Россия вступает в эпоху национального бытия. На просторах Российской Федерации разворачиваются процессы формирования новоевропейской нации, для обозначения которой власть использует непривычное пока имя «россияне». Только история сможет указать, где пролегают устойчивые границы этого, нарождающегося на наших глазах, целого. Процесс выстраивания национального государства требует определенного времени (50–100 лет) и сопряжен со многими рисками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия стоит перед историческим вызовом, подлинный масштаб которого мы только начинаем осознавать. Она напрягается, проходит точку бифуркации, частично погружается в хаос, из которого должен родиться порядок будущего. Наиболее яркие, бросающиеся в глаза приметы происходящего — социальные катастрофы, слом институциональной структуры, обнищание населения — складываются в понятие глубокого исторического кризиса. В признании этой истины содержится серьезное испытание для исследователя, принадлежащего к отечественной культуре. Естественное человеческое чувство говорит ему, что происходящее нарушает космический порядок вещей, что вокруг творится недолжное.

Стоит поддаться эмоциям — и происходящее можно будет объявить трагической случайностью. А отсюда всего один шаг до поисков виноватых, ответственных за все случившееся. Однако серьезный исследователь не имеет права представлять события всемирно-исторического масштаба (а распад СССР, глобальная перестройка мировой системы и современные преобразования России — события всемирно-исторические) как случайные. Происходящее в нашей стране должно быть вписано в более широкий теоретический контекст и познано как закономерное. В этом, на наш взгляд, генеральная задача, стоящая сегодня перед всей системой отечественного гуманитарного знания. Только осознав объективную внутреннюю логику происходящего, мы сможем сделать адекватные выводы и продвинуться по пути формирования стратегии дальнейшего развития нашего общества и страны.

Концепция риска обогащает видение процессов, переживаемых российским обществом, позволяет фиксировать внимание на острых проблемах и болевых точках, предлагает язык для описания реалий, ранее ускользавших от внимания исследователя. Сумма последствий социального действия — позитивных и негативных, близлежащих и отдаленных, очевидных и недоступных социологическому анализу — оказывается в поле теоретического интереса. Проблематика риска многоаспектна. Одно из магистральных измерений риска связано с культурой общества, ибо субъект социального действия задан культурой если не целиком, то в решающей мере.

Обращение к культуре как к лону, в котором порождаются, зревают, распространяются, потребляются и переживаются риски, позволяет понять многое из того, что мучит нашего современника. На наш взгляд, здесь содержатся ответы на оба извечных российских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Культура надличностна и объективна. Она результат процессов огромной длительности, в которых участвовало необозримое множество факторов. Культура не может быть виноватой, но может однажды стать неоптимальной, превратиться в тормоз для развития общества, стать источником серьезнейших рисков.

Наш общий вывод состоит в признании закономерного и исторически неизбежного характера кризиса, переживаемого российским обществом, а значит, и тех рисков, которые порождаются этим кризисом. Российское общество переживает этап смены парадигмы исторического развития. Одна из значимых граней кризиса российского целого — процесс трансформации культуры общества. Подчеркнем, что речь идет не о тех или иных изменениях, а о трансформации, затрагивающей уровень цивилизационных характеристик. Такая трансформация неизбежно сопровождается хаотизацией и порождает риски.

Исходные параметры традиционной культуры, качественные характеристики массовой ментальности во все времена задавали значимые характеристики социального бытия. Сегодня переживающая трансформацию актуальная культура общества оборачивается бесчисленными рисками самого разного характера и уровня. Возникающие в этой связи проблемы усугубляются слабой теоретической разработанностью культурных аспектов риска, недостаточным вниманием к цивилизационным и стадийным детерминативам рискотворяющего поведения.

Одна из самых острых проблем нашего общества связана с качественными характеристиками доминирующей ментальности. Окажется ли исторический субъект современных преобразований адекватным масштабу и характеру исторического вызова — покажет будущее.

Исследования ментальности под углом зрения проблемы рисков открывают принципиальную возможность оптимизации процессов преобразования общества и культуры. В критических ситуациях человек обращается к критике устойчивых традиций собственного бытия, к анализу базовых оснований своей культуры. И чем масштабнее кризис, чем выше риски и серьезнее опасности, тем глубже и бескомпромисснее должен быть подобный анализ. Настоящее исследование преследовало задачи, лежащие в русле этих рассуждений.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, 1993 – *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб.: СП «Ганза», 1993.

Аникеев и др., 1999 – *Аникеев М.В., Степанов В.В., Сусоколов А.А.* Титульные этносы Российской Федерации: Аналитический справочник. М.: ИНПО, 1999.

Афанасьев, 2001 – *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. М.: РГГУ, 2001.

Ахиезер, 2002 – *Ахиезер А.С.* Россия: Критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.

Байк. экон. форум, 2002 – Байкальский экономический форум. Новости. 07.02.2002. (http://forum/baikal/ru/news/07_02_2002/htm)

Бешанов, 2002 – *Бешанов В.В.* Год 1942 – «учебный». Минск: Харвест, 2002.

Бондаренко, Еленский, 1997 – *Бондаренко В., Еленский В.* Религия и церковь на Украине в контексте украинско-российских отношений // Украина и Россия: общества и государства. М.: Права человека, 1997.

Бызов, 1999 – *Бызов Л.* Становление новой политической идентичности в постсоветской России: эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфолла и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.

Ватикан, 1998 – Ватикан: натиск на Восток. М.: Одигитрия, 1998.

Виденгрэн, 2001 – *Виденгрэн Гео.* Мани и манихейство. СПб.: Евразия, 2001.

Ворожейкина, 2003 – *Ворожейкина Т.* Стабильна ли нынешняя Россия? // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

Герасимов, 2000 – *Герасимов Н.* Выступление на парламентских слушаниях «О демографической ситуации в России и мерах правительства РФ по ее оптимизации» // Интернет-сайт «РФ сегодня». Сообщение 15.11.2000 г. (www.russia-today.ru/archive).

Гудков, 2002 – *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм и сопро-

тивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3.

Гумилев, 2001 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб: ИД Кристалл, 2001.

Дробижева и др., 1996 – *Дробижева Л.М., Аклавев А.Р., Коротеева В.В.* Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

Ерасов, 1998 – Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. / Сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект-Пресс, 1998.

Заславская, 2003 – О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации / Под ред. Т. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

Зеленин, 1995 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской морфологии. Умершие естественной смертью и русалки // Вступ. статья Н.И. Толстого; подготовка текста, коммент., указатель Е.Е. Левкиевской. М.: Индрик, 1995.

Ионов, Хачатурян, 2002 – *Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: ИВИ РАН; Алетейя, 2002.

Кара-Мурза, 2002 – *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Кара-Мурза, 2003 – *Кара-Мурза С.* Воображения не хватает // Дуэль. 2003. № 38.

Клибанов, 1994 – *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект-Пресс, 1994.

Ключевский, 1919 – *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. Петроград: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919.

Коротеева, 1997 – *Коротеева В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? / Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3.

Коротеева, 1999 – *Коротеева В.В.* Теория национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999.

Красинец и др., 2000 – *Красинец Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е.* Нелегальная миграция в Россию. М.: Academia, 2000.

«Крематорий», 2002 – «Крематорий». Двойной альбом. Диск 2 // mp3 коллекция. РМГ РЕКОРДЗ, 2002.

Крим. новости, 2002 – Криминальные новости: Интернет-издание. 2002. 11 июня (www.newsru.com).

Кульпин, 1995 – *Кульпин Э.С.* Путь России. М.: Московский лицей, 1995.

Кульпин, 1998 – *Кульпин Э.С.* Золотая Орда. (Проблемы генезиса российского государства). М.: Московский лицей, 1998.

Кургинян, 1995 – *Кургинян С.* Стратегические итоги // *Завтра*. 1995. № 52.

Левин, 2003 – *Левин И.В.* Малые предприятия и великая Россия // *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации*. М.: МВШСЭН, 2003.

Малахов, 2002 – *Малахов В.* Осуществим ли в России русский проект? // *Отечественные записки*. 2002. № 3.

Мед. вестник, 2001 – *Медицинский вестник*. 27 сентября.

Меньшиков, 2000 – *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации / Сост. М.Б. Смолин. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000.

Миллер, 1997 – *Миллер А.* О дискурсивной природе национализма // *Pro et Contra*. Т. 2. № 4. 1997.

Мозговая, 2001 – *Мозговая А.В.* Социология риска: возможности синтеза теоретического и эмпирического знания // *Риск в социальном пространстве* / Отв. ред. А.В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001.

Народы, 2000 – *Народы и религии мира: Энциклопедия*. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Население, 2002 – *Население и глобализация* / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: Наука, 2002.

Одесский, Фельдман, 1997 – *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М.: РГГУ, 1997.

Ольшанский, 2001 – *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб.: ПИТЕР, 2001.

Орлова, 2001 – *Орлова И.Б.* Демографическое благополучие России. М.: ИСПИ РАН, 2001.

Осипов, 2003 – *Осипов Ю.* Русская имперскость // *Завтра*. 2003. № 42.

Пайпс, 1993 – *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета. 1993.

Пантин, 2002 – *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. М.: Изд. Дом «Новый Век», 2002.

Пелипенко, Яковенко, 1998 – *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998.

Пелипенко, Яковенко, 1999 – *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* «Манихейская революция» в системе становления личности (Паллиат как социокультурный феномен процесса) // *Мир психологии*. 1999. № 2.

Платонов, 1911 – *Платонов С.* Учебник русской истории для средней школы. СПб.: Изд. Я. Башмакова, 1911.

Римашевская, 2003 – *Человек и реформы: Секреты выжива-*

ния / Отв. ред. И.М. Римашевская. М.: ИСЭПН РАН, 2003.

Родоман, 2002 – *Родоман Борис*. Великое приземление // Отечественные записки. 2002. № 6.

Скрынников, 1987 – *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1987.

Собеседник, 2000 – *Собеседник*. 2000. № 140.

Смирнов, 2003 – *Смирнов А.* Коммунальная проблема // Спб. ведомости. 2003. 29 марта.

Соловей, 2003 – *Соловей В.* О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 6.

Субтельный, 1994 – *Субтельный О.* Украина: История. Киев: Либидь, 1994.

Тишков, 1997 – *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России М.: Русский мир, 1997.

Тюрьма, 2002 – *Тюрьма и воля: Интернет-издание*. 2002. (www.prison.org)

Уткин, 2000 – *Уткин А.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2000.

Хатунцев, 1994 – *Хатунцев С.* Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономию культурно-исторических общностей // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Воронеж, 1994. Ч. 1.

Хок, 1993 – *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993.

Цымбурский, 1995 – *Цымбурский В.* Циклы похищения Европы (Большое примечание к Острову Россия) // Иное. Антология современного российского самосознания. М.: Аргус, 1995.

Шлыкова, 2001 – *Шлыкова Е.В.* Риск в структуре социально-философского подхода к изучению сущности взаимодействия природы и общества // Риск в социальном пространстве / Отв. ред. А.В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001.

Шмелев, 1997 – *Шмелев Е.* Интеллигенция и реформы // Рубежи. 1997. № 132.

Энгельгардт, 1999 – *Энгельгардт А.Н.* Письма из деревни. СПб.: Наука, 1999.

Юрганов, 1998 – *Юрганов А.Л.* Категории средневековой русской культуры. М.: МИРОС, 1998.

Ядов, 1994а – *Ядов В.А.* Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен: Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороноева. СПб., 1994.

- Ядов, 1994б – Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.
- Яковенко, 1996а – Яковенко И.Г. Противостояние как форма диалога (Динамический аспект восприятия Запада): Цикл статей // Рубежи. 1996. № 5–6.
- Яковенко, 1996б – Яковенко И.Г. Власть в русской традиционной культуре: опыт культурологического анализа: Заседание семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» // Рубежи. 1996. № 8.
- Яковенко, 1996в – Яковенко И.Г. Проблема научного метода в цивилизационном исследовании // Цивилизационные исследования. ИИА РАН, 1996.
- Яковенко, 1996г – Яковенко И.Г. Противостояние как форма диалога? // Знание – сила. 1996. № 2.
- Яковенко, 1996д – Яковенко И.Г. Россия и Запад: диалектика взаимодействия // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
- Яковенко, 1996е – Яковенко И.Г. Северорусская и южнорусская народности. Этнокультурные и политические аспекты // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Яковенко, 1997а – Яковенко И.Г. Небесный Иерусалим или Российская империя: диалектика должного и сущего. Цикл статей // Рубежи. 1997. № 5–9.
- Яковенко, 1997б – Яковенко И.Г. Северный Кавказ сегодня: взаимодействие локальных цивилизаций // Рубежи. 1997. № 3.
- Яковенко, 1998 – Яковенко И.Г. Культурные аспекты механизмов и социально-психологические источники массового террора // Мир психологии. 1998. № 3.
- Яковенко, 1999 – Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1999.
- Яковенко, 2000а – Яковенко И.Г. О субстанции локальной цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М.: ИВИ РАН, 2000.
- Яковенко, 2000б – Яковенко И.Г. Эсхатологическая доминанта российского сознания и реальность переходных эпох // Искусство и наука об искусстве в переходные периоды истории культуры. М., 2000.
- Яковенко, 2000в – Яковенко И.Г. Эсхатологическая доминанта российской ментальности (связи, обусловленности, логика актуализации) // ОНС. 2000. № 3.

Яковенко, 2001а – *Яковенко И.Г.* Методологические аспекты цивилизационных исследований // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х гг: Сб.статей/ Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2001.

Яковенко, 2001б – *Яковенко И.Г.* Российское государство: дополнительность социального и культурного анализа //Россия: трансформирующееся общество/ Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2001.

Яковенко, 2001в – *Яковенко И.Г.* Слом как проблема цивилизационного анализа//Культура в эпоху цивилизационного слома: Материалы международной научной конференции. Москва, 12–14 марта 2001.

Яковенко, 2002 – *Яковенко И.Г.* Ментальность в структурировании субъекта и субъектности // Человек как субъект культуры/ Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2002.

Яковенко, 2003а – *Яковенко И.Г.* Природа ритуала // Мир психологии. 2003. № 3.

Яковенко, 2003б – *Яковенко И.Г.* Цивилизационная специфика России //Цивилизационная специфика России: «каким аршином мерить?» Никитский клуб: Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М., 2003. Вып. 12.

Яницкий, 1996 – *Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России: Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996.

Яницкий, 1998 – *Яницкий О.Н.* Россия: риски и опасности «переходного» общества/ Под ред. О.Н. Яницкого. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Яницкий, 2003 – *Яницкий О.Н.* Социология риска. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Янин, 1994 – *Янин В.* Что за зло ты против меня имешь? // Знание – сила. 1994. № 5.

Оглавление

Введение	5
ЧАСТЬ I. РИСКИ И КУЛЬТУРА	9
Глава 1. Культурная составляющая риска	9
Глава 2. Стадиальная составляющая риска	21
Глава 3. Системные характеристики цивилизационного кода	32
Глава 4. Риски, коренящиеся в технологических аспектах человеческой деятельности	49
ЧАСТЬ II. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ	70
Глава 5. Риски фазового перехода от экстенсивной к интенсивной стратегии исторического бытия	70
Глава 6. Риски национальных интеграторов в постсоветской России	109
Глава 7. Территориальная целостность Российского государства как проблема рисков	150
Заключение	168
Литература	170

Яковенко Игорь Григорьевич

РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Директор издательства *Б.В. Орешин*

Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Редактор *Е.Ю. Леонова*

Компьютерная верстка *А.Ю. Агеевой*

Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1

Печ. л. 11,0. Тираж 1000. Заказ № 200.

Издательство «Прогресс-Традиция»

119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9

Телефон (095) 245-53-95, 245-49-03

ISBN 5-89826-258-X

9 785898 262587